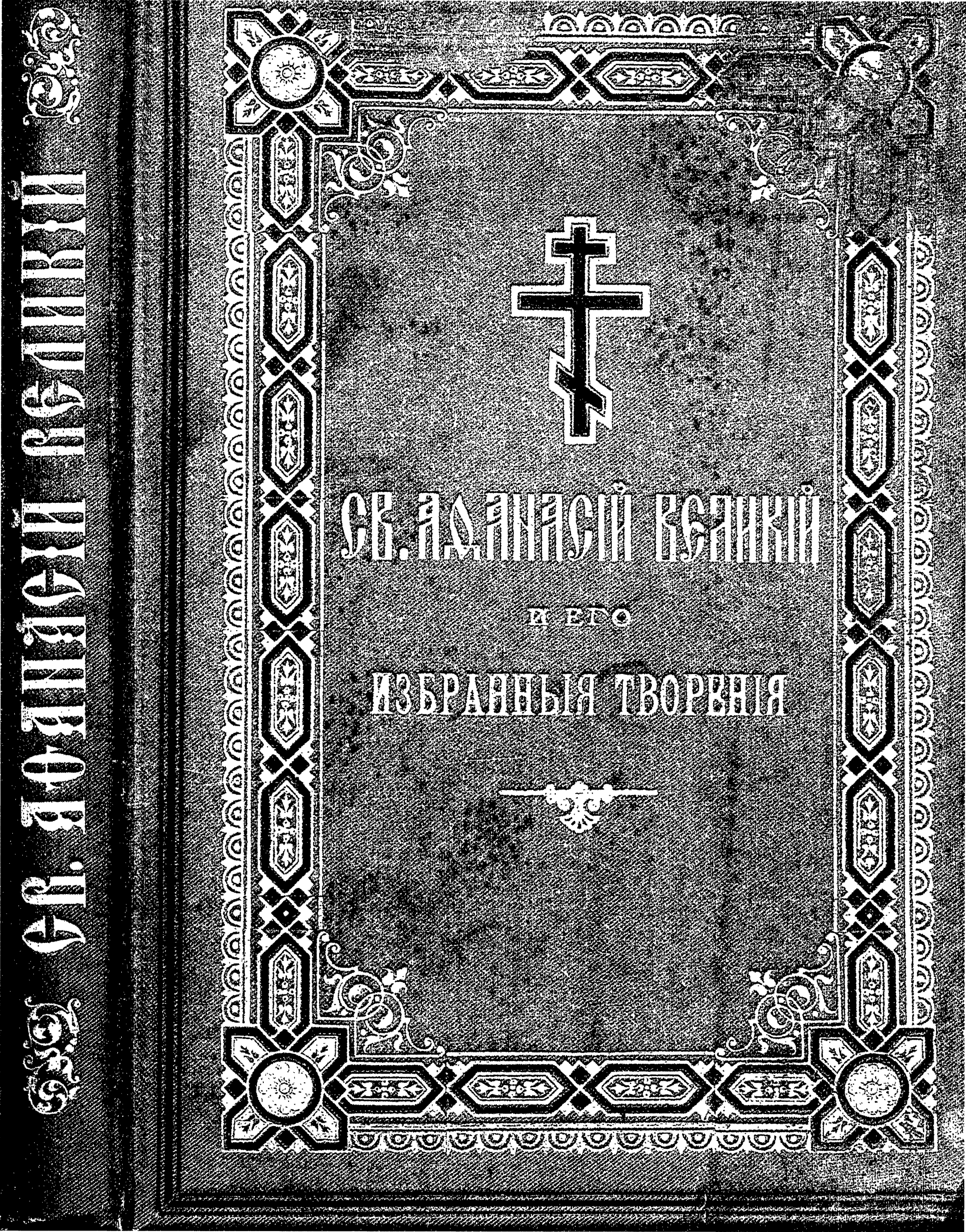

СВ. АѲАНАСІЙ ВЕЛИКІЙ
И ЕГО
ИЗБРАННЫЯ ТВОРЕНІЯ
СВ. АѲАНАСІЙ ВЕЛИКІЙ

Св. Аѳанасій Великій

АРХІЕПИСКОПЪ АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ

И ЕГО

ИЗБРАННЫЯ ТВОРЕНІЯ

Ніканѡра

Епископа Архангельскаго и Холмогорскаго

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Л. ТУЗОВА

1893

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА.

въ С.-Петербургѣ, Садовая улица, Гостиный дворъ, № 45.

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) **Акаѳістъ святому ангелу, неусыпаемому хранителю человѣческія жизни.** Съ изображ. св. ангела. Гражд. печ. Роскошн. изд., отпеч. на вел. бум., двумя красками, крупной печати. Спб. Ц. 30 коп., въ коленк. перепл. 75 к.

2) **Акаѳістъ Пресвятѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ Всѣхъ Скорбящихъ Радости.** Церк. печ. Спб., ц. 20 к., гражд. печ., ц. 20 к.

3) **Акаѳістъ Пр. Богородицѣ явленія ради чудотворныя иконы Ея, Казанскія.** Церк. печ., Спб. Ц. 20 к. Гражд. печ., ц. 20 к.

4) **Акаѳістъ ко Пр. Госп. Владычицѣ, Дѣвѣ Богородицѣ, преславнаго ради явленія чудотворныя иконы Ея, именуемыя Тихвинскія.** Церк. печ. Спб., ц. 20 к. Гражд. печ., ц. 20 к.

5) **Акаѳістъ святому пророку Божію Иліи.** Церк. печ Ц. 30 к. Гражд. печ. Ц. 30 к.

6) **Акаѳістъ св. чудотворцу Іоанну Воину.** Гражд. печ., Спб. Ц. 20 к. Церк. печ., въ 4 д. листа, ц. 50 к.

7) **Акаѳістъ св. мучен. Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви и матери ихъ Софіи.** Съ изображеніемъ. СПБ., 1894 г. Церк. печати, ц. 30 к., тоже гражд. печ., ц. 30.

8) **Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной отвѣтственности.** Іером. *Антонія.* Изд. 2-е. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.

9) **Объ истинномъ христіанствѣ.** Съ присовокупленіемъ райскаго вертограда, исполненнаго христіанскихъ добродѣтелей, или собранія поучительныхъ и утѣшительныхъ молитвъ. Сочиненіе *Іоанна Арндта.* Два тома въ 5-ти частяхъ. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученич. библ. средн. учебн. завед. и нач. школъ. 1240 стр. Спб., 1875 г. Ц. 4 р.

10) **Поученія къ простому народу.** *Іоанна Архангельскаго,* священника Саратовской Срѣтенской церкви. Изд. 6-е. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ коленк. пер. 2 р. 25 к. Учен. Комит Мин. Нар. Просв. одобр. для ученич. библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед.

11) **Нравоучительныя повѣсти для дѣтей.** Протопр. *В.Б. Бажанова.* Спб., 1889 г. Ц. 25 к.

12) **Пища для ума и сердца, или собраніе христіанск. размышл.** Перев. съ иностран. Прот. *В. Б. Бажанова.* Спб., 1889 г. Ц. 1 р.

13) **Примѣры благочестія изъ житій святыхъ.** Пр. *В.Б. Бажанова.* Спб., 1889 г. Ц. 25 к.

14) **Притчи, избранныя изъ Круммахера** Пр. *В. Б. Бажановымъ.* Спб., 1889 г. Ц. 25 к.

15) **Сокровище духовное отъ міра собираемое.** Изъ твореній св. отца нашего Тихона, еп. Воронежскаго. Протопр. *В. Б. Бажанова.* Спб, 1889 г. Ц 20 к.

16) **О вѣрѣ и жизни христіанской.** Протопр. *В.Б. Бажанова.* Изд. 7-е. Спб., 1891 г. Ц. 10 к.

17) **О религіи.** Протопр. *В. Б. Бажанова.* Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

18) **Правила святой жизни.** Изложены Аввою *Бернардомъ.* Спб., 1882 г Ц 50 к., въ роскошн. коленк. переплетѣ 1 р.

19) **Бесѣды Евг. Берсье.** Томы 1, 2 и 3. Спб., 1890—93 г. Ц. 2 р. 60 к.

20) **Голосъ сельскаго пастыря.** Поученія, рѣчи и внѣбогослужебныя чтенія. Священ. *Ѳ. Богородскаго.* Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб 1893 г. ц. 1 р. 50 к.

21) **Бесѣды на сvмволъ вѣры,** говорен. свящ. *П. Богоявленскимъ.* Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

22) **Бесѣды о молитвѣ Господней,** говорен. къ сельск. прих. свящ. *П. Богоявленскимъ.* Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 30 к.

23) **День святой жизни, или отвѣтъ на вопросъ: какъ мнѣ жить свято?** Изд. 2-е, Спб. 1894 г. Ц. 30 к.

24) **Борисъ, архим. Рект. Спб. Дух. Акад.** Въ какихъ отношеніяхъ особенно важно для пастыря Церкви обладать научнымъ знаніемъ Богословія? Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

25) — Въ чемъ искать счастья въ жизни? Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

26) — Къ учащимся. О значеніи и пользѣ образованія. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

27) — О побужденіяхъ къ усерднымъ занятіямъ науками, по ученію Слова Божія. Спб., 1893г. Ц. 10 к.

28) — Опытъ объясненія XLIX главы книги Бытія. Спб., 1893 г. Ц. 20 к.

29) **Знаменіе Божіей Матери.** Съ изображеніемъ иконы. Соч. свящ. *Д. Булгаковскаго.* Спб., 1893 г. Ц. 5 к.

30) **Молитва царица добродѣтелей.** Свящ. *Д. Булгаковскаго.* Изд. 4-е. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

31) **Память о покойникахъ.** Свящ. *Д. Булгаковскаго.* Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 5 к.

32) **Такъ ли мы живемъ какъ Богъ велитъ?** Свящ. *Д. Булгаковскаго.* Спб. 1893 г. Ц. 3 к.

Св. Аѳанасій Великій

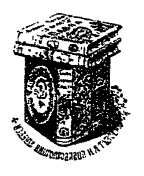
Архіепископъ Александрійскій

и его

Избранныя творенія

Нїканѡра

Епископа Архангельскаго и Холмогорскаго

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

изданіе книгопродавца И. Л. Тузова

1893

От Казанскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Мая 9 дня 1893 года.

Профессоръ академіи *П. Знаменскій.*

Сvнодальная типографія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Его жизнь и нравы—правило для епископовъ; его догматы—законы для Православія (Похвальное слово св. Аѳанасію св. Григорія Богослова).

Великую правду изрекъ о святомъ Аѳанасіи Великомъ святый Григорій Богословъ, сказавъ, что его жизнь и нравы могутъ служить правиломъ жизни, а вѣрованія—догматическими узаконеніями. И это имѣло и имѣетъ значеніе какъ для давноминувшихъ вѣковъ, такъ и для нашего времени, обуреваемаго и непорядочностію жизни многихъ и невѣріемъ большинства, и притомъ тѣмъ невѣріемъ, съ которымъ такъ усиленно и настойчиво боролся всю свою многотрудную жизнь святый Аѳанасій Великій, т. е. съ невѣріемъ въ Господа Спасителя нашего Іисуса Христа, какъ Единороднаго Сына Божія, Единосущнаго Отцу.

Посему обозрѣніе жизни великаго вселенскаго учителя, его многочисленыхъ трудовъ и твореній въ защиту истинной вѣры можетъ быть въ настоящее время вдвойнѣ полезнымъ, т. е. и въ смыслѣ указанія въ немъ положительнаго примѣра вѣры и образца

осуществленія ея въ неуклонно истинно-христіанской жизни, и въ смыслѣ указанія тщетности усилій современнаго невѣрія водрузить свое знамя на несокрушимой стѣнѣ Православія, упирающагося на такіе гранитные столпы его, какимъ былъ напримѣръ святый Аѳанасій.

Жизнь и вѣра святаго Аѳанасія такъ тѣсно связаны между собою, что его жизнь была всецѣлымъ выраженіемъ его вѣры, а вѣра была его жизнію, такъ что у него не было жизни внѣ вѣры и вѣры—безъ жизни. Это былъ чистѣйшій алмазъ. который, съ какой бы стороны ни разсматривали его, всегда и вездѣ оказывался одинаково драгоцѣннымъ, свѣтлымъ и прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ. По слову того же Богослова Григорія, *«онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ добродѣтели въ совокупности ихъ»!* Но и онъ, подобно всѣмъ святымъ, не сразу достигъ такой высоты духа. И онъ былъ юнымъ, былъ мужемъ и старцемъ. И онъ сначала былъ руководимъ другими, а потомъ управлялъ великимъ множествомъ другихъ. И онъ страдалъ и торжествовалъ побѣды. Съ этихъ точекъ мы и обозримъ его многолѣтнюю и разнообразную жизнь, по ея многоразличнымъ соотношеніямъ съ императорами, патріархами, множествомъ епископовъ, пресвитеровъ и міранъ всего тогда извѣстнаго міра, простиравшагося отъ Александріи до Констан-

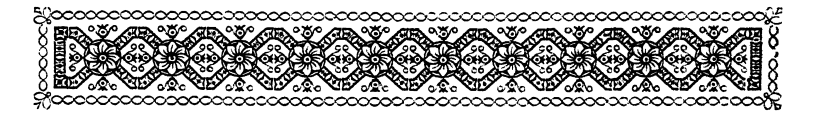
тинополя и отъ Рима до Іерусалима и Антіохіи. Были времена, когда о святомъ Аѳанасіи говорилъ весь христіанскій міръ, и были моменты, когда, повидимому, на немъ одномъ опиралась судьба всего Православія, безпощадно гонимаго и притѣсняемаго злыми еретиками аріанами. И святый Аѳанасій, удержавъ неистовый натискъ безчисленнаго сонма этихъ злодѣевъ, вынесъ побѣдоносно знамя Православія цѣлымъ и невредимымъ; а въ своихъ твореніяхъ и живыхъ воспоминаніяхъ современниковъ о его неустанной борьбѣ съ еретиками онъ оставилъ вѣковѣчные памятники несокрушимости Православія никакими его врагами, исходящими изъ самыхъ вратъ адовыхъ, а тѣмъ болѣе неуязвимаго мелкими современными нападками на него.

Одинъ нашъ богословъ, начиная свой замѣчательный трудъ о святомъ Аѳанасіи, писалъ: «христіанская Церковь, многократно подвергавшаяся гоненіямъ и всякаго рода бѣдствіямъ, о которыхъ предсказалъ Божественный Основатель ея Іисусъ Христосъ (Іоан. XVI), ни отъ чего и ни отъ кого не испытала столь великой опасности, какъ отъ еретиковъ. Еретики, посягая и на внѣшнее благосостояніе вѣрующихъ, стремились преимущественно возмутить внутренній миръ ихъ, похитить у нихъ истинное сокровище—чистоту вѣры и благочестія, извращали святыя

истины богооткровеннаго ученія и такимъ образомъ посягали прямо на то, безъ чего самая Церковь не была бы истинною Христовою Церковію... Изъ всѣхъ же ересей, возникавшихъ въ Церкви отъ временъ Апостольскихъ донынѣ, самая опасная, гибельная и сопровождавшаяся важнѣйшими послѣдствіями есть ересь аріанская... Ересь аріанская по всей справедливости можетъ быть названа хитрѣйшимъ изобрѣтеніемъ духа злобы. Эта ересь вызвала защитниковъ вѣры на востокѣ и западѣ... Но между ними первое мѣсто не только по времени, но и по силѣ, дѣятельности и неутомимости занимаетъ святый Аѳанасій» [1]).

---

[1]) См. «О заслугахъ святаго Аѳанасія для Церкви въ борьбѣ съ аріанствомъ», соч. баккалавра С.-Петерб. дух. акад. магистр. Е. Ловягина, 1850 г., стр. 1—4.

Жизнь святаго Аѳанасія.

Дѣтство и юность.

Дѣтство и юность святаго Аѳанасія протекли въ столицѣ Египта—Александріи, гдѣ и родился онъ около 297 года по Р. Х. Родители его были бѣдные люди, однако занимавшіе хорошее положеніе, и были добрые христіане, которыхъ онъ вѣроятно скоро лишился, а потому и взятъ былъ въ ранней юности въ домъ архіепископа Александрійскаго Александра.

Историкъ Руфинъ, посѣтившій Александрію при жизни святаго Аѳанасія, та́къ разсказываетъ объ этомъ событіи: «однажды благочестивый архіепископъ Александръ праздновалъ день рожденія своего замученнаго предшественника—архіепископа Петра, и ожидалъ нѣкоторыхъ изъ своего духовенства на (духовное) торжество. Окна его дома выходили къ морю, и когда онъ стоялъ, смотря изъ нихъ по направленію къ гавани, то увидѣлъ на берегу толпу мальчиковъ. Они играли въ церковныя церемоніи. Полагая, что дѣти зашли въ своихъ играхъ очень далеко, архіепископъ приказалъ нѣкоторымъ изъ духовенства посмотрѣть за этими играми, и затѣмъ велѣлъ привести мальчиковъ въ свое присутствіе. Мальчики сознались,

что они сдѣлали Аѳанасія епископомъ, и что онъ крестилъ тѣхъ изъ нихъ, которые были оглашенными, чрезъ погруженіе въ море, со всѣми установленными формами. Находя, что вопросы задавались должнымъ образомъ и отвѣты давались правильно, архіепископъ рѣшилъ признать это крещеніе дѣйствительнымъ, но дополнилъ его мѵропомазаніемъ. Онъ позвалъ родителей мальчиковъ, дѣйствовавшихъ въ качествѣ пресвитеровъ, и посовѣтовалъ имъ, чтобы они воспитывали ихъ для священства. Аѳанасію онъ позволилъ закончить свое образованіе и затѣмъ удержалъ его въ своемъ домѣ, подобно тому какъ Самуилъ былъ воспитанъ въ скиніи Господней». Этотъ разсказъ удивителенъ, но его нельзя считать невозможнымъ, такъ какъ онъ сообщенъ почтеннымъ историкомъ и признается многими изслѣдователями. Впрочемъ, и помимо сего свидѣтельства извѣстно, что Аѳанасій съ раннихъ лѣтъ занималъ мѣсто въ домѣ архіепископа Александра и жилъ съ нимъ «какъ сынъ съ отцомъ». Это пребываніе Аѳанасія въ домѣ архіепископа, въ качествѣ любимца его, не могло не отразиться на обширности и всесторонности его образованія, начатаго подъ руководствомъ родителей, которые по обычаю времени познакомили его съ основами какъ религіознаго ученія, такъ и свѣтскаго. Быть можетъ теперь Аѳанасій, какъ юный клирикъ, не могъ какъ прежде посѣщать знаменитѣйшую Александрійскую библіотеку того времени (состоявшую изъ десятковъ тысячъ рукописныхъ книгъ), гдѣ языческіе риторы и философы

охотно предлагали свои знанія и руководство всѣмъ ищущимъ мудрости и краснорѣчія, но за то онъ теперь могъ ближе стать къ зависимой отъ архіепископа христіанской Александрійской школѣ, въ которой къ этому времени накопилось свое великое книжное сокровище, обогатившееся отъ одного ея знаменитаго учителя и руководителя Оригена 6000-ми рукописей.

Кромѣ сего дѣтство Аѳанасія совпало съ періодомъ ужаснаго гоненія на христіанъ при Діоклитіанѣ, а потому на крѣпость и силу склада его религіознаго развитія имѣли вліяніе многіе исповѣдники, потерпѣвшіе въ это время отъ языческаго гоненія, а также и св. мученики, о страданіи коихъ столь многіе могли разсказывать тогда, какъ очевидцы.

Аѳанасій изучилъ грамматику и риторику, былъ знакомъ съ Гомеромъ и Платономъ и со всею философіею, изучилъ юриспруденцію. Но главное вниманіе Аѳанасія было обращено на изученіе и усвоеніе Священнаго Писанія и пониманіе его, въ пользу котораго такъ много потрудился Оригенъ и другіе учители Александрійскіе. И Аѳанасій такъ зналъ всѣ книги Священнаго Писанія, какъ не многіе знали и одну книгу.

По сообщенію историка Созомена, святый Аѳанасій еще въ юности сдѣланъ былъ писцомъ и домашнимъ секретаремъ Александрійскаго архіепископа. Это также благодѣтельно вліяло на развитіе Аѳанасія и расширяло горизонтъ его понятій и практическихъ цер-

ковныхъ обобщеній. Всемірная столица морской торговли и образованности того времени—Александрія съ первыхъ временъ христіанства была одною изъ великихъ церковныхъ митрополій, начало которой положено было святымъ Апостоломъ и Евангелистомъ Маркомъ. Около же этого времени авторитетъ Александрійскаго первосвятителя простирался надъ сотнею епископовъ Египта, Ливіи и Пентаполя. Къ этому же патріархату принадлежали пустыни Ѳиваидская, Синайская, Нитрійская и Арсинойская, первые великіе обитатели коихъ, отцы и основатели монашества: Антоній Великій, Пахомій, Макарій и многіе другіе очень нерѣдко заходили въ Александрію, гдѣ у нихъ и довершалъ Аѳанасій свое подвижническое развитіе. Особенно, говорятъ, онъ былъ друженъ съ святымъ Антоніемъ Великимъ, которому онъ въ теченіе нѣкотораго времени прислуживалъ и «*лилъ воду на его руки*». Не могло конечно не повліять на пламенную душу юнаго Александрійца, какъ 80-лѣтній старецъ Антоній бодро стоялъ въ бѣломъ овчинномъ плащѣ предъ пышнымъ и могущественнымъ префектомъ Александріи и мужественно и мудро защищалъ отъ несправедливыхъ преслѣдованій христіанъ, не смущаясь никакимъ страхомъ. И вотъ гдѣ, быть можетъ, загорѣлась та Божественная искра неугасимой ничѣмъ ревности по истинной вѣрѣ, которая горѣла въ юномъ Аѳанасіи и пылала до конца его жизни, распространяя повсюду теплоту любви и свѣтъ вѣры христіанской болѣе чѣмъ 50 лѣтъ при жизни и донынѣ по

смерти. Какъ бы заблаговременно подготовляемый Промысломъ Божіимъ къ великому своему служенію христіанскому міру, святый Аѳанасій весьма рано былъ поставленъ въ діакона, а потомъ возведенъ и въ архидіакона. Живя при архіепископѣ, святый Аѳанасій былъ во многомъ ему помощникомъ, такъ какъ, кромѣ широкаго образованія, онъ обладалъ проницательнымъ умомъ, и, что всего важнѣе, всегда горѣлъ ревностію объ истинной вѣрѣ, цѣнимой имъ выше всего. Труды по патріархату конечно много занимали его, но юный аскетъ находилъ время и для самостоятельныхъ занятій, ища въ нихъ выраженія своего одушевленія вѣрою. Къ этому времени относится его «Слово противъ язычниковъ» [1]), въ которомъ онъ показываетъ нелѣпость идолопоклонства (бывшаго тогда еще въ немалой силѣ), доказываетъ истину единобожія и указываетъ пути къ истинному Богопознанію. Доводы Аѳанасія и самобытны и могущественны. Къ этому же времени относятъ знаменитое произведеніе «О воплощеніи Слова», гдѣ говорится о необходимости воплощенія Сына Божія для возстановленія падшаго человѣчества и доказывается съ полною основательностію, что воплотившееся Слово есть Единородный Сынъ Божій [2]). Этотъ завѣтный предметъ юношески-

---

¹) См. Приложеніе 1-е.

²) Сочиненіе это представляетъ одну изъ раннихъ попытокъ изложенія этой важнѣйшей христіанской истины въ философско-религіозной формѣ и обнаруживаетъ въ авторѣ, вмѣстѣ съ ясностію представленія средоточной важности ученія о Божественномъ достоинствѣ лица Христа, пламенную силу убѣжденія въ немъ. См. Приложеніе 2-е.

пламенной вѣры святаго Аѳанасія былъ потомъ основнымъ предметомъ несокрушимаго убѣжденія въ пору его твердаго мужества и славнѣйшимъ предметомъ упованія при концѣ многотрудной жизни, отягченной неустанною борьбою съ еретикомъ Аріемъ и его приверженцами.

Арій въ это время былъ приходскимъ священникомъ въ Александріи, неподалеку отъ дома архіепископа (въ Баукалисѣ), а потому, конечно, онъ давно былъ небезъизвѣстенъ святому Аѳанасію. Но еще ближе сталъ знакомъ онъ Аѳанасію, когда о его еретическомъ мнѣніи заговорила вся Александрія и когда престарѣлый архіепископъ долженъ былъ бороться съ нимъ не однимъ авторитетомъ епископской власти, но и силою вразумленія, обличенія и посрамленія.

Вотъ при семъ-то послѣднемъ и былъ для своего архіепископа правою рукою архидіаконъ Аѳанасій.

Арій былъ воспитанникъ Антіохійской школы Лукіана, отличавшейся въ пониманіи слова Божія буквализмомъ, а въ Александріи больше любили смыслъ аллегорическій, таинственный. Но это неблагопріятное образованіе Арія не очень обнаруживалось. Человѣкъ вообще мятежный и безпокойный, онъ однако скрывалъ свой нравъ подъ маскою святости. Многіе его товарищи уже давно были епископами, какъ напр. Евсевій Никомидійскій, Марій Халкидонскій. И онъ думалъ быть епископомъ и былъ кандидатомъ на епископство вмѣстѣ съ Александромъ, по избраніи котораго Арію казалось оскорбительно, что избрали не его. Отсюда-то вотъ и пошли его раздоры съ сво-

имъ архипастыремъ, окончившіеся нечестивымъ провозглашеніемъ отъ Арія богохульной ереси о сотворенности Сына Божія и подчиненности Его Богу.

Александръ съ Аѳанасіемъ сначала увѣщевалъ Арія частно, при чемъ вся хитрая логика послѣдняго и вкрадчивость рѣчи совершенно стушевывались предъ проницательностію ума и ясностію доводовъ всецѣло преданнаго истинѣ святаго Аѳанасія. Но Арій не вразумлялся, и архіепископъ собралъ соборъ. Еретикъ и здѣсь утверждалъ смѣло, что Сынъ подчиненъ Отцу и что «*было такое время, когда Его не было*», что «*Отецъ и Сынъ крайне неподобны, до безконечности*». Онъ даже называлъ Сына «*тварію или сотвореннымъ бытіемъ*». Очевидно, это было возвращеніе къ язычеству, такъ какъ лжеученіемъ Арія Христосъ уподоблялся полубогамъ: Озирису, Геркулесу или теософическимъ силамъ, о коихъ учили Филонъ и другіе Александрійскіе ученые и философы. Изувѣрство Арія глубоко возмутило истинно вѣрующихъ, но нашлись слабые, которые прельстились мнимыми доказательствами искуснаго въ словѣ еретика, и соборъ не пришелъ ни къ какому опредѣленію. Лукаво и нелѣпо смѣшивая вѣчныя и божественныя отношенія между вѣчнымъ Отцомъ и совѣчнымъ Сыномъ съ отношеніями человѣческой жизни, аріане, обращаясь къ женщинамъ, спрашивали глупыхъ женщинъ: «скажи, пожалуйста, имѣла ли ты сына, прежде чѣмъ сдѣлалась матерію?» Услышавъ о семъ, святый Аѳанасій съ негодованіемъ восклицалъ: «*они называютъ себя*

христіанами и въ то же время измѣняютъ славу Божію въ подобіе образа тлѣннаго человѣка». Въ 321 году архіепископъ Александръ созвалъ другой соборъ противъ Арія. Святый Аѳанасій ясно доказывалъ, что Христосъ есть Богъ воплощенный и что ересью Арія затрогивается преданность христіанскихъ душъ Спасителю ихъ, и Арій былъ осужденъ вмѣстѣ съ 2 епископами и 11 діаконами. За Арія вступился другъ его Евсевій, епископъ Никомидійскій, пользовавшійся большимъ вліяніемъ вслѣдствіе того, что дворъ императора Константина Великаго тогда находился въ Никомидіи, куда отправился и Арій, сначала смутивъ многихъ своими еретическими пѣснями и поэмами, вышедшими подъ названіемъ Ѳаліи. Пѣсни эти пѣлись рыбаками и разносчиками. Споры христіанъ осмѣивались въ театрѣ. Чрезъ сестру императора дошелъ слухъ о сихъ спорахъ и до Константина Великаго. Въ сентябрѣ 323 года онъ разбилъ Ликинія, и весь Греко-Римскій міръ принадлежалъ ему. Боясь большаго смущенія, онъ не поѣхалъ самъ въ Александрію, но послалъ туда самаго маститаго іерарха—Осію, епископа Кордубскаго. Но на ослѣпленныхъ аріанъ не подѣйствовала и мудрая простота ученія старца, убѣленнаго сѣдинами, какъ они не вняли и огневымъ рѣчамъ молодаго архидіакона. Императоръ употребилъ и еще нѣсколько мѣръ, въ надеждѣ, что «Богъ не преминетъ обличить обманъ Арія, если онъ обманулъ его или скрылъ что-либо». И Богъ дѣйствительно не преминулъ обличить обманъ Арія на 1-мъ Вселенскомъ Соборѣ.

Участіе святаго Аѳанасія на 1-мъ Вселенскомъ Соборѣ.

Участіе святаго Аѳанасія на 1-мъ Вселенскомъ Соборѣ было самое дѣятельное. Мысль о созваніи въ 325 г. 1-го Вселенскаго Собора въ г. Никеѣ принадлежала святому равноапостольному императору Константину Великому. Онъ же далъ и всѣ средства къ осуществленію этого величайшаго дѣла, открывшаго въ исторіи Церкви новый періодъ и положившаго твердѣйшее обоснованіе ея порядковъ. И какое чудное было это собраніе! Здѣсь былъ святый Паѳнутій, епископъ Ѳиваидскій, который едва держался на своемъ мѣстѣ, волоча ногу, жилы которой были подрѣзаны во время пребыванія его въ рудникахъ, и свидѣтельствуя однимъ своимъ высохшимъ пустымъ глазомъ о томъ страданіи, которое онъ претерпѣлъ за вѣру во время Діоклитіанова гоненія. Здѣсь былъ Павелъ, епископъ Месопотамской Неокесаріи, поднимавшій для благословенія руку, сожженную огнемъ. Тамъ были Іаковъ Низибійскій и Персіанинъ Іоаннъ, именовавшійся митрополитомъ Индіи. Тамъ былъ святый Николай Мирликійскій чудотворецъ и Евстаѳій Антіохійскій, подвергшійся потомъ гоненію отъ язычниковъ. Здѣсь былъ святый Спиридонъ, епископъ Кипрскій, который возведенъ былъ въ епископскій санъ изъ пастушескаго состоянія и такъ посрамилъ философа Евлогія, что послѣ нѣсколькихъ словъ Спиридонъ спросилъ его: вѣруетъ ли онъ во Христа, и Евлогій отвѣтилъ

«вѣрую» и тотчасъ же согласился принять крещеніе. Словомъ, здѣсь былъ величайшій сонмъ святыхъ отцевъ, исповѣдниковъ и учителей вѣры со всѣхъ концовъ тогда извѣстнаго міра, всего около 318 членовъ Собора, кромѣ множества лицъ окружавшихъ ихъ и бывшихъ съ императоромъ. Самъ императоръ Константинъ Великій смутился, вошедши въ этотъ священный сонмъ представителей всѣхъ церквей нераздѣльнаго тогда міра. Императоръ былъ облаченъ во всѣ блистательныя принадлежности восточной царственности. Отличаясь при обыкновенныхъ случаяхъ прямой поступью и почти львинымъ блескомъ своихъ яркихъ очей, теперь онъ шелъ между рядами епископовъ съ поникнутыми взорами. На его щекахъ выступилъ замѣченный всѣми румянецъ. Онъ приблизился къ своему мѣсту и занялъ его только тогда, когда получилъ на это знакъ отъ епископовъ. Рядомъ съ нимъ сѣлъ предсѣдатель Собора авраамоподобный старецъ Осія, епископъ Кордубскій (въ Испаніи), а по другую сторону приближенный къ императору Евсевій, епископъ Никомидіи, въ епархіи котораго была Никея. Оправившись, Константинъ произнесъ рѣчь, въ которой умолялъ всѣхъ позаботиться о мирѣ.

Члены Собора были различны по образованію: многіе изъ нихъ болѣе были сильны вѣрою, нежели научными знаніями; но не мало здѣсь было и высокообразованныхъ людей, какъ напримѣръ Евсевій Кесарійскій, открывшій Соборъ рѣчью къ императору.

Главный интересъ Собора сосредоточивался на Аріи и его лжеученіи. Первымъ обвинителемъ его выступилъ патріархъ Александрійскій Александръ, имѣвшій вездѣ съ собою своего наперсника и неутомимаго сотрудника въ лицѣ архидіакона Аѳанасія, который былъ болѣе всѣхъ подготовленъ для борьбы съ еретичествомъ Арія, и по своей пламенной ревности объ истинной вѣрѣ чаще другихъ выступалъ противъ разглагольствованій Арія.

Арію было около 60 лѣтъ, а святому Аѳанасію не болѣе 30. Внѣшность Арія была отталкивающая. Лицо у него было блѣдное, взоры поникнутые, черты лица истощенныя, волосы заплетенные, фигура высокая и тощая; говорилъ онъ вкрадчиво-очаровательно; но манеры его часто отличались взрывами такого сильнаго возбужденія, которое заставляло многихъ называть его Ариманомъ (богомъ зла). Аѳанасій же былъ человѣкъ небольшаго роста, но его бодрая живость, свѣтлые взгляды и чисто ангельское лицо были предметомъ почти общаго восторга. Тщетно хитрый Арій и его приверженцы (особенно Евсевій Никомидійскій) старались ввести въ обманъ простодушныхъ разными изворотами словъ и мыслей. Всѣ ухищренія ихъ мудро и быстро были изобличаемы, всѣ ложныя основанія раскрываемы Аѳанасіемъ. Тонкій умъ и несокрушимая логика святаго Аѳанасія скоро сдѣлались ужасомъ для его враговъ. Вскорѣ было указано одно слово, которымъ вѣрно опредѣлялось существо Сына Божія въ Его отношеніи къ Отцу. Это слово:

омоусіосъ, единосущный. Святый Аѳанасій доказалъ важность этого слова въ опровերженіи еретичества Арія и необходимость его введенія въ Сѵмволъ вѣры, такъ какъ имъ показывалось въ полнѣйшемъ смыслѣ божественное и соравное со Отцемъ существо Сына Божія Іисуса Христа. Тщетно нѣкоторые старались замѣнить слово «омоусіосъ» похожимъ словомъ *оміусіосъ,* подобосущный, которое совершенно извращаетъ православное ученіе. Утвержденіе Сѵмвола вѣры сопровождалось анаѳематствованіемъ аріанства. Книги Арія рѣшено было подвергнуть сожженію. Самъ Арій былъ изгнанъ, равно какъ Ѳеона и Секундъ, единственные епископы, которые не хотѣли оставить аріанства. Никейскій Сѵмволъ вѣры былъ законченъ прибавленіемъ членовъ вѣры въ Духа Святаго, въ Церковь и будущую жизнь на 2-мъ Вселенскомъ Соборѣ въ Константинополѣ (381 г.), подтвержденъ на 3-мъ Вселенскомъ Соборѣ въ Ефесѣ (431 г.) и запечатлѣнъ на 4 Соборѣ (451 г.) въ Халкидонѣ. Въ прощальной рѣчи императоръ снова молилъ всѣхъ избѣгать распрей и любить миръ. Епископы отправились домой, какъ и прибыли на Соборъ, на императорскій счетъ. По одному сказанію, многіе епископы были приглашены императоромъ въ основываемый имъ новый городъ—Византію (Константинополь). Здѣсь престарѣлый епископъ Митрофанъ, обратившись къ Александру, епископу Александрійскому, сказалъ, указывая на Аѳанасія: «ты также, братъ мой, будешь имѣть хорошаго преемника. Вотъ доблестный поборникъ Христа!

Много борьбы вынесетъ онъ въ сообществѣ не только съ моимъ преемникомъ Александромъ, но и съ моимъ слѣдующимъ преемникомъ Павломъ». Сообщая о семъ, Фарраръ говоритъ: «какое бы историческое значеніе ни имѣло это сказаніе, оно во всякомъ случаѣ съ достаточностію указываетъ на то, что Аѳанасій, прибывшій въ Никею еще въ положеніи молодаго діакона лишь съ мѣстною извѣстностію, возвращался домой уже всемірно извѣстнымъ человѣкомъ .

Первые годы архіепископства святаго Аѳанасія и его изгнанія.

Вскорѣ по возвращеніи съ Собора, Александрійскій епископъ занемогъ. Аѳанасія въ это время въ Александріи не было. Умирающій старецъ блуждающимъ взоромъ искалъ того, кому онъ желалъ бы поручить свою паству. «Аѳанасій, Аѳанасій, сказалъ онъ, ты думаешь убѣжать! Нѣтъ, не убѣжишь!» И дѣйствительно, Аѳанасій не избѣжалъ священнаго жребія, предназначеннаго ему свыше. Лишь только явился онъ въ Александрію, какъ народъ сталъ неотступно просить отъ собравшихся епископовъ, чтобы они посвятили въ Александрію епископомъ Аѳанасія, что тѣ и исполнили. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ архіепископа Аѳанасія было обозрѣніе своего обширнѣйшаго архипастырскаго округа, смущеннаго еретичествомъ Арія и другими волненіями. Въ его округѣ было нѣсколько епископовъ, которые являлись къ нему со множе-

ствомъ вопросовъ, а тысячи пустынныхъ иноковъ встрѣчали его съ славословіями. И Аѳанасій, самъ будучи постникомъ и аскетомъ, съ восторженнымъ чувствомъ смотрѣлъ на это воинство Господне, которое вело борьбу съ исконнымъ врагомъ спасенія подъ опытнымъ руководствомъ началоположниковъ монашескаго житія—святыхъ Антонія и Пахомія. Смиренный авва Пахомій былъ здѣсь же, среди встрѣтившихъ своего патріарха, но боясь, чтобы онъ не поставилъ его во пресвитера, скрывался среди братіи. Увидѣвъ Аѳанасія, онъ пророчески воскликнулъ: «вотъ человѣкъ Божій, которому придется много перенести за дѣло истинной вѣры». Что и сбылось. Изъ пустыни Ѳиваидской Аѳанасій взялъ многихъ иноковъ для возведенія въ разныя степени священства. Святый Аѳанасій усердно старался сдѣлать все возможное для своего патріархата. Достопамятнѣйшимъ событіемъ первыхъ лѣтъ его архипастырскаго служенія должно въ особенности назвать посвященіе имъ перваго епископа въ Абиссинію—Фрументія, чудесно попавшаго туда еще въ дѣтствѣ. Но главнѣйшимъ и важнѣйшимъ дѣломъ святаго Аѳанасія была его неустанная борьба съ аріанами, которые, видя въ немъ самую сильную опору Православія, всѣми возможными средствами старались его низложить и погубить. Жизнь святаго Аѳанасія въ непрестанной борьбѣ была повидимому невыносима. Враги преслѣдовали его съ неусыпною злобою; они не давали ему покоя ни на одинъ день. Но Аѳанасій, какъ крѣпкій гранитъ, былъ

несокрушимъ духомъ, всегда горѣвшимъ пламенною ревностію объ истинѣ. Борьба только закаляла его, и грозныя тучи, часто разражавшіяся надъ его головою, только еще болѣе возбуждали его мощный духъ.

Судьбы Аѳанасія до того неразрывно сплетены были съ исторіею аріанскихъ споровъ, что Никейская и Аѳанасіевская вѣра стали однозначущими, и различныя невзгоды и торжества Аѳанасія были показателями печальнаго или отраднаго положенія Православія. По проискамъ аріанъ, святый Аѳанасій два раза былъ въ изгнаніи, три раза онъ принужденъ былъ удаляться въ Африканскія пустыни и столько же разъ радостно возвращался въ свою епархію, непрестанно ратоборствуя противъ враговъ Православія.

Еретикъ Арій, года черезъ 3, чрезъ посредство сестры императора, успѣлъ возвратиться изъ заточенія. Явившись къ государю, онъ притворился вѣрнымъ сыномъ Церкви и просилъ о возвращеніи ему общенія съ Церковію. Императоръ предоставилъ разсудить о семъ епископамъ, а между тѣмъ, по примѣру Арія, стали возвращаться изъ ссылки и другіе еретики, изъ которыхъ иные овладѣвали епископскими каѳедрами и поставляли на разныя священныя мѣста своихъ приверженцевъ, низлагая оклеветываемыхъ православныхъ епископовъ. Одинъ изъ приверженцевъ Арія потребовалъ, чтобы Аѳанасій принялъ Арія и его друзей въ общеніе съ собою. Но святый Аѳанасій отвѣчалъ, что онъ не можетъ принять осужденнаго Вселенскимъ Соборомъ. Тогда Аѳанасія оклеветали въ

жестокости надъ однимъ пресвитеромъ. Только что онъ успѣлъ опровергнуть эту клевету, какъ на него взвели рядъ новыхъ обвиненій. Императоръ Константинъ самъ пожелалъ видѣться съ Аѳанасіемъ и, повидавшись, убѣдился въ полной невинности Аѳанасія и назвалъ его «*человѣкомъ Божіимъ*». Но клеветы враговъ не истощались. Аѳанасія обвиняли въ томъ, что онъ будто бы повелѣлъ сокрушить священные сосуды, найденные у одного мелетіанскаго (раскольническаго) священника, сожечь священныя книги и разрушить престолъ.

Кромѣ того, еще говорили, что онъ умертвилъ мелетіанскаго епископа Арсенія, отсѣкъ у него руку для волхвованія и многое другое. Императоръ повелѣлъ разсмотрѣть эти обвиненія собору епископовъ, готовившихся къ освященію храма, построеннаго Константиномъ Великимъ надъ Гробомъ Господнимъ. Тамъ обвинители показывали руку, будто бы отсѣченную у Арсенія. Но обвиняемый спросилъ: «знаетъ ли кто-нибудь изъ васъ Арсенія въ лицо?» Нѣкоторые сказали: «мы знали его, когда онъ былъ живъ». Тогда Аѳанасій вывелъ закутаннаго покрываломъ человѣка, отдернулъ мантію съ его лица и сказалъ: «подними твою голову». «Не это ли Арсеній?» спросилъ онъ. Епископы, которые знали Арсенія, воскликнули: «это онъ!» Снимая съ него плащъ, Аѳанасій велѣлъ ему протянуть сначала одну руку, а затѣмъ другую: «вы видите, сказалъ онъ, у него двѣ руки. Гдѣ же третья, которую я отрубилъ?» Нашлись на-

глецы, которые говорили, что это волхвованіе, но раскаявшійся противникъ Аѳанасія — Арсеній ясно говорилъ о самомъ себѣ. Явилась подкупленная женщина, свидѣтельствовавшая противъ чести подвижника благочестія. Но обвиненіе это немедленно было опровергнуто однимъ находчивымъ пресвитеромъ— Тимоѳеемъ. Поднявшись съ своего мѣста, онъ спросилъ ее, показывая на себя, «дѣйствительно ли она обвиняетъ его въ этомъ преступленіи? «Конечно», отвѣтила женщина, показывая такимъ образомъ всему собору, что она даже не знала Аѳанасія въ лицо. Посрамленные клеветники еще болѣе возбудились противъ Аѳанасія. Лучшіе члены собора оставили его, а еретики объявили Аѳанасія низложеннымъ и Арія ввели въ Церковь. Императоръ потребовалъ несправедливыхъ судей къ себѣ въ Константинополь. Здѣсь враги Аѳанасія возводили на него новыя клеветы. Между прочимъ они говорили, что Аѳанасій запретилъ подвозъ хлѣба изъ Александріи въ Константинополь. Видя полную невинность Аѳанасія и свирѣпое ожесточеніе враговъ его, императоръ Константинъ послалъ святаго Аѳанасія въ столицу Галліи (Франціи)—Триръ, а каѳедру его не позволилъ занять никому.

Арія въ Александріи всетаки не приняли. Хотя архипастыря тамъ и не было, но любовь Александрійцевъ къ Аѳанасію сохранила чистоту ихъ вѣры и святую ревность о ней. «Изгнаніе Аѳанасія, писали Египетскіе епископы, было нашимъ изгнаніемъ». Духъ

Аѳанасія видимо жилъ здѣсь. И кромѣ того Александрійцевъ подкрѣпилъ святый Антоній Великій. Явившись среди многолюднаго города, 80-лѣтній пустынножитель торжественно исповѣдалъ Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ, Присносущнымъ Словомъ и Мудростію Отчею, а ересь аріанскую назвалъ предтечею антихриста. Кромѣ того онъ просилъ письмомъ императора о возвращеніи Аѳанасія, но царь Константинъ, ничего такъ не желая, какъ мира, не рѣшился исполнить его просьбу, а равно и моленіе клира Александрійскаго.

Еретикъ же Арій самъ явился въ столицу имперіи. Друзья его рѣшились ввести его въ церковь. Но, по молитвѣ Константинопольскаго архіепископа Александра, Господь не допустилъ Арія въ церковь. На пути къ церкви онъ былъ схваченъ внезапнымъ приступомъ боли въ желудкѣ и удалился за форумъ (царскую площадь). Прождавши его долго, сопутствующіе ему отправились къ нему и были поражены ужаснымъ зрѣлищемъ: у стараго ересіарха лопнуло чрево, и онъ лежалъ мертвый, плавая въ своей крови, представляя ужасное и поучительное зрѣлище. Почти всѣ здравомыслящіе увидѣли въ этомъ страшный судъ Божій.

Святый Аѳанасій, въ далекомъ своемъ заточеніи, вмѣстѣ съ вѣстію объ ужасной смерти Арія, услышалъ вскорѣ и о другой трогательной кончинѣ, о смерти святаго и великаго, равноапостольнаго императора Константина, который умеръ еще нося бѣлое одѣяніе,

полученное имъ при крещеніи. Хотя не всѣми одобряются нѣкоторыя распоряженія императора Константина относительно Аѳанасія, но послѣдній несомнѣнно убѣждался въ благодѣтельности своего изгнанія и зналъ, сколь вообще благонамѣренъ и благожелателенъ былъ императоръ Константинъ Великій, провозгласившій свободу христіанъ и ставшій самъ святымъ христіаниномъ первый изъ числа императоровъ. Аѳанасій жилъ въ Трирѣ, пользуясь общею любовію и особеннымъ попеченіемъ благочестиваго епископа Максимина, который старался доставить въ изобиліи все необходимое, какъ Аѳанасію, такъ и его сожителямъ, хотя всѣ они жили, довольствуясь самымъ малымъ, чѣмъ невольно поражали окружавшихъ ихъ. Еще болѣе поражали они своими разсказами о подвижничествѣ отшельниковъ Ѳиваидской пустыни, что конечно тоже не оставалось безъ благихъ послѣдствій. Книга же, написанная Аѳанасіемъ впослѣдствіи, о святой жизни преподобнаго Антонія, такъ воспламенила многихъ ревнителей благочестія, что вскорѣ и въ Трирѣ явились свои отшельники.

Во время двухлѣтняго своего пребыванія въ Трирѣ, святый Аѳанасій познакомился съ дѣтьми Константина: Констансомъ и Константиномъ, сдѣлавшимися теперь императорами Запада, чтò также не осталось безъ вліянія на судьбы Церкви. Возвращаясь, по смерти Константина Великаго, въ свою патріархію, Аѳанасій дважды видѣлся съ Констанціемъ—третьимъ сыномъ Константина Великаго, которому достался Египетъ

и весь Востокъ, и принятъ былъ имъ радушно. Возвращеніе Аѳанасія принесло паствѣ его неописанную радость. Народъ, клиръ и епископы благодарили Бога за дарованное имъ утѣшеніе послѣ тяжелой скорби. Но это счастливое время было лишь краткимъ отдыхомъ для Аѳанасія отъ недремлющей враждебности аріанъ. Вскорѣ одинъ изъ сильнѣйшихъ враговъ Аѳанасія Евсевій Никомидійскій успѣлъ пріобрѣсти неограниченное вліяніе на вѣроломнаго Констанція, который позволилъ поставить въ Александрію епископомъ Писта, изверженнаго Никейскимъ Соборомъ, при чемъ было послано письмо папѣ Римскому, чтобы онъ призналъ новоназначеннаго епископа. Но Аѳанасій собралъ соборъ и обратился съ окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ православнымъ пастырямъ, прося ихъ взаимно противодѣйствовать аріанамъ. Посланіе это отправлено было и въ Римъ, гдѣ принесшіе его встрѣтились съ посланными Евсевіемъ. Между ними завязался споръ. Папа Юлій охотно взялся разсмотрѣть дѣло спора. А императоръ повелѣлъ разсмотрѣть это дѣло епископамъ, собравшимся въ Антіохіи для освященія церкви, начатой еще при Константинѣ Великомъ. Здѣсь избрали въ Александрію новаго епископа Григорія. На страстной недѣлѣ онъ съ помощію войска, язычниковъ и евреевъ введенъ былъ въ соборный храмъ Александріи. Нехотѣвшіе принимать его подверглись заключенію въ темницы, нѣкоторыхъ били, другихъ сѣкли и всячески истязали. Аѳанасій, чтобы не подать повода къ еще большему гоненію, тайно

оставилъ Александрію. Находясь въ тайномъ убѣжищѣ, онъ написалъ сильное воззваніе къ епископамъ всѣхъ церквей. Здѣсь онъ изобразилъ всѣ ужасы нечестія, совершавшіеся предъ его глазами, и умолялъ подать помощь славной церкви Александрійской, попираемой еретиками. Онъ писалъ: «оскорбленіе нанесено не мнѣ только, но и всѣмъ вамъ. Страждетъ вѣра, проповѣданная Господомъ и Его Апостолами. Если виновенъ въ чемъ епископъ Александрійскій, то его должны судить свои, православные епископы, а не еретики»... Но благочестивые пастыри безсильны были сдѣлать что-либо для защиты Аѳанасія, такъ какъ еретикамъ покровительствовалъ императоръ. Они только плакали и молили Господа, Главу Церкви, о помощи ей въ трудномъ испытаніи. Святому Аѳанасію открыто было въ видѣніи, что жертвенникъ Господень будетъ оскверненъ. Но передавая о семъ, онъ прибавлялъ: «не унывайте, чада! Какъ Господь прогнѣвался, такъ Онъ же паки и исцѣлитъ, и Церковь воспріиметъ прежнюю красоту. Увидите изгнанныхъ возстановленными: только не оскверняйте себя общеніемъ съ аріанами»...

Въ 341 году папа Юлій пригласилъ Аѳанасія на соборъ въ Римъ, и онъ отправился туда и жилъ тамъ 3½ года; противники же его не явились. Папа и 50 епископовъ оправдали Аѳанасія. Казалось бы, что оправданіе это должно было имѣть силу, такъ какъ оно произнесено было посторонними епископами, взявшимися за разборъ дѣла по желанію враговъ святаго Аѳанасія. Но на Востокѣ все молчало предъ гроз-

нымъ давленіемъ еретической партіи. Императоръ занятъ былъ войною съ Персами и святому Аѳанасію пришлось долго жить въ Римѣ. Хотя онъ былъ принятъ здѣсь вообще радушно и къ нему съ благоговѣніемъ относились такія лица, какъ сестра Константина Великаго—Евтропія, однако сердце Аѳанасія глубоко тревожилось печальными вѣстями изъ Александріи. Какъ и въ Трирѣ, Аѳанасій въ Римѣ своими бесѣдами о жизни отшельниковъ Египетскихъ воспламенялъ слушателей, заставлялъ ихъ отрѣшаться отъ земныхъ привязанностей и тѣмъ положилъ прочныя основы для процвѣтанія въ Римѣ монашества. Знатная Римлянка Марцелла первая основала здѣсь иноческое общежитіе, въ которомъ собранныя ею подвижницы занимались духовными подвигами и усерднымъ изученіемъ слова Божія. Благочестивые пресвитеры Аммоній и Исидоръ, бывшіе здѣсь съ Аѳанасіемъ, также производили благотворное вліяніе на Римскихъ христіанъ, какъ своими мудрыми бесѣдами, такъ и аскетическою жизнію. Они не ходили никуда, кромѣ церкви, и дома постоянно подвизались въ молитвѣ. Не осталось безъ вліянія на Римлянъ и ученіе объ истинной вѣрѣ святаго Аѳанасія, тѣмъ болѣе, что имъ здѣсь было написано его «Изложеніе вѣры».

Во время пребыванія Аѳанасія въ Римѣ, скончалась его сестра въ Александріи, и его замѣститель не позволилъ погребсти ее. Епископы, пресвитеры и вообще всѣ приверженные къ Аѳанасію подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ. Слыша объ этихъ на-

силіяхъ, святый Аѳанасій глубоко скорбѣлъ и тужилъ. Наконецъ, по просьбѣ многихъ епископовъ и по настоянію Константа, императоръ Констанцій созвалъ соборъ въ Сардикѣ изъ 170 епископовъ восточныхъ и западныхъ. Послѣ трехъ-лѣтняго пребыванія въ Римѣ, святый Аѳанасій отправился чрезъ Миланъ въ Сардику. Здѣсь аріанствующіе дѣйствовали скопомъ; они даже и жили вмѣстѣ. Но видя, что ихъ злодѣйство не можетъ имѣть успѣха, они оставили соборъ. Прочіе епископы въ числѣ 101 разсмотрѣли дѣло Аѳанасія, оправдали святаго Аѳанасія, а его противниковъ обличили и объявили низложенными за ихъ еретическое ученіе и подвергли ихъ анаѳемѣ. Рѣшенія этого собора были объявлены всѣмъ церквамъ и подписаны епископами Галліи, Африки, Египта, Италіи, Кипра и Палестины. Императоръ Констансъ самъ рѣшился явиться въ Александрію, чтобы возвести Аѳанасія на каѳедру и разогнать враговъ его. Аріанствующіе же епископы, собравшіеся въ Филиппополѣ, объявили осужденными не только Аѳанасія, но и всѣхъ кто былъ за него, начиная съ Римскаго епископа Юлія, Кордубскаго Осіи и проч. Противящіеся имъ предавались по повелѣнію императора Констанція смерти. Въ Александрію послано было повелѣніе лишить жизни Аѳанасія и его приверженцевъ.

Вскорѣ однако Констанцій увидѣлъ всю низость аріанъ и, боясь угрозы брата, послалъ къ святому Аѳанасію приглашеніе возвратиться въ Александрію. Долго Аѳанасій опасался воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ. Удостовѣрившись послѣ 2-го и 3-го при-

глашенія въ неложности его. святый Аѳанасій рѣшился оставить свое убѣжище. Простившись съ вѣнценоснымъ покровителемъ своимъ. онъ заѣхалъ (изъ Аквилеи) въ Римъ. Папа Юлій отправилъ съ нимъ въ Александрію посланіе, въ которомъ, прославляя подвиги Аѳанасія и вѣрность ему паствы, высказывалъ радость по случаю торжественнаго возвращенія его въ Александрію.

Возвращеніе Аѳанасія въ Александрію было величайшимъ торжествомъ не для него только и его церкви, но и всей вселенской Церкви, ибо Церкви еще нужны были его мужество и неустрашимость въ борьбѣ съ несмѣтными врагами Православія, еще нужно было его громоносное слово противъ проповѣдниковъ лжи.

Теперь Аѳанасія прекрасно зналъ Востокъ и Западъ, какъ непоколебимаго защитника Православія. Но это-то и сдѣлало жизнь его неизобразимо тревожною, не смотря на видимый миръ, наступившій на короткое время. Теперь многіе враги его стали писать ему, что они имѣютъ съ нимъ миръ и общеніе. Императоръ Констанцій увѣрялъ его съ клятвою, что онъ теперь не будетъ внимать никакимъ клеветамъ на него. Онъ писалъ къ епископамъ Египетскимъ и духовенству Александрійскому, что Аѳанасій возвращается по повелѣнію Божію и по опредѣленію верховной власти.

Наконецъ, въ 346-мъ году всѣми ожидаемый архипастырь явился среди своей паствы. Церковь Але-

ксандрійская обновилась духомъ; повсюду проявлялась особенная ревность по вѣрѣ. Явилось множество лицъ, желавшихъ посвятить себя иночеству. Клеветники умолкли. Враги старались казаться друзьями. Глубокое чувство благодарности къ Богу святый Аѳанасій выразилъ въ своемъ Пасхальномъ посланіи на 347 годъ. Къ этому же времени относится замѣчательное посланіе его къ Драконтію, хотѣвшему удалиться отъ посвященія во епископа.

Въ 350-мъ году покровитель Аѳанасія императоръ Констансъ былъ убитъ Магненціемъ. Аріане опять возобновили свои гнусныя клеветы. Святый Аѳанасій издалъ апологію, въ которой словами судей и свидѣтелей защищалъ свою невинность. Констанцій трижды увѣрялъ Аѳанасія въ его неприкосновенности. но самъ внималъ клеветникамъ, говорившимъ, что Аѳанасій былъ въ сношеніяхъ съ убійцею любимаго имъ императора. Для объясненія своего дѣла Аѳанасій отправилъ къ императору 5 епископовъ и 3 пресвитеровъ Александрійскихъ, но Констанцій потребовалъ его самого. Въ Арлѣ составился соборъ для низложенія Аѳанасія. Защищавшіе его ссылались въ заточеніе, какъ напримѣръ Павлинъ, епископъ Трирскій. Папскіе легаты уступили, но папа просилъ о новомъ соборѣ. Назначенъ былъ соборъ въ Миланѣ. Соборомъ овладѣли аріане. Евсевій Верчельскій предложилъ подписать Никейскій Сѵмволъ вѣры; Діонисій Миланскій взялъ для этого бумагу, но властный аріанинъ Валентъ выхватилъ у него перо. Началось смятеніе,

и соборъ не состоялся. Засѣданія открылись во дворцѣ, гдѣ тайно присутствовалъ самъ императоръ, находясь за занавѣскою. Защитники Аѳанасія безбоязненно говорили за Аѳанасія; тогда Констанцій, не вытерпѣвъ, вышелъ изъ своей засады и сказалъ: «я самъ обвинитель Аѳанасія, для меня повѣрьте имъ». «Противно правиламъ Церкви—осуждать отсутствующаго и входить въ общеніе съ еретиками», возражали твердые защитники невиннаго страдальца. «Моя воля, вотъ для васъ правило», отвѣтилъ Констанцій. И обнаживъ мечъ, сказалъ: «или повинуйтесь моему требованію, или я васъ сошлю въ ссылку». И дѣйствительно многіе епископы были отправлены въ ссылку. Тѣмъ же угрожалъ императоръ и папѣ Ливерію. «Подпиши (осужденіе Аѳанасія) и возвратишься въ Римъ», говорилъ ему Констанцій. Ливерій же отвѣчалъ: «я уже простился съ братьями въ Римѣ. Посылай, куда хочешь». И онъ подвергся общей участи защитниковъ Аѳанасія, хотя и не выдержалъ исповѣдничества до конца. То же было и съ Осіею, столѣтнимъ архіепископомъ Испаніи, который однако на смертномъ одрѣ произнесъ анаѳему на аріанскую ересь. Тогда, можно сказать, Аѳанасій былъ единственно виднымъ представителемъ и защитникомъ Православія. Но онъ не возгордился этимъ своимъ положеніемъ и очень участливо отнесся къ невыдержавшимъ страшнаго искушенія. Онъ писалъ по этому случаю: «преступленіе лежитъ не на томъ, кто устрашенъ, а на тѣхъ, кто медленной му́кой вынудилъ къ преступному со-

глашенію». Теперь аріане напрягли всѣ свои силы противъ Аѳанасія, какъ единственнаго крѣпкаго защитника Православія. Въ Александрію посланъ былъ для низложенія Аѳанасія одинъ чиновникъ, но онъ не могъ исполнить возложеннаго на него порученія, такъ какъ народъ всецѣло преданъ былъ Аѳанасію. Потомъ начальникъ войска обложилъ храмъ, въ которомъ Аѳанасій служилъ всенощную. Солдаты вломились въ двери, пустили нѣсколько стрѣлъ, обнажили мечи, было нѣсколько человѣкъ убито. Когда вышла бóльшая часть народа, клирики увлекли и Аѳанасія. Потомъ онъ удалился въ пустыню. Среди монаховъ Нитрійскихъ горъ и непроходимой Ѳиваиды у него было безчисленное множество друзей. Тамъ были Макарій Великій, Памвонъ, Піоръ и др. Но и здѣсь, спасаясь отъ сыщиковъ, онъ иногда долженъ былъ жить со звѣрьми. Предложена была большая сумма денегъ за голову Аѳанасія. Но Богъ видимо хранилъ его, какъ вѣрнаго слугу Своего и добраго пастыря, не забывшаго назидать свою паству изъ отдаленныхъ пустынь, горныхъ пещеръ и заброшенныхъ гробницъ. Во время 6-лѣтняго пребыванія своего здѣсь святый Аѳанасій написалъ множество посланій. Здѣсь, напримѣръ, написана была Апологія Констанцію, Апологія бѣгства и многое другое.

Въ Александріи въ это время церкви были переданы аріанамъ, и вѣрное Православію духовенство принуждено было бѣжать. Новый Александрійскій епископъ Георгій преслѣдовалъ православныхъ съ по-

мощію 3-хъ тысячъ воиновъ, которые предавали ихъ кострамъ, сѣкли и всячески истязали. 16 епископовъ были сосланы въ заточеніе, 30 были изгнаны, и имущество ихъ предано грабежу. На мѣсто ихъ поставили аріанъ. Но голосъ истины не умолкалъ. Изгнанники, проходя страны и города, всюду благовѣствовали истину и опровергали ересь аріанскую. Явились глубокомысленнѣйшія опроверженія ереси (напр. Иларія 12 книгъ о Святой Троицѣ). Явилось раздѣленіе среди самихъ аріанъ. Аѳанасій же болѣе, чѣмъ кто-либо, старался пользоваться своимъ уединеніемъ для дѣйствія на пользу Церкви оружіемъ слова. Онъ нашелъ себѣ тихое пристанище среди иноковъ Египетскихъ, откуда и писалъ множество писемъ христіанамъ для ободренія ихъ, а равно и подробно излагалъ истинное ученіе о Богѣ-Словѣ. Заключая посланіе свое къ Египетскимъ епископамъ, онъ писалъ: «доселѣ они (аріане) не оставляютъ желанія пролить нашу кровь; но это нисколько меня не безпокоитъ, ибо знаю и увѣренъ, что терпящимъ будетъ награда отъ Спасителя». И епископы Египетскіе согласились терпѣть все. Когда Аѳанасій узналъ, что въ Александріи отняты у православныхъ ихъ храмы, то онъ писалъ: «они обладаютъ зданіями.... но въ насъ вѣра. Разсудимъ, чтò болѣе: мѣсто, или вѣра?» Къ императору онъ послалъ апологію, въ которой выяснялъ свои отношенія къ императору Констансу и возмутителю Максенцію. Въ концѣ ея онъ писалъ: «умоляю тебя, государь, пріими сію апологію и возврати

епископовъ и другихъ клириковъ къ ихъ церквамъ, чтобы обнаружилось лукавство клеветниковъ, чтобы и самъ ты, государь, нынѣ и въ день суда, имѣлъ дерзновеніе сказать Господу и Спасителю нашему и Царю царей Іисусу Христу: не погубихъ отъ Твоихъ никогоже». Въ другой апологіи Аѳанасій оправдывалъ свое бѣгство изъ Александріи. «Отъ добрыхъ и кроткихъ людей никто не бѣгаетъ», писалъ онъ здѣсь. Поражая своихъ противниковъ, онъ щадитъ немощь бывшихъ, но оставившихъ его друзей, начиная съ императора, котораго онъ за приверженность къ аріанству очень не похваляетъ и называетъ соотвѣтствующими положенію именами.

Сознавая всю величайшую важность колеблемой еретиками истины, Аѳанасій, не довольствуясь своими многочисленными, но краткими изложеніями истиннаго ученія, въ опроверженіе лжеученія составилъ три знаменитыя слова о Богѣ-Словѣ, принятыя Церковію съ торжествомъ, какъ побѣдоносное оружіе противъ еретиковъ аріанъ. Чрезъ 5—6 лѣтъ выступили на то же поприще: святый Василій Великій, а потомъ Григорій Богословъ, Григорій Нисскій и др. Старецъ Аѳанасій (60-лѣтн.) былъ предводителемъ этой священной дружины. Такъ какъ аріане неправильно учили и о Святой Троицѣ и Духѣ Святомъ, то Аѳанасій писалъ и о сихъ тайнахъ ученія. Кромѣ того, въ описаніи исторіи современныхъ бѣдствій Церкви, онъ представилъ живое опроверженіе лжеучителей, чрезъ раскрытіе ихъ козней, насилій. Между тѣмъ какъ свя-

тый Аѳанасій проводилъ долгіе дни въ сказанныхъ трудахъ, находясь въ пустынѣ, назначенный вмѣсто него епископъ былъ изгнанъ Александрійскими гражданами, выведенными изъ терпѣнія его корыстолюбіемъ и притѣсненіями. Присланъ былъ императоромъ чиновникъ для наказанія возмутившихся гражданъ. Новый военачальникъ самъ отправился отыскивать въ пустынѣ святаго Аѳанасія, взявъ себѣ на помощь нѣсколько епископовъ. Думали его найти въ одномъ изъ Тавеннскихъ монастырей. Но ошиблись. Военачальникъ попросилъ молитвъ иноковъ о себѣ, но они отказались молиться съ тѣмъ, кто имѣетъ общеніе съ аріанами.

Конецъ гоненію на Аѳанасія положенъ былъ смертію императора Констанція (361 г.).

Послѣдніе дни жизни святаго Аѳанасія.

Послѣдніе дни жизни святаго Аѳанасія прошли большею частію въ Александріи. Императоръ Юліанъ, вступивъ на престолъ, отрекся отъ Христа и хотѣлъ снова возвратить людей къ язычеству, утонченному чрезъ новоплатоническую философію. Съ удивительнымъ непониманіемъ смысла своего времени и предшествующихъ столѣтій «онъ думалъ, какъ говоритъ Фарраръ, что могъ поворотить назадъ тѣнь на циферблатѣ исторіи». Надѣясь, что находящіеся въ заточеніи христіане, въ случаѣ ихъ освобожденія, не преминутъ вступить въ погибельную борьбу

между собою, онъ повелѣлъ возвратить изъ ссылки всѣхъ православныхъ епископовъ. Въ числѣ другихъ возвратился и святый Аѳанасій къ великой радости своей паствы. Вскорѣ, по повелѣнію императора, стали возстановлять языческія жертвоприношенія, но Аѳанасій, будучи убѣжденъ, что возвратить міръ къ темнымъ временамъ язычества невозможно, спокойно совершалъ свое дѣло, водворяя всюду миръ. Онъ собиралъ разсѣянныхъ пастырей Церкви, разъяснялъ недоразумѣнія и стремился основать на незыблемомъ соборномъ согласіи ученіе вѣры. Соборъ епископовъ, бывшій въ Александріи, положилъ принимать въ Церковь всѣхъ возвращающихся отъ заблужденія ересей чрезъ принятіе Никейскаго Сумвола вѣры, и это снисходительное отношеніе къ падшимъ было принято почти всюду. Многіе поспѣшили присоединиться къ Церкви. Вліяніе Аѳанасія на весь христіанскій міръ встревожило Юліана. Онъ безъ разбора вызвалъ всѣхъ заточенныхъ, чтобы поссорить ихъ, но достигъ противнаго и потому повелѣлъ Аѳанасію оставить Александрію. Аѳанасій исполнилъ повелѣніе императора. Утѣшая провожавшихъ его со слезами, онъ говорилъ: «не плачьте, это небольшое облачко, оно скоро пройдетъ». Граждане просили оставить имъ Аѳанасія, но царь приказалъ изгнать его. Аѳанасій немедленно сѣлъ на судно, чтобы отправиться вверхъ по р. Нилу. Вскорѣ отправлена была за нимъ погоня. Воспользовавшись одной извилиной рѣки, Аѳанасій велѣлъ повернуть назадъ. Тутъ онъ встрѣтилъ императорскихъ

гонцовъ, которые закричали: «гдѣ Аѳанасій?» «Не очень далеко», отвѣтилъ Аѳанасій, и затѣмъ оба судна продолжали путь. Выйдя на берегъ, Аѳанасій удалился къ инокамъ Антиноя и Тавенны. Иноки, любя Аѳанасія, считали спасеніе его выше поста и другихъ подвиговъ и охотно спасали его, доставляя его то въ одинъ, то въ другой болѣе безопасный скитъ. Однажды ему сопутствовали авва Паммонъ и Ѳеодоръ Освященный, и бесѣдуя о только что совершенномъ убіеніи епископовъ Сиріи и Палестины, своими мудрыми рѣчами подкрѣпляли страдальца Аѳанасія. Но онъ, укрѣпившись молитвою, сказалъ имъ: «повѣрьте, мое сердце не бываетъ столько полно упованія во дни мира, сколько во время гоненія. Если я буду убитъ...» При словѣ: «убитъ», оба старца, улыбнувшись, переглянулись. «Чтò вы улыбаетесь?» спросилъ Аѳанасій. «Не думаете ли, что я боюсь смерти?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ преподобный Ѳеодоръ, въ этотъ самый часъ твой врагъ Юліанъ убитъ въ Персіи». Потомъ они посовѣтовали Аѳанасію возвратиться, чтобы представиться новому императору, и Аѳанасій исполнилъ совѣтъ прозорливцевъ. Юліанъ дѣйствительно погибъ въ Персіи въ указанный преподобнымъ часъ. Императоромъ сдѣлался Іовіанъ, который принялъ отъ Аѳанасія въ Антіохіи Никейскій Сѵмволъ вѣры и отвергъ всѣ клеветы аріанъ на него. Но только что Аѳанасій успѣлъ возвратиться въ Александрію, какъ Іовіанъ скончался. Новый императоръ Валентіанъ принялъ въ соправители брата своего

Валента, извѣстнаго аріанина, у котораго и жена была аріанка. Опять начались гоненія на православныхъ. Всѣмъ православнымъ епископамъ велѣно было удалиться изъ городовъ. Граждане защищали Аѳанасія. Префектъ хотѣлъ схватить его тайно, но Аѳанасій благовременно удалился изъ города. Убоявшись народа, Валентъ повелѣлъ возвратить Аѳанасія, и онъ былъ возвращенъ, и больше его уже не тревожили. Послѣ этого почти въ продолженіи 6 лѣтъ Аѳанасій пользовался миромъ. Въ это время написано было знаменитое разсужденіе «О воплощеніи», а также праздничное посланіе 367 г., въ которомъ исчисляются книги Священнаго Писанія. Исполнилось 40 лѣтъ истинно святительскаго подвига Аѳанасія. Всѣ православные глубоко чтили его и всемѣрно старались сообразовать свою вѣру съ его ученіемъ. Они повергали на его разсмотрѣніе свои недоумѣнія, и онъ охотно устно и письменно разрѣшалъ ихъ. Онъ обличалъ заблуждающихся, ободрялъ исповѣдниковъ и всячески заботился объ умиротвореніи Церкви. Для сего, напр., писалъ папѣ Римскому Дамасу о низложеніи аріанина Авксентія, епископа Миланскаго, и Авксентій былъ низложенъ. Въ самые послѣдніе годы свои Аѳанасій боролся съ Аполлинаріемъ, который неправо мыслилъ о человѣчествѣ Іисуса Христа. Аѳанасій написалъ противъ него двѣ книги. Онъ защищалъ святаго Василія Великаго отъ несправедливыхъ нападеній на него за мнимыя неточности выраженій. Діодору же, епископу Тирскому, онъ писалъ: «не усиливайся спорить съ

еретиками, но побѣждай молчаніемъ ихъ многословіе, кротостію—ихъ злобу». Святому Епифанію, по поводу споровъ о праздновании Пасхи, онъ дружески совѣтовалъ: «перестань гнѣваться, лучше молись, чтобы въ Церкви водворился прочный миръ и прекратились ереси». И самъ усердно о томъ молился. Кромѣ этого онъ заботился о примиреніи церквей Сиріи и Малой Азіи съ церковію Римской, а также объ умиротвореніи церкви Антіохійской. Среди этихъ несмѣтныхъ, великихъ трудовъ Аѳанасія надвинулась на него и старость. Волосы его, бывшіе прежде каштановаго цвѣта, теперь уже блестѣли чисто снѣговою бѣлизною. Онъ былъ епископомъ 46 лѣтъ. Приближался и конецъ 47 года. Предвидя свою кончину, онъ посвятилъ на свое мѣсто старѣйшаго пресвитера Петра и 2 мая 373 года мирно почилъ о Господѣ. Православные горькими слезами оплакали кончину его и съ честію погребли его въ Александріи. Знаменитѣйшій витія того времени святый Григорій Богословъ почтилъ его извѣстнымъ похвальнымъ словомъ, и всѣ истинные христіане вознесли горячія мольбы о почившемъ великомъ защитникѣ вѣры. Еретики же аріане воспользовались его смертію для изгнанія православныхъ епископовъ и пресвитеровъ, уже неимѣвшихъ прежней защиты. Самъ епископъ Петръ принужденъ былъ бѣжать въ Римъ. Однако аріане вскорѣ потерпѣли на Востокѣ почти полное пораженіе и раздѣлились на мало извѣстныя секты (аномеевъ, оміевъ и оміусіанъ). Потомъ они нашли себѣ пріютъ

у Готовъ (предковъ Нѣмцевъ), которые водворились на развалинахъ Римской имперіи. Послѣ паденія Остъ-Готскаго королевства, не менѣе рьяными аріанами были Лонгобарды, но Богъ и здѣсь воздвигъ достойныхъ защитниковъ истинной вѣры. На Востокѣ, послѣ святаго Аѳанасія боролись съ аріанами святый Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, а на Западѣ: Викторинъ, святый Амвросій Медіоланскій, блаженный Августинъ—епископъ Иппонійскій, и другіе.

Значеніе личности святаго Аѳанасія и его дѣятельности.

Значеніе личности святаго Аѳанасія было, можно сказать, безпримѣрное. Характеризуя святаго Аѳанасія Великаго, святый Григорій Богословъ говорилъ, что онъ представлялъ въ себѣ рѣдкое совмѣщеніе добродѣтелей. «Энергичный и въ то же время полный такта и здраваго смысла, строгій и въ то же время полный сочувствія, достойный и въ то же время одаренный геніальностію, привлекательный какъ магнитъ и въ то же время твердый какъ алмазъ, святый Аѳанасій пользовался властію своей высокой должности безъ всякой заносчивости, показывая себя нѣжнымъ для слабыхъ, гостепріимнымъ для странниковъ, добрымъ для просящихъ, доступнымъ для всѣхъ, медленнымъ на гнѣвъ, пріятнымъ въ разговорѣ, еще болѣе пріятнымъ по настроенію, успѣшнымъ какъ въ бесѣдахъ, такъ и въ дѣятельности, ревностнымъ въ дѣлахъ благочестія, готовымъ помогать христіанамъ всякаго класса

и возраста, богословомъ съ людьми умозрительными, утѣшителемъ для огорченныхъ, посохомъ для престарѣлыхъ, руководителемъ для юныхъ, врачемъ для больныхъ»... (См. Похвальное слово). Главнымъ свойствомъ его ума была подвижность, его дѣятельности—умѣренность, его характера—мужество, его религіи—вѣрность. Вѣра вдохновляла и озаряла всю его жизнь. По замѣчанію же нѣкоего писателя, онъ съ самой юности воспламененъ былъ тою страстью, которая дѣлаетъ святыми,—именно любовію къ Іисусу Христу. По слову святаго Григорія Богослова, «онъ былъ разнообразенъ въ своихъ способахъ, единиченъ въ своихъ цѣляхъ. Его энергія возбуждала даже безпечныхъ, и его уравновѣшенная мудрость сдерживала склонныхъ къ излишеству. Для заблужденія онъ былъ не только какъ бы мечемъ, но также и какъ бы очищающей вѣялкой, и его вліяніе не только было подобно ударамъ побѣдителя, но также подобно дыханію животворящаго духа». По замѣчанію Фаррара, «святый Аѳанасій Великій представляетъ примѣръ столь чистаго и благороднаго человѣка, какого когда-либо видѣла Церковь съ того времени, какъ Апостолъ Павелъ былъ отведенъ изъ своей Римской тюрьмы на мученическую смерть. Онъ былъ адамантомъ для поражающихъ, магнитомъ для враждующихъ, человѣкомъ, который съ одной стороны былъ не болѣе способенъ уступать, чѣмъ мраморная скала, а съ другой привлекалъ къ себѣ необычайною кротостію и великодушнымъ *терпѣніемъ*». «Съ силой у него сочеталась кротость, и

насколько царственен былъ его темпераментъ, на столько же кротокъ былъ его духъ. Его біографія есть лучшій его панегирикъ».

«Въ теченіи 46 лѣтъ, среди разнообразныхъ испытаній и всевозможныхъ превратностей, Аѳанасій оставался *папой* Александрійскимъ (какъ зовутся его преемники донынѣ), владѣтелемъ каѳедры святаго Марка, главой Александрійской церкви, и отсюда, по выраженію Григорія Назіанзена, главою міра. Какъ патріархъ, сильный народною любовію, онъ занималъ (иногда) положеніе почти верховнаго государя». Своею святою личностію, своимъ примѣрнымъ архипастырствованіемъ и особенно мужественною борьбою съ аріанствомъ святый Аѳанасій Великій пріобрѣлъ безусловное благоговѣніе не только отъ всей Церкви своего времени, но и отъ всѣхъ христіанъ всѣхъ временъ. Будучи самъ дѣвственникомъ, строгимъ подвижникомъ и беззавѣтно преданнымъ Господу борцомъ—скитальцемъ, святый Аѳанасій былъ великимъ другомъ и почитателемъ монаховъ подвижниковъ. Видя въ нихъ лучшихъ лицъ своего времени и глубоко цѣня ихъ преданность Церкви, онъ многихъ изъ нихъ поставилъ въ разныя степени священства и многихъ изъ нихъ возвелъ въ епископы, такъ какъ стѣсненныя обстоятельства церковныя требовали отъ пастырей полной готовности на всякія лишенія. Вліяніе же сихъ епископовъ и въ особенности твердость вѣры ихъ еще болѣе располагали Аѳанасія избирать на высшія должности преимуще-

ственно иноковъ, такъ что въ послѣднее время изъ числа изгнанныхъ изъ Египта были и епископы изъ иноковъ. Примѣру Аѳанасія въ этомъ отношеніи слѣдовали и другіе представители церквей, ибо монашество всюду обращало на себя вниманіе народа и пастырей своею ревностію о православной вѣрѣ. И потому при избраніи епископа голоса большею частію стали склоняться къ избранію иноковъ. Кромѣ сего святый Аѳанасій, помимо личной своей жизни, представилъ еще живой образъ въ драгоцѣнномъ описаніи основателя монашеской жизни, святаго Антонія Великаго. Это произведеніе святаго Аѳанасія усердно читалось и читается на Востокѣ и Западѣ, вездѣ благотворно вліяя на безконечное множество лицъ. Чтеніе его между прочимъ рѣшило судьбу блаженнаго Августина, предавшагося потомъ всецѣло Господу Іисусу.

Богословы должны быть благодарны святому Аѳанасію потому, что они въ его твореніяхъ имѣютъ свидѣтельство о церковномъ истинномъ ученіи почти за 1600 лѣтъ, такъ какъ святый Аѳанасій училъ тому, что̀ онъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ преемниковъ мужей апостольскихъ и самъ былъ такимъ свидѣтелемъ истины, который многократно страдалъ за истину. Наконецъ, и для всѣхъ христіанъ святый Аѳанасій служитъ образцомъ мужественнаго исповѣданія вѣры и неусыпнаго попеченія о чистотѣ ея, чѣмъ такъ неотложно необходимо запастись многимъ, особенно въ виду того, что нынѣ многими вѣра истинная ниспровергается, и проповѣдуются ученія, которыя ме-

жду тѣмъ ясно опровергаются твореніями святаго Аѳанасія.

По замѣчанію одного нашего писателя, «значеніе святаго Аѳанасія для своего времени и послѣдующихъ временъ ничѣмъ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ значеніе современнаго ему Константина Великаго. Оба они представляютъ собою средоточные пункты, около которыхъ въ двухъ различныхъ, но близко между собою соединенныхъ сферахъ совершаются всѣ знаменательныя событія IV вѣка. Оба они достойно почтены именемъ великихъ; но величію Константина, вмѣстѣ съ его высокими духовными дарованіями и оказанною ему Божіею помощію, содѣйствовала, между прочимъ, и находившаяся въ его распоряженіи мірская власть; величіе же Аѳанасія—по преимуществу нравственное; проявлялось оно, главнымъ образомъ, въ страданіяхъ за Православіе и многотрудной борьбѣ съ хитросплетенными заблужденіями еретиковъ, нашедшими себѣ покровительство у сильныхъ міра и даже при императорскомъ дворѣ» [1]). Это былъ характеръ, какъ немногіе, характеръ сильный, въ величайшемъ древнемъ стилѣ. «Это мужъ, что называется, сложенный изъ одного цѣльнаго слитка, человѣкъ одной идеи». Но чтò руководило такимъ твердымъ характеромъ, на чтò направлена была его дѣятельность? Задачей цѣлой жизни Аѳанасія была защита догмата вѣчнаго Божества Іисуса Христа и единосущ-

[1]) См. Прибавл. къ Церковн. Вѣдом. 1890 года, № 4: Св. Аѳанасій Великій, архіеп. Александрійскій.

ности Его съ Богомъ Отцемъ... Источникомъ святаго одушевленія Аѳанасія была единственно ревность о славѣ Божіей... Но Аѳанасій обнаруживалъ неумолимую ревность только тамъ, гдѣ того требовало самое дѣло. Въ отношеніи къ маловажнымъ обстоятельствамъ онъ оказывалъ снисхожденіе. Напр. объ Оригенѣ онъ говорилъ съ уваженіемъ и благодарностію за его услуги. Уважая добродѣтели Аполлинарія, онъ, говоря противъ его заблужденій, не называлъ его имени. Но съ аріанами онъ не дозволялъ никакихъ сдѣлокъ. Онъ писалъ къ пустынникамъ Египетскимъ: «хотя бы братья насъ оставили, хотя бы друзья и знакомые измѣнили намъ, хотя бы никто не остался сострадать намъ и утѣшить насъ, и тогда у насъ надежда Господь. Истина хотя и можетъ быть помрачена на нѣсколько времени, но сами гонители, наконецъ, должны будутъ узнать ее». Вмѣстѣ съ неуклонною твердостію онъ обладалъ даромъ проницательности. Вотъ почему онъ не только разоблачалъ всѣ заблужденія, но даже напередъ предсказывалъ тѣ уклоненія, которымъ подвергались враги его. Для защиты церковныхъ интересовъ онъ не призывалъ свѣтскую власть. Въ посланіи къ монахамъ онъ писалъ: «не мечемъ и стрѣлами, не съ помощію воиновъ возвѣщается истина, но убѣжденіемъ и совѣтомъ». Пріобрѣтши рѣдкое *знаніе людей*, онъ имѣлъ замѣчательный тактъ въ обращеніи съ ними. Употребляя строгія мѣры противъ еретиковъ и церковныхъ мятежниковъ, онъ среди преданной ему паствы умѣлъ поддержи-

вать кроткій и снисходительный характеръ мудраго управителя. Мудрость его въ управленіи церковію проявлялась между прочимъ и въ томъ, что онъ всецѣло владѣлъ даромъ избирать достойныхъ людей на церковныя должности, особенно высшія, при чемъ онъ обыкновенно давалъ предпочтеніе инокамъ, въ которыхъ умѣлъ препобѣждать сопротивленіе возлюбившихъ тишину и безмолвіе иноковъ предъ принятіемъ на себя многотруднаго и многоотвѣтственнаго епископскаго служенія и удалявшихся отъ него возвращать [1]).

---

[1]) Желающимъ имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности св. Аѳанасія можно рекомендовать статьи прот. А. В. Горскаго въ Прибавл. къ твор. Св. Отецъ, издав. при Моск. дух. академіи 1851 г., а также соч. Фаррара «Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей Церкви», пер. Лопухина, С.-Петерб. 1891 года, и капитальное сочиненіе професс. Ловягина «О заслугахъ св. Аѳанасія Великаго для Церкви въ борьбѣ съ аріанствомъ», Спб. 1850 года.

О твореніяхъ святаго Аѳанасія Великаго.

Когда ты встрѣтишь книгу Аѳанасія, то если у тебя нѣтъ бумаги, запиши ее хотя на твоей одеждѣ (Козма, Pr. spir. XL).

Обстоятельства происхожденія твореній святаго Аѳанасія и величіе ихъ.

Почти всѣ творенія святаго Аѳанасія Великаго писались по поводу живыхъ обстоятельствъ церковно-религіозной жизни его времени. Великій переворотъ, совершавшійся во всѣхъ сферахъ міровой жизни его времени чрезъ смѣну язычества христіанствомъ, особенно сильно проявлялся въ центрѣ умственной жизни древняго міра—въ Александріи. Всѣ люди мысли и слова спѣшили такъ или иначе высказаться во время этого движенія. Не могъ отказаться отъ своего горячаго стремленія высказать святую истину, долженствовавшую смѣнить языческую ложь, и юный Аѳанасій. И вотъ первымъ плодомъ его богословскаго ума и христіанскаго одушевленія было его сочиненіе подъ названіемъ «Слово на язычниковъ».

Ставъ потомъ лицемъ къ лицу съ Аріемъ и аріанами, святый Аѳанасій всю мощь своихъ силъ употребилъ на ниспроверженіе страшной ереси этой, а вмѣстѣ и на упроченіе исконнаго истиннаго ученія о Божествѣ Іисуса Христа. Чаще онъ дѣйствовалъ въ

этомъ направленіи дѣломъ и словомъ, но нерѣдко прибѣгалъ и къ письменному выраженію и изложенію своего ученія о Богѣ вообще, о всѣхъ Лицахъ Святой Троицы въ частности, и о Сынѣ Божіемъ въ особенности. И отъ многихъ его писаній уцѣлѣли драгоцѣннѣйшіе письменные памятники вѣры Александрійскаго архидіакона, а потомъ и святителя Аѳанасія, а вмѣстѣ и многочисленной, вѣрной Православію, его паствы, находившей въ твореніяхъ святаго Аѳанасія выраженіе своей вѣры, раскрытіе ея и обоснованіе ея на разныхъ незыблемыхъ основахъ христіанскаго ученія, преимущественно же на Словѣ Божіемъ. Таковы были творенія святаго Аѳанасія: «Слово о воплощеніи Бога Слова», «Изложеніе вѣры», четыре слова противъ аріанъ, два слова противъ Аполлинарія, «Посланіе о вѣрѣ къ императору Іовіану». Все это были сочиненія по преимуществу вѣроучительныя (догматическія). Въ тѣхъ же цѣляхъ раскрытія истиннаго ученія и ниспроверженія заблужденій святый Аѳанасій нерѣдко весьма подробно, а иногда и кратко, объяснялъ многія мѣста Священнаго Писанія. Таковы, напр., его бесѣды на текстъ: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ*, посланіе къ Маркеллину объ истолкованіи псалмовъ и самое толкованіе на псалмы, бесѣды на Евангелія отъ Матѳея и Луки.

И какъ архипастырь, Аѳанасій нерѣдко долженъ былъ выступать съ письменнымъ словомъ назиданія и увѣщанія, тѣмъ болѣе, что въ то время представители важнѣйшихъ Церквей вообще имѣли обыкно-

веніе писать окружныя посланія не только по поводу разныхъ выдающихся обстоятельствъ, но даже почти во всѣ праздники Пасхи. Изъ этого рода твореній св. Аѳанасія должно назвать: Жизнь св. Антонія. Сказаніе объ аввахъ Ѳеодорѣ и Паммонѣ. А сколько въ своей многотрудной и разнообразной событіями жизни писалъ онъ посланій и писемъ къ разнымъ лицамъ, начиная съ императоровъ и оканчивая простыми иноками? Многія изъ сихъ посланій сохранились доселѣ и служатъ драгоцѣннѣйшими источниками нравоученія и основами правой вѣры. Таковы, напр., посланіе объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора, Апологія къ императору Констанцію, Апологія о своемъ бѣгствѣ, 4 посланія къ Серапіону, посланія къ Аммуну, Руфиму, Драконтію и многія другія.

Изложеніе твореній св. Аѳанасія, ихъ внутренній характеръ, направленіе и главный предметъ.

Св. Аѳанасій, какъ уроженецъ Египта и житель Александріи, преимущественно говорилъ на господствующемъ языкѣ страны, т. е. Коптскомъ. Но какъ человѣкъ высокообразованный и архіепископъ одного изъ восточныхъ патріархатовъ, онъ весьма часто говорилъ и на общемъ языкѣ образованныхъ людей того времени, т. е. Греческомъ. Къ этому побуждало его и то, что онъ часто и подолгу живалъ въ разныхъ концахъ Имперіи: въ Палестинѣ, Костантинополѣ, въ Римѣ и Миланѣ, гдѣ языкъ Греческій былъ

господствующимъ, особенно въ кругу духовенства и въ высшихъ сословіяхъ. Съ раннихъ лѣтъ, владѣя Греческимъ языкомъ, какъ роднымъ, св. Аѳанасій на немъ писалъ и свои творенія. Писалъ онъ большею частію по требованію неотложныхъ обстоятельствъ и не для того, чтобы плѣнять силою краснорѣчія своего, но чтобы засвидѣтельствовать древлепреданную истину и обличить лжеученіе. А потому изложеніе его твореній вообще отличается простотою и безъискуственностію рѣчи. Не всегда въ его твореніяхъ замѣтна систематичность, но за то онъ всегда строго логиченъ, внутренно-послѣдователенъ, и рѣчь его вообще отличается необыкновенною точностію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на высоту и непостижимость излагаемыхъ имъ предметовъ вѣры, онъ во всемъ ясенъ и силенъ, такъ что его слова нельзя ни извращать, ни перетолковывать [1]). Выразивши ту или другую истину положительно, онъ весьма часто показываетъ ея вѣрность чрезъ ниспроверженіе тѣхъ ложныхъ мыслей, которыми лжеучители старались замѣнить или извратить ее. Отъ этого пріема почти всѣ важнѣйшія произведенія св. Аѳанасія носятъ характеръ *догматико-полемическій,* т. е. тотъ характеръ, которымъ отличалась и вся жизнь его, исполненная непрерывной

---

[1]) Изъ сего очевидно, что св. Аѳанасій или твердо воспринялъ то, о чемъ училъ, или онъ столь часто училъ тому, о чемъ писалъ, что у него, не смотря на неудобство мѣста составленія многихъ твореній, нѣтъ ни въ чемъ противорѣчія или несогласія съ собою и напротивъ вездѣ неподражаемая сила слова и увлекательность.

*

борьбы съ врагами истины и стремленія утвердить православныхъ въ непоколебимыхъ правилахъ истинной вѣры и чистой жизни. Тотъ же и существенный предметъ всѣхъ главнѣйшихъ твореній св. Аѳанасія, а именно Божественное достоинство Лица Іисуса Христа, Единосущнаго Отцу Сына Божія. Этимъ главнымъ предметомъ вѣры и упованія жизни св. Аѳанасія въ разной мѣрѣ одушевлены всѣ главные письменные труды его, и такимъ образомъ всѣ они направлены къ ниспроверженію аріанъ и созиданію истинной вѣры въ Сына Божія, Господа Спасителя нашего, и Его Святой Церкви. Посему вѣрно сказалъ блаженный патріархъ Фотій о твореніяхъ св. Аѳанасія, что они представляютъ полный трофей побѣды надъ ересью аріанскою (Bibl. cod. CXLI).

Значеніе твореній святаго Аѳанасія Великаго.

Труды святаго Аѳанасія Великаго имѣли наибольшее значеніе въ свое время. Тогда, по словамъ святаго Кирилла Александрійскаго, они были «какъ-бы цѣлительный бальзамъ, оживлявшій вселенную», страдавшую многими недугами лжеученій.

Но сущность многихъ лжеученій того времени нерѣдко возвѣщается и нынѣ, а потому многія мысли и доводы св. Аѳанасія Великаго, особенно о Божественномъ достоинствѣ Іисуса Христа, и нынѣ имѣютъ весь свой глубочайшій смыслъ и полное значеніе. И нынѣ, какъ и прежде, въ твореніяхъ св. Аѳа-

насія Великаго, какъ свѣтлаго вселенскаго учителя, могутъ находить образцы глубокомысленнаго толкованія—всѣ изъяснители Св. Писанія, богопросвѣщеннаго тайнозрителя—богословы, опытнаго пастырскаго собесѣдованія — пастыри, назидательнаго руководителя—учители, и вѣрнаго хранителя вселенскаго церковнаго единомыслія—всѣ христіане. На твореніяхъ св. Аѳанасія Великаго воспитались всѣ послѣдующіе вселенскіе великіе учители. Имѣть съ ними знакомство, хотя бы ради историческихъ познаній, обязаны и всѣ просвѣщенные христіане. Главнѣйшее значеніе твореній св. Аѳанасія конечно обусловливается тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ христіанскихъ писателей, и потому въ писаніяхъ его можно находить отраженіе христіанской вѣры не только IV вѣка, но и первыхъ трехъ вѣковъ, многоразлично просвѣчивающихъ во множествѣ фактовъ и явленій, записанныхъ здѣсь. И помимо сего, творенія св. Аѳанасія, какъ произведенія одного изъ первыхъ богослововъ, стяжавшаго за свою многоцѣнную вѣроучительную жизнь и дѣятельность названіе Великаго, сами по себѣ имѣютъ всестороннее историческое значеніе. Какъ богомудрый мужъ, св. Аѳанасій часто и подолгу углублялся въ тайны Божественнаго ученія. И по мѣрѣ требованія обстоятельствъ, онъ выразилъ свои чувствованія и мысли въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ. Въ посланіи къ монахамъ онъ писалъ съ свойственною ему скромностію: «заключить въ письмена все, что повидимому постигалъ я, невозможно;

и написанное мною есть только слабая тѣнь того, что скрывалось въ душѣ моей». Но такъ какъ онъ многократно вседушевно писалъ многимъ, то изъ общаго представленiя мыслей, чувствъ и всѣхъ духовныхъ стремленiй св. Аѳанасiя получается величественный памятникъ христiанской вѣры, упованiй и любви, достойныхъ общаго вниманiя.

Изданiя творенiй святаго Аѳанасiя.

Лучшими сборниками творенiй святаго Аѳанасiя Великаго считаются Монфуко 1698 года и аббата Минье 1857 года, изданные въ Парижѣ, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, а также каноника Брайта, изданный въ Оксфордѣ 1881 года съ введенiемъ.

Русскiй переводъ всѣхъ сочиненiй святаго Аѳанасiя сдѣланъ Московскою духовною академiею; изданъ въ Москвѣ въ 1851—4 годахъ, въ 4-хъ томахъ (по 400—500 стр.).

Содержанiе творенiй святаго Аѳанасiя довольно подробно сообщается въ сочиненiи профессора Е. Ловягина: «О заслугахъ святаго Аѳанасiя для Церкви». въ сочиненiи Филарета архiепископа Черниговскаго: «Историческое ученiе объ Отцахъ Церкви», а также въ свято-отеческой христоматiи, составленной протоiереемъ Н. Благоразумовымъ, 1883 г. Немногiя мѣста изъ творенiй св. Аѳанасiя приводятся въ свято-отеческой христоматiи М. Поторжинскаго 1877 г., а именно:

отрывокъ изъ бесѣды на слова: *вся Мнѣ предана суть...*, изъ бесѣды о слѣпорожденномъ, равно какъ въ книгѣ Барсукова «Образцы святоотеческой и Русской проповѣди», издан. 1887 г., а именно: на аріанъ слово третье (48 страницъ), слово на текстъ: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ* (5 страницъ) и изъ слова о воплощеніи Бога-Слова ($2^1/_2$ страницы). Кромѣ этихъ, собственно проповѣдническихъ отрывковъ, мы въ своемъ Изборникѣ по возможности помѣщаемъ замѣчательныя творенія святаго Аѳанасія изъ всѣхъ родовъ ихъ, чтобы такимъ образомъ дать возможность имѣть всестороннее знакомство со всѣми выдающимися твореніями святаго Аѳанасія Великаго. Изъ сихъ твореній самое обширнѣйшее и самое замѣчательное «на аріанъ слово третье», которое приводится вполнѣ, какъ имѣющее догматико-полемическое значеніе и нынѣ. Житіе преподобнаго Антонія сокращено нѣсколько, по преимуществу въ тѣхъ частяхъ, гдѣ излагается таинственное ученіе святаго Антонія о дѣйствіяхъ злыхъ духовъ, какъ не всѣмъ вполнѣ доступное. Слово на язычниковъ тоже нѣсколько сокращено, по неудобству частностей о языческихъ миѳологіяхъ и тому подобныхъ. Изъ 1-го слова о воплощеніи Бога-Слова, по обширности его, взята только нѣкоторая часть, ибо подробное ученіе о Словѣ излагается въ 3-мъ словѣ, которое приводится почти все.

Можно думать, что въ указанномъ составѣ твореній святаго Аѳанасія всякій найдетъ достаточно матеріала, полнаго самаго насущнаго духовнаго интереса, а вмѣстѣ и достаточное количество особенностей, коими отличаются произведенія великаго церковнаго учителя, какъ со стороны ихъ внѣшней формы и внутренняго содержанія, такъ и метода ихъ, которымъ особенно достославенъ геній святаго Аѳанасія. Твореніями святаго Аѳанасія, можно сказать, положено было прочное начало тому подлинно научно-богословскому раскрытію христіанскихъ истинъ, которое по справедливости стяжало названіе золотаго вѣка христіанской письменности.

Святый Аѳанасій первый ясно созналъ невыгодныя стороны прежней по преимуществу философской постановки христіанскихъ произведеній. Онъ первый вполнѣ настойчиво обратился къ наиболѣе подходящимъ способамъ христіанскаго изслѣдованія, а именно къ раскрытію и объясненію истинъ вѣры изъ положительныхъ источниковъ ея—Священнаго Писанія и Священнаго Преданія, и тѣмъ поставилъ христіанскую науку на ту родную почву, на которой она послѣдовательно процвѣтаетъ до-нынѣ. Такимъ образомъ, святый Аѳанасій былъ не только первымъ славнымъ представителемъ золотаго (IV) вѣка, но и основоположителемъ новой эры богословствованія.

Онъ говорилъ: «*ученіе о Божествѣ преподается не въ умственныхъ доводахъ; но при посредствѣ вѣры и благоговѣйно-благочестиваго помысла*». И въ его изслѣдо-

ваніяхъ вѣра всегда была руководительнымъ началомъ, а разсудочные доводы имѣли значеніе только второстепенное. Онъ подчинялъ разумъ вѣрѣ и чрезъ это явился великимъ учителемъ не своего только времени, но и вѣковѣчнымъ образцомъ, достойнымъ всеобщаго подражанія.

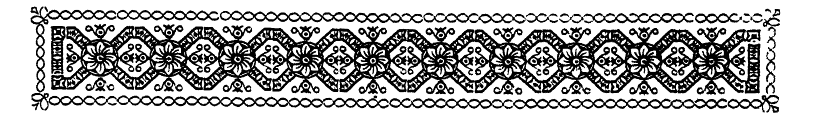
Истинно-богословскій методъ раскрытія истинъ христіанскаго ученія, выработанный святымъ Аѳанасіемъ, вызывался потребностями времени, т. е. еретическими извращеніями смысла Священнаго Писанія, но это-то и составляетъ особенную цѣнность твореній святаго Аѳанасія, не теряющихъ посему значенія своего и нынѣ, такъ какъ и нынѣ многія лжеученія держатся на извращенномъ пониманіи разныхъ изреченій Священнаго Писанія, всячески расшатываемаго современными раціоналистами, совершенно отвергшими другой таковой же источникъ вѣроученія, т. е. Священное Преданіе. Но пока не упразднится способъ раскрытія христіанскаго ученія, на вѣки запечатлѣнный въ твореніяхъ святаго Аѳанасія, пока вѣра не потеряетъ значенія первоосновы въ богословскомъ ученіи, будутъ тщетны всѣ подкопы подъ незыблемую твердость основныхъ христіанскихъ истинъ, каковы ученіе о Святой Троицѣ вообще и Сынѣ Божіемъ въ частности. Трудами святаго Аѳанасія Православіе восторжествовало побѣду надъ аріанствомъ. И въ будущемъ православные восторжествуютъ надъ разными проповѣдниками раціонализма, если они будутъ усердно читать безсмертныя творенія

мужественнаго и побѣдоноснаго поборника православнаго ученія, будутъ поучаться отъ святаго Аѳанасія какъ вѣроученію, вполнѣ истинному и древнѣйшему, такъ и выраженію его, самому естественному и общедоступному.

Никаноръ,

Епископъ Архангельскій и Холмогорскій.

2 мая 1893 года.

ИЗБРАННЫЯ ТВОРЕНІЯ СВ. АѲАНАСІЯ ВЕЛИКАГО.

Слово на язычниковъ [1]).

Вѣдѣніе благочестія и вселенской истины не столько имѣетъ нужду въ человѣческомъ наставленіи, сколько познается само собою, потомучто едва не вопіетъ о себѣ ежедневно въ дѣлахъ, а свѣтлѣе солнца открываетъ себя въ Христовомъ ученіи. О вѣрѣ во Христа Спасителя—необходимо изложить и сообщить сіе тебѣ письменно, чтобы ученія, заключающагося въ словѣ нашемъ, не почелъ кто маловажнымъ, и не сталъ предполагать, будтобы вѣра во Христа неразумна.

---

[1]) Это одно изъ самыхъ раннихъ произведеній святаго Аѳанасія Великаго и однако оно въ высшей степени глубокомысленно и весьма содержательно.

Послѣ краткаго предисловія, онъ входитъ въ довольно подробное разсмотрѣніе язычества и показываетъ его лживость и душепагубность, какъ въ источномъ згомъ его началѣ (подчиненіи злымъ чувственнымъ стремленіямъ къ удовольствію), такъ и въ нравственно-пагубныхъ послѣдствіяхъ. Существенное содержаніе языческихъ вѣрованій и нелѣпость идолопоклонства изобличаются съ многоразличныхъ сторонъ, при чемъ обращено особенное вниманіе на разные доводы, которые приводились въ пользу языческихъ вѣрованій въ то время, изъ коихъ впрочемъ нѣкоторые не лишены интереса и теперь, какъ напримѣръ происхожденіе всего изъ матеріальныхъ частей.

Далѣе сообщается положительное ученіе о Творцѣ, Промыслителѣ міра и Спасителѣ, чему предшествуютъ довольно подробныя замѣчанія о

Такія же клеветы въ укоризну нашу слагаютъ язычники. Они громко смѣются надъ нами, указывая не на иное что, а только на крестъ Христовъ. Но тѣмъ паче можно пожалѣть о безчувствіи ихъ. Клевеща на крестъ, не видятъ онп силы креста, наполнившей цѣлую вселенную, не видятъ, что крестомъ стали явны для всѣхъ дѣла боговѣдѣнія.

Итакъ, сперва обличу, сколько могу, невѣжество невѣрующихъ, чтобы, по обличеніи лжи, сама собою возсіяла, наконецъ, истина.

Въ началѣ не было зла, потомучто и теперь нѣтъ его во святыхъ, и для нихъ вовсе не существуетъ оно. Но люди, впослѣдствіи, сами противъ себя начали примышлять и воображать злое. Отсюда же, конечно, образовали себѣ и первую мысль объ идолахъ, не сущее представляя какъ сущее.

Создатель міра и Царь царей Богъ, превысшій всякой сущности и человѣческаго примышленія, какъ благій и все превосходящій добротою, сотворилъ родъ человѣческій по образу Своему, собственнымъ Словомъ Своимъ, Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и чрезъ уподобленіе Себѣ содѣлалъ его созер-

---

душѣ, какъ первоисточникѣ богопознанія и безсмертной жизни въ Богѣ. При семъ достойно вниманія то, что ученіемъ о благоустроенности вселенной святый Аѳанасій пользуется для опроверженія многобожія, а при изложеніи ученія о твореніи онъ весьма обстоятельно излагаетъ участіе въ твореніи Сына Божія и опредѣляетъ Его вѣчное отношеніе къ Отцу.

Такимъ образомъ, первое произведеніе святаго Аѳанасія было какъ-бы введеніемъ въ то спеціальное его ученіе о Словѣ, которому онъ потомъ посвятилъ нѣсколько своихъ дальнѣйшихъ сочиненій, направленныхъ противъ аріанъ.

цателемъ и знателемъ сущаго, давъ ему мысль и вѣдѣніе о собственной Своей вѣчности, чтобы человѣкъ, сохраняя сіе сходство, никогда не удалялъ отъ себя представленія о Богѣ и не отступалъ отъ сожитія со святыми, но, имѣя въ себѣ благодать Подателя, имѣя и собственную свою силу отъ Отчаго Слова, былъ счастливъ и собесѣдовалъ съ Богомъ, живя невинною, подлинно блаженною и безсмертною жизнію. Такъ и Священныя Писанія о первомъ сотворенномъ человѣкѣ, который на Еврейскомъ языкѣ названъ Адамомъ, говорятъ, что въ началѣ съ непостыднымъ дерзновеніемъ устремленъ былъ онъ умомъ къ Богу и сожительствовалъ со святыми въ созерцаніи мысленнаго, какое имѣлъ въ ономъ мѣстѣ, которое святый Моисей, въ переносномъ смыслѣ, наименовалъ *раемъ* (Быт. II, 8).

Такимъ, по сказанному, Создатель содѣлалъ родъ человѣческій, и желалъ, чтобы такимъ же и пребылъ онъ. Но люди, вознерадѣвъ о совершеннѣйшемъ и полѣнившись постигнуть оное, охотнѣе взыскали того, что̀ ближе къ нимъ; ближе же къ нимъ было тѣло и тѣлесныя чувства.

Уклонившись отъ созерцанія мысленнаго, употребляя во зло частныя тѣлесныя силы, услаждаясь разсматриваніемъ тѣла, замѣчая, что удовольствіе для нея есть нѣчто доброе, душа въ обольщеніи своемъ злоупотребила наименованіемъ: *доброе*, и подумала, что удовольствіе есть самое существенное добро. Полюбивъ же удовольствіе, душа начала различными спо-

собами воспроизводить оное; потомучто, по природѣ будучи дѣятельною, хотя отвращается отъ добраго, однакоже не прекращаетъ своей дѣятельности, и потому обращаетъ свою дѣятельность уже не на добродѣтель, и не на то, чтобы созерцать Бога, но, остановясь мыслію на не сущемъ, употребляетъ способности свои превратно, пользуясь ими для измышленныхъ ею вожделѣній; ибо сотворена свободною, можетъ какъ преклоняться на доброе, такъ и отвращаться отъ добраго; отвращаясь же отъ добраго, непремѣнно останавливается мыслію на противномъ тому. Потомъ, усматривая свои способности и злоупотребляя ими, воображаетъ, что можетъ обратить и тѣлесные члены на противоположное. Потому и руки подвигнувъ на противное, стала ими убивать, и слухъ употребила на преслушаніе, и иные члены, вмѣсто законнаго чадородія,—на прелюбодѣянія, и языкъ, вмѣсто благохваленія,—на хулы, злословіе и ложныя клятвы, опять и руки—на татьбу и на то, чтобъ бить подобныхъ намъ человѣковъ, и обоняніе—на разнообразіе благовоній, возбуждающихъ къ похотливости, и ноги—на скорость *изліяти кровь* (Притч. I, 16), и чрево—на піянство и на пресыщеніе безъ мѣры.

Все же это—порокъ и душевный грѣхъ, и не иное что сему причиною, какъ отвращеніе отъ совершеннѣйшаго.

Нѣкоторые изъ Еллиновъ, уклонясь съ пути и не познавъ Христа, утверждали, что зло существуетъ самостоятельно и само по себѣ: и въ этомъ погрѣ-

шаютъ они по двумъ отношеніямъ. Или Создателя лишаютъ достоянія быть творцемъ сущаго, ибо не будетъ Онъ Господомъ сущаго, если зло, какъ они говорятъ, само по себѣ имѣетъ самостоятельность и сущность. Или опять, желая, чтобы Онъ былъ творцемъ всяческихъ, по необходимости дѣлаютъ Его и творцемъ зла, потомучто, по словамъ ихъ, и зло— въ числѣ существъ. А сіе окажется нелѣпымъ и невозможнымъ, потомучто зло не отъ добра, не въ немъ и не чрезъ него. Ибо не будетъ уже тò и добромъ, чтò имѣетъ смѣшанную природу, или стало причиною зла.

И нѣкоторые еретики, отпавъ отъ церковнаго ученія и потерпѣвъ крушеніе въ вѣрѣ, въ безуміи своемъ приписываютъ также злу самостоятельность. Кромѣ же истиннаго Отца Христова, воображаютъ себѣ иного бога, и сего нерожденнаго творца зла и виновника злобы признаютъ и создателемъ твари. Но не трудно опровергнуть ихъ Божественнымъ Писаніемъ и тѣмъ же самымъ человѣческимъ разумомъ, которымъ, измысливъ сіе, приводятся они въ бѣснованіе. Такъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, подтверждая слова Моисеевы, что *Господь Богъ единъ есть* (Второзак. VI, 5), говоритъ въ Евангеліи Своемъ: *исповѣдаю Ти ся, Отче, Господи небесе и земли* (Матѳ. XI, 25). Если же единъ Богъ, и Онъ—Господь неба и земли, то какъ быть иному богу, кромѣ Его? Гдѣ будетъ признаваемый ими богъ, когда въ цѣломъ объемѣ неба и земли все наполняется единымъ истин-

нымъ Богомъ? И какъ иному быть творцемъ того, надъ чѣмъ Господь есть Самъ Богъ и Отецъ Христовъ, по Спасителеву слову? Но если станутъ утверждать сіе существованіе двухъ равныхъ боговъ, то смотри, въ какое впадутъ нечестіе. Между равномощными невозможно будетъ найтись превосходнѣйшему и совершеннѣйшему. Ибо если безъ воли одного существуетъ другое, то въ обоихъ—равная сила, и въ обоихъ—немощь; въ обоихъ—равная сила, потомучто бытіемъ своимъ превозмогаютъ изволеніе другъ друга; и въ обоихъ—немощь, потомучто, когда не хотятъ они, противъ воли выходитъ дѣло; и благій существуетъ противъ воли злаго, и злый—противъ воли благаго. Да и вообще, какъ будутъ два существа противоположныя другъ другу? Или что̀ будетъ раздѣлять ихъ, чтобы существовали они одно внѣ другаго? Вмѣстѣ имъ быть невозможно, потомучто разрушительны одно для другаго; не могутъ же существовать и одно въ другомъ, потомучто несоединимо и неподобно естество ихъ. Слѣдовательно, раздѣляющимъ ихъ окажется нѣчто третіе; и оно будетъ также богъ.

Итакъ, поелику такая мысль ихъ оказывается нетвердою,—необходимо просіять истинѣ церковнаго вѣдѣнія, а именно, что зло не отъ Бога и не въ Богѣ, что его не было въ началѣ, и нѣтъ у него какой-либо сущности; но люди, съ утратою представленія о добрѣ, сами себѣ, по своему произволу, стали измышлять и воображать не сущее.

Такъ произошло и образовалось въ началѣ изобрѣтеніе и примышленіе зла людьми. Но нужно сказать уже и о томъ, какъ люди дошли до идолослуженія. Изъ сего узнаешь, что изображеніе идоловъ было вовсе не отъ благаго, но отъ злобы. А что̀ имѣетъ худое начало, то̀, будучи всецѣло худо, никогда ни въ чемъ не можетъ быть признано добрымъ.

Душа человѣческая, не удовольствовавшись измышленіемъ зла, постепенно начала вдаваться еще въ худшее. Познавъ различія удовольствій, утвердившись въ забвеніи божественнаго, услаждаясь же тѣлесными страстями, и имѣя въ виду одно настоящее и уваженіе къ нему, душа помыслила, что нѣтъ уже ничего, кромѣ видимаго, но одно преходящее и тѣлесное—для нея добро. Отсего, исполнившись всякихъ плотскихъ вожделѣній, и смущаемая уваженіемъ къ чувственному, наконецъ, Того Бога, Котораго предала забвенію въ умѣ, воображаетъ въ тѣлесномъ и чувственномъ, имя Божіе присвоивъ видимому, и то̀ одно прославляя, что̀ ей кажется угоднымъ, и на что̀ взираетъ она съ пріятностію. Итакъ, идолослуженію предшествуетъ зло какъ причина. Люди, научившись примышлять себѣ не сущее зло, вообразили себѣ также и не сущихъ боговъ. Обезумѣвшіе люди, погрузившись въ плотскія пожеланія и мечтанія, предавъ забвенію и понятіе и мысль о Богѣ, при слабомъ своемъ разсудкѣ, лучше же сказать, при отсутствіи разума, видимыя вещи вообразили себѣ богами, прославляя

тварь паче Творца, и обожая скорѣе произведенія, нежели ихъ виновника и создателя—Владыку Бога.

Какъ скоро умъ человѣческій отступилъ отъ Бога, люди, ниспадая въ понятіяхъ и помыслахъ, прежде всего создали божескую честь небу, солнцу, лунѣ и звѣздамъ, подумавъ, что они—не только боги, но и виновники всего прочаго. Потомъ, еще ниже нисходя омраченными помыслами, наименовали богами эѳиръ, воздухъ и чтò въ воздухѣ. Поступивъ же далѣе во злѣ, возвеличили уже богами стихіи и начáла тѣлеснаго состава: теплоту, холодъ, сухость и влажность. И кáкъ совершенно упадшіе влачатся по землѣ, подобно землянымъ улиткамъ, тáкъ злочестивѣйшіе изъ людей, павъ и унизившись въ представленіи о Богѣ, въ число боговъ включили, наконецъ, людей и изображенія людей, какъ еще живыхъ, такъ уже и умершихъ. А возжелавъ еще худшаго и остановившись на томъ мыслію, божественное и премірное Божіе имя перенесли уже на камни, на дерева, на пресмыкающихся въ водѣ и на сушѣ, и изъ безсловесныхъ—на животныхъ свирѣпыхъ; имъ стали воздавать всякую божескую честь, отвратились же отъ истиннаго, дѣйствительно сущаго, Бога Отца Христова. И, о если бы хотя на этомъ остановилась дерзость неразумныхъ, и не сквернили они себя большимъ злочестіемъ, простираясь еще далѣе! Ибо нѣкоторые до того унизились мыслію и омрачились умомъ, что измыслили себѣ, и вмѣстѣ обоготворили, даже то, чтò вовсе никогда не существовало, и чего не видно между

сотворенными вещами. Смѣшавъ и разумное и безсловесное, и сочетавъ между собою несходное по природѣ, кланяются они тому, какъ богамъ. Таковы у Египтянъ боги съ песьими, змѣиными и ослиными головами, а у Ливіянъ Аммонъ съ головою овна. Иные же, взявъ отдѣльно тѣлесные члены: голову, плеча, руки, ноги,—каждый членъ включили въ число боговъ и стали обожать, какъ будто недовольствуясь поклоненіемъ цѣлому тѣлу въ его совокупности. Другіе простерли далѣе свое нечестіе и обоготворили то, что̀ было предлогомъ къ изобрѣтенію сихъ боговъ и къ собственному ихъ злонравію, то есть, сластолюбіе и вожделѣніе,—и сему кланяются. Таковы у нихъ Эротъ и Афродита въ Паѳосѣ. Другіе же, какъ бы соревнуя другъ другу въ худомъ, дерзнули причесть къ богамъ своихъ государей и дѣтей ихъ, или изъ почтенія къ властвовавшимъ, или страшась ихъ самоуправства; таковы въ Критѣ пресловутый у нихъ Зевесъ, въ Аркадіи—Эрмій, у Индовъ—Діонисій, у Египтянъ—Изида, Озирисъ и Оръ. И нынѣ Антиноя, любимца Римскаго царя Адріана, хотя знаютъ, что онъ человѣкъ, и человѣкъ не благонравный, но весьма развратный, чтутъ, страшась того, кто далъ о семъ повелѣніе. Ибо Адріанъ, находясь въ Египтѣ, когда умеръ служитель его сластолюбія Антиной, любя юношу и по смерти, повелѣлъ воздавать ему божескую честь; а тѣмъ и самъ себя обличилъ, и вмѣстѣ далъ знать вообще объ идолослуженіи, что не иначе изобрѣтено оно у людей, какъ изъ вожделѣнія къ воображаемому.

Не такъ давно бывало (а можетъ быть, и донынѣ сіе соблюдается), что сенатъ Римскій о своихъ отъ начала бывшихъ царяхъ, или о всѣхъ, или о комъ изволитъ и заблагоразсудитъ онъ, дѣлалъ постановленіе: «быть имъ въ числѣ боговъ», и предписывалъ воздавать имъ божескую честь. Если которые ненавистны сенату, то объявляетъ онъ природу ихъ, и какъ враговъ именуетъ людьми; а которые угодны ему, тѣмъ за доблестныя дѣла повелѣваетъ воздавать божескую честь, какъ будто сенаторы имѣютъ власть дѣлать богами, хотя сами они—люди, и не отрицаютъ того, что они—смертные. А между тѣмъ надлежало бы, чтобъ дѣлающіе другихъ богами тѣмъ паче сами были боги; потомучто творящее должно быть совершеннѣе творимаго. Но обычай сей не новъ и не въ Римскомъ начался сенатѣ, напротивъ же того, съ давнихъ временъ получилъ начало, и напередъ замышленъ съ понятіемъ объ идолахъ. Ибо древніе, пресловутые у Еллиновъ, боги: Зевсъ, Посидонъ, Аполлонъ, Ифестъ, Ермій, и—женскаго пола: Ира, Димитра, Аѳина, Артемида, удостоены именованія боговъ по указамъ извѣстнаго по исторіи у Еллиновъ Ѳисея.

Въ Египтѣ и до-нынѣ еще совершается плачъ объ утратѣ Озириса, Ора, Тифона и другихъ. Додонскія утвари и кориванты въ Критѣ доказываютъ, что Дій не богъ, а человѣкъ, и рожденъ плотояднымъ отцемъ. И удивительно то, что самый мудрый и много похваляемый у Еллиновъ за то, что уразумѣлъ Бога,

т. е. Платонъ, идетъ съ Сократомъ въ Пирей поклониться изображенію Артемиды, сдѣланному человѣческимъ искусствомъ!

О таковыхъ и подобныхъ симъ изображеніяхъ идолобѣсія, давно, и за-долго прежде, научило Писаніе, говоря: *Начало блуженія умышленіе идоловъ: изобрѣтеніе же ихъ, тлѣніе живота. Ниже бо быша отъ начала, ниже будутъ во вѣки: тщеславіемъ бо человѣческимъ внидоша въ міръ, и сего ради кратокъ ихъ конецъ вмѣнися. Горькимъ бо плачемъ сѣтуя отецъ скоро восхищеннаго чада образъ сотворивъ, егоже тогда человѣка мертва, нынѣ яко жива почте, и предаде подручнымъ тайны и жертвы: потомъ временемъ возмогшій нечестивый обычай, аки законъ хранимъ бысть, и мучителей повелѣніемъ почитаема бяху изваянная. Ихже бо въ лице не могуще чествовати человѣцы далняго ради обитанія, издалеча лице изобразивше, явный образъ почитаемаго царя сотвориша, яко да отстоящаго аки близъ сущаго ласкаютъ съ прилѣжаніемъ. Въ продолженіе же нечестія и не разумѣющихъ понуди художниково искусство. Сей бо хотя угодити державствующему, произведе хитростію подобіе на лучшее: множество же человѣкъ привлечено благообразіемъ дѣла, прежде вмалѣ чествованнаго человѣка, нынѣ въ бога вмѣниша. И сіе бысть житію въ прельщеніе, яко или злоключенію, или мучительству послуживше человѣцы, несообщно имя каменію и древамъ обложиша* (Премудр. XIV, 12—21).

Но самое представленіе язычниковъ о богахъ своихъ обличаетъ идолопоклонство.

Если кто возьметъ во вниманіе *дѣянія* такъ называемыхъ ими *боговъ* (начну сперва съ сего), то найдетъ, что они не только не суть боги, но даже гнуснѣйшіе были изъ людей. Ибо каково видѣть у стихотворцевъ описанныя распутства и непотребства Діевы? Каково слышать, что Дій похищаетъ Ганимеда, совершаетъ тайныя прелюбодѣянія, боится и мучится страхомъ, чтобы противъ воли его не были разорены Троянскія стѣны? Каково видѣть, что онъ скорбитъ о смерти сына своего Сарисдона, хочетъ помочь ему и не можетъ, что противъ него злоумышляютъ другіе такъ называемые боги, именно: Аѳина, Ира и Посидонъ, а ему помогаютъ женщина Ѳетида и сторукій Эгеонъ? Поэтому, справедливо ли считать богомъ того, кто совершилъ такія черныя дѣла, какихъ общіе Римскіе законы не дозволяютъ дѣлать и простымъ людямъ? Или, зная, что Діомидомъ ранены Арей и Афродита, а Ираклом — Ира и преисподній, котораго называютъ адскимъ богомъ, Персеемъ же — Діонисій, Аркадомъ — Аѳина, что Ифестъ сринутъ и сталъ хромымъ, — кто не заключитъ худо объ ихъ природѣ и не откажется утверждать, что они — боги? Слыша же, что подлежатъ они страданію и тлѣнію, не признаетъ ли ихъ не болѣе какъ людьми, и людьми немощными, и не станетъ ли скорѣе дивиться тѣмъ, которые наносили имъ раны, нежели имъ раненымъ?

А поэтому, жалѣть наипаче должно о тѣхъ, которые вводятся симъ въ обманъ. Ненавидятъ они

любодѣя, который приступаетъ къ женамъ ихъ, но не стыдятся боготворить учителей любодѣйства; и что̀ по законамъ непозволительно у людей, то̀ не стыдятся приписывать такъ называемымъ богамъ своимъ.

Притомъ, кланяющіеся камнямъ и деревамъ не примѣчаютъ, что ногами они попираютъ и жгутъ подобныя вещи, а часть тѣхъ же вещей именуютъ богами. Что̀ не задолго прежде употребляли на свои нужды, то̀ самое, сдѣлавъ изъ сего изваяніе, въ безуміи своемъ чествуютъ, вовсе не примѣчая и не разсуждая, что кланяются не богамъ, но искусству ваятеля. Пока не обтесанъ еще камень, и не обдѣлано вещество,—до тѣхъ поръ попираютъ ихъ и пользуются ими на потребы свои, часто и низкія; а когда художникъ, по наукѣ своей, приведетъ ихъ въ соразмѣрность и напечатлѣетъ на веществѣ образъ мужа или жены, тогда, свидѣтельствуя благодарность свою художнику и купивъ ихъ у ваятеля за деньги, кланяются уже имъ какъ богамъ. Нерѣдко же и самъ дѣлатель истукановъ, какъ бы забывъ, что имъ они сработаны, молится собственнымъ своимъ произведеніямъ, и что̀ недавно обтесывалъ и обрубалъ, то̀, по искусственной обдѣлкѣ, именуетъ богами.

Но, можетъ быть, злочестивые прибѣгнутъ въ этомъ случаѣ къ свойству стихотворцевъ, говоря, что отличительная черта стихотворцевъ изображать несуществующее и лгать, слагая басни въ удовольствіе слушателей. Но если стихотворцами вымышлены

боги, которыхъ нѣтъ, то почему же поклоняются имъ, какъ существующимъ?

Кто-нибудь изъ нихъ скажетъ слѣдующее: стихотворцы лгутъ, говоря о непотребныхъ дѣяніяхъ боговъ, а въ похвалахъ, когда Дія называютъ отцемъ боговъ, верховнымъ, Олимпійскимъ и царствующимъ на небѣ, не вымышляютъ они, говорятъ же истину. Но не я одинъ, а и всякій другой можетъ сказать, что это разсужденіе идетъ противъ нихъ; потомучто изъ прежнихъ опять доводовъ, въ укоръ имъ, обнаружится истина. Дѣянія изобличаютъ, что они—люди; а похвалы—выше человѣческой природы. Но то и другое не согласно между собою; и небожителямъ не свойственно дѣлать подобныя дѣла, и о дѣлающихъ подобныя дѣла никто не предположитъ, что они—боги. Что̀ же остается подумать?

Какое оправданіе, какое доказательство представятъ суевѣрные чтители сихъ боговъ, что это дѣйствительно боги? Развѣ обратятся къ тому, что высоко цѣнятъ ихъ изобрѣтенія, полезныя для жизни, и скажутъ: и богами они признаны за то, что были полезны для людей. Зевсъ, какъ сказываютъ, владѣлъ искусствомъ ваятельнымъ, Посидонъ—судоходнымъ, Ефестъ—кузнечнымъ, Аѳина—ткацкимъ, Аполлонъ изобрѣлъ музыку, Артемида—псовую охоту, Ира—искусство одѣваться, Димитра—земледѣліе, другіе же—иныя искусства, какъ повѣствуютъ о нихъ историки. Но эти и подобныя имъ познанія должны люди приписывать не имъ однимъ, а общей человѣческой при-

родѣ, углубляясь въ которую, люди изобрѣтаютъ искусства. Ибо искусство, по словамъ многихъ, есть подражаніе природѣ. Поелику, какъ люди, по природѣ способны они были пріобрѣтать познанія въ положенныхъ для людей предѣлахъ, то нимало не удивительно, если, вникнувъ въ свою природу и пріобрѣтя о ней познаніе, изобрѣли они искусства. Если же утверждаютъ, что за пріобрѣтеніе искусствъ справедливо было наименовать ихъ богами, то и изобрѣтателей другихъ искусствъ слѣдуетъ наименовать богами на томъ же основаніи, на какомъ они удостоены сего наименованія. Финикіяне изобрѣли письмена, Омиръ—героическую поэзію, елеатецъ Зенонъ—діалектику, сиракузянинъ Кораксъ—риторическое искусство, Аристей ввелъ въ употребленіе пчелиный медъ, Триптоленъ—сѣяніе жита, спартанецъ Ликургъ и аѳинянинъ Солонъ издали законы, Паламидъ изобрѣлъ словосочиненіе, числа, мѣры и вѣсы, а другіе, по свидѣтельству историковъ, сдѣлали извѣстными иныя различныя и для человѣческой жизни полезныя вещи. Поэтому, если познанія дѣлаютъ богами, и за нихъ стали ваять боговъ, то необходимо, чтобы, подобно имъ, стали богами и тѣ, которые впослѣдствіи были изобрѣтателями другихъ вещей. Если же послѣднихъ не удостоиваютъ божеской чести, а признаютъ людьми, то слѣдуетъ и Дія, и Иру, и другихъ не именовать богами, но вѣрить, что и они были люди, тѣмъ болѣе, что не были они и благонравны; какъ и самымъ изваяніемъ кумировъ

язычники доказываютъ, что боги ихъ не иное что, какъ люди.

Такъ называемые у Еллиновъ философы и люди свѣдущіе, когда обличаютъ ихъ въ этомъ, не отрицаютъ, что видимые ихъ боги суть изображенія и подобія людей и безсловесныхъ, но въ оправданіе свое говорятъ: для того у насъ все сіе, чтобы чрезъ это являлось намъ Божество и давало отвѣты; потомучто невидимаго Бога невозможно иначе и познать, какъ при помощи подобныхъ изваяній и обрядовъ. А другіе, сихъ превосходя любомудріемъ и думая сказать нѣчто еще болѣе глубокомысленное, говорятъ: учрежденія и изображенія сіи введены для призыванія и явленія божественныхъ Ангеловъ и Силъ, чтобы, являясь въ сихъ изображеніяхъ, сообщали людямъ вѣдѣніе о Богѣ; это какъ бы письмена для людей; читая ихъ, по бывающему въ нихъ явленію божественныхъ Ангеловъ, могутъ они познать, какое имѣть понятіе о Богѣ. Такъ баснословятъ, а не богословствуютъ (не скажемъ сего) языческіе мудрецы! Но если кто со тщаніемъ изслѣдуетъ разсужденіе сіе, то найдетъ, что и сихъ мнѣніе не менѣе ложно, какъ и показанныхъ прежде.

Спросимъ, какъ же Богъ познается чрезъ идоловъ: по причинѣ ли вещества, изъ какого сдѣланы идолы, или по причинѣ даннаго имъ образа? Если по причинѣ вещества, то какая нужда въ образѣ? Почему Богъ не является просто во всемъ веществѣ, прежде

нежели сдѣлано изъ него это? А если причиною божественнаго явленія бываетъ сдѣланный изъ вещества образъ, то какая нужда въ веществѣ золота, или чего-либо иного? Почему Богу не являться лучше въ самыхъ въ природѣ существующихъ животныхъ, которыхъ образъ имѣютъ на себѣ изваянія? На семъ основаніи мысль о Богѣ была бы лучше, если бы являлся Онъ въ одушевленныхъ живыхъ существахъ, словесныхъ или безсловесныхъ, и не нужно было ожидать Его явленія въ вещахъ неодушевленныхъ и недвижущихся. Въ этомъ случаѣ язычники впадаютъ въ нечестіе, въ которомъ всего больше противорѣчатъ сами себѣ. Естественныхъ животныхъ, четвероногихъ, птицъ и пресмыкающихся почитаютъ мерзостію и гнушаются ими, или по причинѣ ихъ свирѣпости, или по нечистотѣ, и однакоже, изваявъ подобія ихъ изъ камня, дерева, золота, боготворятъ оныя.

Если Божество человѣкообразно, а потому и идолы такъ изображаются, то для чего присвояютъ Божеству и подобія безсловесныхъ? Если же у Него подобіе безсловесныхъ животныхъ, то почему присвояютъ Ему изваянія существъ словесныхъ? А если въ Немъ то и другое, и въ томъ и другомъ видѣ представляютъ они Бога, потомучто имѣетъ подобіе и безсловесныхъ и словесныхъ существъ, то для чего раздѣляютъ соединенное и отдѣльно дѣлаютъ изваянія безсловесныхъ и изваянія людей, а не всегда изваянія ихъ имѣютъ видъ тѣхъ и другихъ, каковыя из-

браженія дѣйствительно находятся въ баснословіи, напримѣръ: Скилла, Харибда, Иппокентавръ, и у Египтянъ—Анубисъ съ головою пса? Надлежало бы или только такъ изображать ихъ имѣющихъ двоякую природу, или, если имѣютъ одинъ только образъ, не вымышлять для нихъ другаго. И еще, если они имѣютъ мужескій образъ, то для чего придаютъ имъ и подобія женскія? И если женскій имѣютъ образъ, то для чего ложно представляютъ ихъ въ образѣ мужей?

Вообще, если представляютъ себѣ Божество тѣлообразнымъ, а потому воображаютъ у Него, и изваяніямъ даютъ, чрево, руки, ноги, также выю, грудь, уши, члены, у людей служащіе къ дѣторожденію, то смотри, до какого нечестія и безбожія унизился умъ ихъ, когда могъ такъ думать о Божествѣ. Ибо Божеству слѣдовало бы посему претерпѣвать непремѣнно и все прочее, свойственное тѣлу, то есть, быть разсѣкаемымъ, дѣлимымъ, и даже, вообще, подверженнымъ истлѣнію. Сіе же и подобное сему свойственно не Богу, а скорѣе — земнымъ тѣламъ, потомучто Богъ безплотенъ, нетлѣненъ, безсмертенъ, и ни въ комъ ни для чего не имѣетъ нужды. А посему можно осудить язычниковъ въ неразуміи за то, что именуютъ богами идоловъ, которыхъ сами дѣлаютъ; просятъ спасенія у тѣхъ, которыхъ искусствомъ своимъ предохраняютъ отъ тлѣнія; молятся объ удовлетвореніи своихъ нуждъ тѣмъ, о комъ знаютъ, что требуютъ собственной ихъ попечительности; и заключая

ихъ въ небольшихъ зданіяхъ, не стыдятся называть владыками неба и всей земли.

И не изъ сего только можно усматривать безбожіе язычниковъ, но также и изъ того, что о самыхъ идолахъ мнѣнія ихъ не согласны. Ибо не одни и тѣ же именуются у всѣхъ богами, но большею частію, сколько есть народовъ, столько вымышлено и боговъ. Случается же, что одна область и одинъ городъ раздѣляются между собою во мнѣніяхъ о почитаніи идоловъ. Финикіяне не знаютъ боговъ, признаваемыхъ Египтянами. Египтяне поклоняются не однимъ и тѣмъ же идоламъ съ Финикіянами. Скиѳы не пріемлютъ боговъ Персидскихъ, а Персы—Сирскихъ и т. д. Крокодилу поклоняются одни какъ Богу, у жителей же ближайшихъ мѣстъ почитается онъ мерзостію. Льва чтутъ одни какъ Бога, а внѣ города не только не воздаютъ ему чести, но даже встрѣтивъ убиваютъ его какъ звѣря.

Египтяне чтутъ вола и Аписа, т. е. тельца; а другіе вола и тельца приносятъ въ жертву Дію. Ливіяне признаютъ богомъ овна, котораго и называютъ Аммономъ; а у другихъ овенъ часто закалается въ жертву. Инды воздаютъ честь Діонисію, симъ именемъ, въ переносномъ смыслѣ, называя вино; у другихъ же вино употребляется на возліяніе инымъ богамъ.

Нѣкоторые дошли уже и до такого злочестія и безумія, что закалаютъ и приносятъ въ жертву ложнымъ богамъ своимъ самыхъ людей, тогда какъ боги

сіи суть подобіе и образъ людей; приносятъ, такимъ образомъ, лучшее худшему, одушевленныхъ закалаютъ въ жертву неодушевленнымъ, разумныхъ приводятъ на закланіе не имѣющимъ движенія. Скиѳы, именуемые Таврійскими, въ жертву такъ называемой у нихъ дѣвѣ, закалаютъ претерпѣвшихъ кораблекрушеніе и взятыхъ въ плѣнъ Еллиновъ. Въ древности Египтяне приносили людей въ жертву Ирѣ, а Финикіяне и Критяне принесеніемъ въ жертву дѣтей своихъ умилостивляли Крона. И древніе Римляне человѣческими жертвами чтили Дія, называемаго Латіаріемъ. Такъ или иначе, но всѣ вообще и сквернили и сквернились; сквернились сами, совершая убійства, и сквернили храмы свои, окуряя ихъ подобными жертвами.

Но, можетъ быть, превосходнѣйшіе изъ язычниковъ и исполненные удивленія къ твари, будучи пристыжены обличеніями въ сихъ мерзостяхъ, и сами не отрекутся, что дѣйствительно сіе предосудительно и стóитъ обличенія, но останутся въ той мысли, что служеніе міру и частямъ міра есть несомнѣнное для нихъ и неоспориваемое вѣрованіе. Даже будутъ хвалиться, что не камни, ни дерева, вообще не изображенія людей и безсловесныхъ, птицъ, гадовъ и четвероногихъ чествуютъ и обожаютъ они, но солнце, луну, все небесное украшеніе, а также—землю и все влажное естество. При семъ скажутъ: никто не можетъ доказать, будто бы и это по природѣ не боги, когда для всякаго явно, что они—не вещи неоду-

шевленныя и безсловесныя, но по природѣ выше людей, потомучто одни населяютъ небо, а другіе—землю.

И сіе мнѣніе стóитъ того, чтобы разсмотрѣть и подвергнуть оное изслѣдованію. Но прежде, нежели приступимъ къ разсмотрѣнію и начнемъ доказательство, достаточно замѣтить, что сама тварь едва не вопіетъ противъ нихъ, указывая на своего Творца и Создателя—Бога, надъ нею и надъ всѣмъ царствующаго Отца Господу нашему Іисусу Христу, отъ Котораго отвращаются сіи мнимые мудрецы, поклоняются же происшедшей отъ Него твари и боготворятъ ее, хотя сама она поклоняется своему Творцу и исповѣдуетъ Того Господа, отъ Котораго отрицаются они ради ея. Она показываетъ и даетъ знать, что Отецъ Слова есть дѣйствительно Господь и Творецъ сихъ частей, требующій отъ нихъ безпрекословнаго Себѣ повиновенія, какъ говоритъ и Божіе законоположеніе: *небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь* (Псал. XVIII, 1).

Достовѣрность сего не сокрыта отъ взоровъ, но весьма очевидна всякому, у кого не вовсе ослѣплено умное око. Ибо если кто возьметъ во вниманіе отдѣльныя части твари и будетъ разсматривать каждую въ особенности, напримѣръ: и солнце возьметъ само по себѣ, и луну отдѣльно, а также и землю, и воздухъ, и теплоту, и холодъ, и сухость, и влажность, внѣ взаимной ихъ между собою связи, и каждую изъ сихъ частей станетъ разсматривать особо, какъ она есть сама по себѣ,—то, безъ сомнѣнія, най-

детъ, что ни одна часть міра сама для себя не достаточна, но всѣ онѣ имѣютъ нужду одна въ другой, и только при взаимной другъ другу помощи дѣлаются самостоятельными.

Кто же, при всей малосмысленности, не знаетъ, что четыре стихіи, изъ которыхъ образовалось естество тѣлъ,—разумѣю теплоту и холодъ, сухость и влажность,—поддерживаются только въ совокупномъ соединеніи, а раздѣленныя и разобщенныя, отъ преобладанія преизбыточествующей изъ нихъ, дѣлаются уже одна для другой разрушительными? Теплота истребляется увеличивающимся холодомъ; а холодъ, опять, уничтожается силою теплоты. Сухое увлажиться влажнымъ, и послѣднее изсушается первымъ. Посему какъ же вещи сіи будутъ богами, имѣя нужду въ помощи другихъ? Или какъ можно просить у нихъ чего-либо, когда сами одна отъ другой требуютъ себѣ содѣйствія? Если у насъ слово о Богѣ, то Онъ ни въ комъ не имѣетъ нужды, самодоволенъ, самоисполненъ, въ Немъ все состоится, лучше же сказать, Онъ всему даетъ самостоятельность.

Но, можетъ быть, язычники, имѣя доказательство передъ глазами, и сами сознáются, что части творенія, взятыя раздѣльно и сами по себѣ, не достаточны; станутъ же утверждать, что, когда всѣ части, совокупленныя вмѣстѣ, составляютъ одно великое тѣло, тогда цѣлое есть Богъ.

Но сіе весьма далеко отъ понятія о Богѣ. Богъ есть цѣлое, а не части; Онъ не изъ различныхъ

составленъ вещей, но Самъ есть Творецъ состава всякой вещи. Смотри же, какъ нечестиво выражаются о Божествѣ, которые такъ говорятъ о Немъ. Если Богъ состоитъ изъ частей, то, безъ сомнѣнія, окажется Себѣ Самому неподобнымъ, и составленнымъ изъ вещей неподобныхъ. Ибо если Онъ—солнце, то не луна; если—луна, то не земля; и если—земля, то не будетъ моремъ. А такимъ образомъ, перебирая каждую часть отдѣльно, найдешь несообразность такого ихъ разсужденія.

Но согласно съ истиннымъ умозрѣніемъ, можно еще и иначе обличить ихъ безбожіе. Если Богъ по естеству безплотенъ, невидимъ, неосязаемъ, то почему представляютъ они Бога тѣломъ, и, что̀ видимо глазами и осязаемо рукою, тому воздаютъ божескую честь? И еще, если утвердилось уже такое понятіе о Богѣ, что Онъ во всемъ всемогущъ, и ничто не обладаетъ Имъ, но Онъ всѣмъ обладаетъ и надъ всѣмъ владычествуетъ,—то обоготворяющіе тварь какъ не примѣчаютъ, что она не подходитъ подъ такое опредѣленіе Бога?! Когда солнце бываетъ подъ землею, свѣтъ его затемняетъ земля, и онъ невидимъ. Луну же днемъ скрываетъ солнце блистаніемъ своего свѣта. Земные плоды нерѣдко побиваетъ градъ; огонь отъ прилива воды угасаетъ; зиму гонитъ весна, а лѣто не позволяетъ веснѣ преступать свои предѣлы, и лѣту опять осень воспрещаетъ выходить изъ собственныхъ своихъ предѣловъ. Итакъ, если бы это были боги, то надлежало бы, чтобы они не были преодолѣваемы

и затмѣваемы другъ другомъ, но всегда находились одно при другомъ, и вмѣстѣ производили общія свои дѣйствія.

Посему, какъ доказано въ словѣ, по всей справедливости, не могутъ быть истинными богами ни солнце, ни луна, ни другая какая часть твари, а тѣмъ паче—изваяніе изъ камней, изъ золота и изъ другихъ веществъ, и также—вымышленные стихотворцами Зевсъ, Аполлонъ и другіе. Напротивъ того, одни суть части творенія, другія—вещи неодушевленныя, а третьи были только смертные люди. Потому служеніе имъ и обоготвореніе ихъ есть внушеніе не благочестія, но безбожія и всякаго злочестія, и доказательство великаго уклоненія отъ вѣдѣнія единаго и единственно истиннаго Бога, разумѣю же—Отца Христова. А когда изобличено сіе, и доказано, что языческое идолослуженіе исполнено всякаго безбожія, и введено не на пользу, а на погибель человѣческой жизни,—теперь, по изобличеніи заблужденія, пойдемъ, наконецъ, путемъ истины и обратимъ взоръ къ Вождю и Создателю вселенной—Отчему Слову, чтобы чрезъ Него уразумѣть намъ и Бога Отца Его и показать язычникамъ, сколько удалились они отъ истины. Сказанное доселѣ клонилось только къ изобличенію заблужденій въ мірѣ; путь же истины будетъ имѣть цѣлію дѣйствительно сущаго Бога.

Къ познанію же и точному уразумѣнію истины имѣемъ нужду не въ комъ другомъ, а только въ себѣ самихъ. Путь къ Богу не такъ далекъ отъ насъ, какъ

превыше всего Самъ Богъ; Онъ не внѣ насъ, но въ насъ самихъ. Спаситель, давая разумѣть и подтверждая это, сказалъ: *Царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. XVII, 21). Внутри же себя имѣя вѣру и Царствіе Божіе, можемъ вскорѣ узрѣть и уразумѣть Царя вселенной—спасительное Отчее Слово. Да не отговариваются служащіе идоламъ Еллины, и вообще, никто другой да не обольщаетъ самъ себя, будто бы нѣтъ у нихъ такого пути, а потому и имѣютъ они предлогъ къ своему безбожію. Всѣ мы вступили на путь сей, и всѣмъ онъ открытъ, хотя и не всѣ имъ идутъ, но многимъ желательно оставлять его; потомучто влекутъ ихъ со-внѣ житейскія удовольствія.

А если кто спроситъ: что же это за путь? Отвѣчаю:—душа каждаго, и въ ней умъ; потомучто однимъ умомъ можетъ быть созерцаемъ и уразумѣваемъ Богъ. Развѣ нечестивые, какъ отреклись отъ Бога, такъ откажутся и отъ того, что имѣютъ душу? Это и всего справедливѣе было бы сказать имъ; потомучто неимѣющимъ только ума свойственно отрицаться отъ его Творца и Создателя Бога. Посему-то для людей простыхъ нужно вкратцѣ доказать и то, что всякій человѣкъ имѣетъ душу, и душу разумную.

Первымъ не малымъ признакомъ того, что душа человѣческая разумна, служитъ отличеніе ея отъ безсловесныхъ; ибо по естественной привычкѣ называемъ ихъ безсловесными по тому самому, что родъ человѣческій разуменъ. А потомъ не маловажнымъ будетъ доказательствомъ и то, что одинъ человѣкъ

разсуждаетъ о находящемся внѣ его, мысленно представляетъ и то, чего нѣтъ передъ нимъ, и опять разсуждаетъ и обсуживаетъ, чтобы изъ обдуманнаго избрать лучшее. Безсловесныя видятъ тò одно, чтò передъ ними, стремятся къ тому одному, чтò у нихъ передъ глазами, хотя бы впослѣдствіи былъ отъ того имъ вредъ; но человѣкъ стремится не къ видимому, а напротивъ того, видимое глазами обсуживаетъ разсудкомъ; не рѣдко, устремившись уже, разсудкомъ бываетъ удержанъ, и чтò имъ обдумано, обсуживаетъ снова. Сіе свойственно только людямъ, и сіе-то есть разумность человѣческой души, пользуясь которою отличается она отъ безсловесныхъ, и доказываетъ о себѣ, что она дѣйствительно не одно и то же съ видимымъ въ тѣлѣ. Тѣло часто лежитъ на землѣ, а человѣкъ представляетъ и созерцаетъ, чтò на небѣ.

А для тѣхъ, которые дошли даже до безстыдства неразумности, строгимъ доказательствомъ послужитъ и слѣдующее. Тѣло по природѣ смертно; почему же человѣкъ размышляетъ о безсмертіи, и не рѣдко, изъ любви къ добродѣтели, самъ на себя навлекаетъ смерть? Или, тѣло—временно; почему же человѣкъ представляетъ себѣ вѣчное, и поэтому пренебрегаетъ тѣмъ, чтò у него подъ ногами, вожделѣваетъ же вѣчнаго? Итакъ, чтò же это опять будетъ, какъ не душа разумная и безсмертная? Все сіе доказываетъ не иное что, какъ разумную душу, владычествующую надъ тѣломъ. Тѣло не само себя движетъ, но приводится

въ движеніе и движется другимъ, какъ и конь не самъ себя впрягаетъ, но понуждаетъ его владѣющій имъ. Посему-то и даются людямъ законы—дѣлать доброе и отвращаться порока; для безсловесныхъ же, лишенныхъ разумности и мышленія, и худое остается невнятнымъ и неразличимымъ.

Кромѣ этого необходимо знать, что душа и безсмертна. Познаніе же о семъ всего болѣе облегчается для насъ познаніемъ тѣла и различеніемъ души отъ тѣла. Ибо если въ словѣ нашемъ доказано, что душа—не одно и то же съ тѣломъ, тѣло же по природѣ смертно,—то необходимо душѣ быть безсмертною по тому самому, что она не подобна тѣлу. И опять, если, по доказанному, душа движетъ тѣло, а сама ничѣмъ другимъ не приводится въ движеніе,—то слѣдуетъ изъ сего, что душа самодвижна и, по сложеніи съ себя тѣла въ землю, опять будетъ сама себя приводить въ движеніе. Ибо не душа подвергается смерти, умираетъ же тѣло, вслѣдствіе разлученія съ нимъ души. Посему, если бы душа приводима была въ движеніе тѣломъ, то, по разлученіи съ движущимъ, ей слѣдовало бы умереть. А если душа движетъ и тѣло, то тѣмъ паче необходимо ей приводить въ движеніе и себя. Приводя же себя въ движеніе, по необходимости будетъ она жить и по смерти тѣла; потомучто движеніе души не иное что есть, какъ жизнь ея; какъ, безъ сомнѣнія, и о тѣлѣ говоримъ, что тогда оно живетъ, когда движется, и тогда бываетъ смерть его, когда прекращается въ немъ движеніе. Но сіе яснѣе

можно видѣть изъ душевной дѣятельности, пока душа еще въ тѣлѣ. Если и тогда, какъ душа заключена въ тѣлѣ и соединена съ нимъ, не ограничивается она малостію тѣла и не соразмѣряется съ оною: тѣло лежитъ иногда на одрѣ, и какъ бы уснувъ смертнымъ сномъ, пребываетъ недвижимо, а душа по силѣ своей бодрствуетъ, возвышается надъ природою тѣла, и хотя пребываетъ въ тѣлѣ, но, какъ бы преселяясь изъ него, представляетъ и созерцаетъ, что̀ превыше земли, не рѣдко же, поощряемая чистотою ума, воспаряетъ къ святымъ и Ангеламъ, пребывающимъ внѣ земныхъ тѣлъ, и бесѣдуетъ съ ними,—то, разрѣшившись отъ тѣла, когда будетъ сіе угодно соединившему ее съ онымъ Богу, не тѣмъ ли паче, и не въ большей ли еще мѣрѣ, пріобрѣтетъ она яснѣйшее вѣдѣніе о безсмертіи? И помышляетъ и мудрствуетъ она о безсмертномъ и вѣчномъ, потомучто она сама безсмертна.

Посему-то душа имѣетъ понятіе и о созерцаніи Бога, и сама для себя дѣлается путемъ, не со-внѣ заимствуя, но въ себѣ самой почерпая вѣдѣніе и разумѣніе о Богѣ Словѣ. А поэтому утверждаемъ (о чемъ говорено уже было и прежде), что язычники, какъ отреклись отъ Бога и кланяются вещамъ неодушевленнымъ, такъ, думая о себѣ, что нѣтъ въ нихъ разумной души, и причисляя себя къ безсловеснымъ, въ этомъ самомъ несутъ наказаніе за свое безуміе. Если же увѣрены они (какъ и въ правѣ быть увѣренными), что есть въ нихъ душа, и имѣютъ высокое понятіе

о своей разумности,—то для чего, какъ бы не имѣя души, отваживаются поступать вопреки разуму, не мудрствуютъ, какъ должно мудрствовать, но ставятъ себя выше и Божества? Ибо сами имѣя безсмертную и невидимую ими душу, уподобляютъ Бога вещамъ видимымъ и смертнымъ. Какъ отвратились онѣ мыслію отъ Бога и не сущее стали представлять себѣ богами, такъ могутъ возвыситься умомъ души своей и снова обратиться къ Богу.

Когда душа слагаетъ съ себя всю излившуюся на нее скверну грѣха и соблюдаетъ въ себѣ одинъ чистый образъ, тогда (чему и быть слѣдуетъ) съ просвѣтлѣніемъ онаго, какъ въ зеркалѣ, созерцаетъ въ немъ Отчій образъ—Слово и въ Словѣ уразумѣваетъ Отца, Котораго образъ есть Спаситель. Или, если ученіе души недостаточно, потомучто умъ ея омрачается внѣшнимъ, и не видитъ она лучшаго,—то вѣдѣніе о Богѣ можно также заимствовать отъ видимаго; потомучто тварь порядкомъ и стройностію, какъ бы письменами, даетъ уразумѣть и возвѣщаетъ своего Владыку и Творца.

Богъ благъ, человѣколюбивъ, благопопечителенъ о сотворенныхъ Имъ душахъ; и поелику по естеству Онъ невидимъ и непостижимъ, превыше всякой сотворенной сущности, а родъ человѣческій, происшедшій изъ ничего, не достигъ бы вѣдѣнія о Немъ несотворенномъ,—то посему-то самому и привелъ Онъ тварь Словомъ Своимъ въ такое устройство, чтобы Его, невидимаго по естеству, могли познавать люди

хотя изъ дѣлъ. Апостолъ Павелъ пишетъ къ Римлянамъ: *невидимая бо Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* (Римлян. I, 20). Ибо, взирая на небесный кругъ, на теченіе солнца и луны, на положенія и круговращенія прочихъ звѣздъ, совершающіяся различно и по противоположнымъ направленіямъ, впрочемъ такъ, что при всемъ разнообразіи соблюдается звѣздами одинаковый порядокъ,—кто не прійдетъ къ той мысли, что не сами себя привели онѣ въ устройство, но есть иный приводящій ихъ въ устройство Творецъ? И видя, что зима уступаетъ мѣсто веснѣ, весна—лѣту, лѣто—осени, что сіи времена года по природѣ противоположны, одно охлаждаетъ, другое палитъ, одно питаетъ, а другое истощаетъ, однако же, всѣ они равно и безвредно служатъ къ пользѣ людей,—кто не подумаетъ, что есть Нѣкто совершеннѣйшій всего этого, и Онъ, приводя все въ равенство, всѣмъ правитъ, хотя и не видишь ты Его? Итакъ, вещи, по природѣ одна другой противоборствующія и противоположныя, не соединились бы между собою, если бы не былъ совершеннѣе ихъ связавшій ихъ Господь, Которому уступаютъ и повинуются и самыя стихіи, какъ рабы послушные владыкѣ. Каждая стихія не противоборствуетъ другой, стремясь къ тому, что̀ свойственно ей по природѣ, но всѣ онѣ соблюдаютъ между собою согласіе, признавая соединившаго ихъ Господа. По природѣ онѣ противоположны, а по изволенію Правящаго ими дружелюбны. Но если бы не были при-

водимы въ единое сраствореніе высшимъ повелѣніемъ, то какимъ бы образомъ стеклись и соединились тяжелое съ легкимъ, или сухое съ влажнымъ, или круглое съ прямымъ, или огонь съ холодомъ, или, вообще, море съ землею, или солнце съ луною, или звѣзды съ небомъ, и воздухъ съ облаками, когда каждая вещь не сходна съ другою по природѣ? Въ такомъ случаѣ увидѣли бы мы уже не благоустройство, но разстройство, не порядокъ, но безчиніе, не приведеніе въ единый составъ, а во всемъ разъединеніе, не соблюденіе мѣры, а отсутствіе оной; потомучто, при раздорѣ и противоборствѣ каждой отдѣльной части, или все уничтожилось бы, или что-либо одно оказалось одерживающимъ верхъ. Но и это опять доказывало бы разстройство цѣлаго; потомучто оставшееся что-нибудь одно и лишенное содѣйствія всего прочаго дѣлало бы цѣлое не соразмѣрнымъ, какъ въ тѣлѣ оставшаяся одна нога и одна рука не сохранятъ въ себѣ цѣлаго тѣла. Итакъ, поелику во всемъ открывается не безчиніе, но порядокъ, не отсутствіе мѣры, но соразмѣрность, не разстройство, но благоустройство и всестройное сочетаніе міра,—то необходимо заключить и составить себѣ понятіе о Владыкѣ, Который все соединилъ и скрѣпилъ, во всемъ произвелъ согласіе. Хотя и невидимъ Онъ очамъ, но порядокъ и согласіе вещей противоположныхъ даютъ уразумѣть ихъ Правителя, Распорядителя и Царя. Если увидимъ, что городъ, населенный множествомъ различныхъ людей, большихъ и малыхъ, богатыхъ и бѣд-

ныхъ, также—старыхъ и молодыхъ, мущинъ и женщинъ, управляется добропорядочно, и жители, хотя различны между собою, но единомысленны: ни богатые не возстаютъ на бѣдныхъ, ни большіе на малыхъ, ни молодые на старыхъ, но всѣ равномѣрно живутъ въ мирѣ; если, говорю, примѣтимъ все сіе, то безъ сомнѣнія поймемъ, что единомысліе поддерживается присутствіемъ градоправителя, хотя и не видимъ его. Такъ, видя порядокъ и стройность вселенной, необходимо представлять Властителя вселенной Бога, и притомъ одного, а не многихъ.

И самый порядокъ міроправленія и согласная во всемъ стройность доказываютъ не многихъ, но единаго Міроправителя и Вождя—Слово. Если бы тварь имѣла многихъ правителей, то не соблюдался бы такой во всемъ порядокъ, но все пришло бы опять въ безпорядокъ, потомучто каждый бы изъ многихъ наклонялъ все къ своему намѣренію и противоборствовалъ другимъ. И наоборотъ, единый порядокъ и единомысліе многихъ и разныхъ доказываютъ, что у нихъ одинъ начальникъ. Такъ, поелику въ цѣломъ мірѣ есть всестройный порядокъ, ни горнее не возстаетъ противъ дольняго, ни дольнее противъ горняго, но все стремится къ одному порядку,—то слѣдуетъ представлять себѣ не многихъ, а единаго Правителя и Царя всей твари, Который все озаряетъ свѣтомъ Своимъ и приводитъ въ движеніе.

Не должно думать, что у твари много правителей и творцовъ, но—съ строгимъ благочестіемъ и истиною

согласно—вѣровать въ единаго ея Создателя, что ясно доказываетъ и самая тварь. Во-первыхъ, если бы одинъ міръ произошелъ отъ многихъ, то показывалъ бы безсиліе сотворившихъ, потомучто одно дѣло совершено многими, а это немаловажный признакъ, что свѣдѣніе каждаго въ дѣлѣ творенія было не совершенно. Ибо, если бы и одного было достаточно, то не стали бы взаимныхъ недостатковъ восполнять многіе. Сказать же, что въ Богѣ есть недостатокъ, не только нечестиво, но и крайне беззаконно. Надобно же знать и то, что если бы міръ произведенъ былъ многими, то имѣлъ бы различныя и несходныя между собою движенія, потомучто, имѣя свои отношенія къ каждому изъ сотворившихъ, имѣлъ бы и столько же различныхъ движеній. Отъ различія же, какъ говорено было и прежде, опять произошли бы разстройство и во всемъ безпорядокъ. И корабль, управляемый многими, не поплыветъ прямо, пока кормиломъ его не овладѣетъ одинъ кормчій. Итакъ, поелику тварь одна, и міръ одинъ, и порядокъ въ немъ одинъ, то должно представлять себѣ и единаго Царя и Создателя твари Господа. Ибо и Самъ Создатель для того сотворилъ одинъ всецѣлый міръ, чтобы устроеніе многихъ міровъ не привело къ мысли о многихъ создателяхъ. Поелику же твореніе одно, то вѣруемъ, что и Творецъ онаго одинъ.

Кто же сей Создатель—это всего болѣе необходимо уяснить и сказать утвердительно, чтобы иный, невѣдѣніемъ сего введенный въ заблужденіе, не по-

челъ Создателемъ кого другаго и отсего не впалъ опять въ одинаковое съ язычниками безбожіе. Думаю же, что никто не имѣетъ о семъ колеблющагося мнѣнія. Ибо если въ словѣ нашемъ показано, что такъ называемые стихотворцами боги—не боги, и обоготворяющіе тварь изобличены въ заблужденіи, вообще же доказано, что языческое идолослуженіе есть безбожіе и нечестіе,—то, по уничиженіи идоловъ, совершенно необходимо, наконецъ, нашей вѣрѣ быть благочестивою, и Богу, Которому мы поклоняемся и Котораго мы проповѣдуемъ, быть единымъ и истиннымъ Богомъ, Господомъ твари и Создателемъ всякаго существа. Кто же это, какъ не всесвятый и превысшій всякой сотворенной сущности Отецъ Христовъ? Онъ, какъ наилучшій кормчій, собственною Своею Премудростію и собственнымъ Своимъ Словомъ, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, спасительно управляетъ, и распоряжаетъ всѣмъ въ мірѣ, и все творитъ, какъ Самъ признаетъ сіе наилучшимъ. И никто не долженъ сомнѣваться въ этомъ. Ибо если бы движеніе твари было не разумно, и вселенная носилась, какъ ни есть, то справедливо могъ бы иный не вѣрить утверждаемому нами. Если же тварь приведена въ бытіе словомъ, премудростію и вѣдѣніемъ, и во всемъ мірѣ есть благоустройство, то необходимо настоятелемъ и строителемъ сего быть не иному кому, какъ Божію Слову.

Словомъ же называю не то, которое внѣдрено и прирождено въ каждой изъ сотворенныхъ вещей, и

которое иные обыкли называть сѣменоноснымъ [1]); такое слово неодушевленно, ни о чемъ не мыслитъ, ничего не представляетъ, но дѣйствуетъ только внѣшнимъ искусствомъ, сообразно съ знаніемъ влагающаго оное. Также не то разумѣю слово, какое имѣетъ словесный человѣческій родъ, не слово сочетаваемое изъ слоговъ и напечатлѣваемое въ воздухѣ. Но разумѣю живаго и дѣйственнаго Бога, источное Слово Благаго и Бога всяческихъ, Слово, Которое и отлично отъ сотворенныхъ вещей и отъ всякой твари, и есть собственное и единственное Слово благаго Отца, вселенную же сію привело въ устройство и озаряетъ Своимъ промышленіемъ. Какъ благое Слово благаго Отца, Оно благоустроило порядокъ вселенной, сочетавая противоположное съ противоположнымъ и устрояя изъ сего единое согласіе. Какъ Божія сила и Божія премудрость, Оно вращаетъ небо и, повѣсивъ землю ни на чемъ не опирающуюся, водрузило ее Своимъ мановеніемъ. Имъ солнце стало свѣтоноснымъ и озаряетъ вселенную. Отъ Него и луна имѣетъ свою мѣру свѣта. Имъ и вода повѣшена на облакахъ, и дожди наводняютъ землю, и море заключено въ предѣлы, и земля украшена всякаго рода растеніями и произращаетъ зелень. Если бы какой невѣрующій, слыша утверждаемое нами, спросилъ: дѣйствительно ли

---

[1]) По ученію Зинона и Стоиковъ, какъ Богъ называется *сѣменоноснымъ словомъ* (ὁ λόγος σπερματικός), такъ и начала всѣхъ сотворенныхъ вещей, вложенныя въ нихъ Богомъ, именуются *сѣменоносными же словами* (οἱ λόγοι σπερματικοί).

есть Божіе Слово?—то сомнѣніемъ о Божіемъ Словѣ показалъ бы онъ свое безуміе. Между тѣмъ, имѣетъ онъ доказательство въ видимомъ, что все состоялось Божіимъ Словомъ и Божіею Премудростію, и ни что сотворенное не утвердилось бы, если бы не было, по сказанному, произведено Словомъ, и Словомъ Божіимъ. Но, будучи Словомъ, Оно, какъ сказано, не изъ слоговъ сочетавается, подобно человѣческому слову, а есть неизмѣняемый образъ Отца Своего. Люди сложены изъ частей и сотворены изъ ничего; у нихъ и слово—слагаемое и разлагающееся. Но Богъ есть Сый и не сложенъ; потому и Слово Его есть Сый; Оно не сложно, но есть единый и Единородный Богъ и Благій происшедшій отъ Отца, какъ бы изъ благаго источника; Оно все приводитъ въ устройство и содержитъ.

И подлинно досточудна причина, по которой Слово, и Божіе Слово, низошло къ сотворенному; она показываетъ, что и неприлично было совершиться сему иначе, а не такимъ образомъ, какъ дѣйствительно совершается. Естество сотворенныхъ вещей, какъ происшедшее изъ ничего, само въ себѣ святое, есть что-то текучее, немощное, смертное. Богъ же всяческихъ—по естеству благъ и выше всякой доброты, и посему человѣколюбивъ; потомучто въ благомъ не можетъ ни къ кому быть зависти. Посему-то не завидуетъ Онъ никому въ бытіи, но хощетъ, чтобы всѣ наслаждались бытіемъ, и всѣмъ могъ Онъ являть Свое человѣколюбіе. Все сотворивъ вѣчнымъ Словомъ

Своимъ и осуществивъ тварь, не попустилъ ей увлекаться и обуреваться собственнымъ своимъ естествомъ, отчего угрожала бы ей опасность снова прійти въ небытіе, но, какъ Благій, управляетъ вселенною и поддерживаетъ ее въ бытіи Словомъ же Своимъ, Которое Само есть Богъ, чтобы тварь, озаряемая владычествомъ, промышленіемъ и благоустроеніемъ Слова, могла твердо стоять въ бытіи, какъ причастная подлинно сущаго отъ Отца Слова и Имъ вспомоществуемая въ бытіи, и не подверглась бы тому, чему могла бы подвергнуться (т. е. небытію), если бы не соблюдалъ ее Богъ-Слово, *Иже есть образъ Бога невидимаго, перворожденъ всея твари: яко Тъмъ и въ Немъ состоятся всяческая, видимая и невидимая: и Той есть глава Церкве* (Колос. I, 15—18), какъ въ святыхъ Писаніяхъ учатъ служители истины.

Сіе-то всемогущее, всесовершенное, Святое Отчее Слово, нисшедши во вселенную, повсюду распространило силы Свои, озаривъ и видимое и невидимое, въ Себѣ все содержитъ и скрѣпляетъ, ничего не оставивъ лишеннымъ силы Своей, но оживотворяя и сохраняя все и во всемъ, и каждую вещь въ особенности, и вдругъ все въ совокупности. Покорствуя Сему Богу-Слову, иное оживотворяется на землѣ, а иное осуществляется на небѣ. Его силою все море и великій океанъ совершаютъ движеніе свое въ собственныхъ своихъ предѣлахъ, и вся суша одѣвается зеленью и украшается разными всякаго рода растеніями. И чтобы не длить времени, каждую извѣстную

вещь именуя особо, скажу: изъ всего, что̀ существуетъ и бываетъ, ничего нѣтъ такого, что̀ произошло бы и состоялось не въ Словѣ и не Словомъ, какъ говоритъ и Богословъ: *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 1, 3).

Слово—Божія Премудрость, держа вселенную и что̀ въ воздухѣ, сводя съ тѣмъ, что̀ на землѣ, а что̀ на небѣ—съ тѣмъ, что̀ въ воздухѣ, цѣлое сочетавая съ частями и обращая Своимъ мановеніемъ и изволеніемъ, прекрасно и стройно производитъ единый міръ и единый въ мірѣ порядокъ; Само неподвижно пребываетъ у Отца, и все приводитъ въ движеніе Своимъ снисхожденіемъ во вселенную, чтобы каждая вещь благоугодна была Отцу Его. Ибо въ томъ открывается чудное дѣйствіе Божества Его, что однимъ и тѣмъ же мановеніемъ, не въ разныя времена, но вдругъ, и все въ совокупности, и прямое и круглое, горнее, среднее, дольнее, влажное, холодное, теплое, видимое и невидимое, обращаетъ и приводитъ въ устройство, сообразно съ природою каждой вещи. И чтобы понять это изъ примѣра, представь утверждаемое нами въ подобіи большаго хора поющихъ. Хоръ состоитъ изъ разныхъ людей, изъ дѣтей и женъ, стариковъ и также молодыхъ; вдругъ одинъ управляющій хоромъ подаетъ знакъ, и каждый поетъ по своимъ способностямъ и силамъ, мужъ какъ мужъ, дитя какъ дитя, старый какъ старый, и молодый какъ молодый; но всѣ въ совокупности выводятъ одну стройную пѣснь.

Самъ же Вождь и Царь всего, Собою утверждая все, дѣлаетъ все къ славѣ и вѣдѣнію Отца Своего, и дѣлами, какія совершаетъ Онъ. Какъ, воззрѣвъ на небо и разсмотрѣвъ его украшеніе и свѣтъ звѣздъ, должны мы восходить мыслію къ Слову, Которымъ все приведено въ благоустройство; такъ, представляя умомъ Божіе Слово, необходимо намъ представлять и Отца Его Бога, отъ Котораго исходя, справедливо именуется Слово Истолкователемъ и Ангеломъ Отца Своего. Сіе можно намъ видѣть и на себѣ самихъ. Когда у человѣка исходитъ слово, заключаемъ, что источникъ слова есть мысль, и вникая въ оное, усматриваемъ означаемую словомъ мысль; тѣмъ паче, въ высшихъ представленіяхъ и въ несравненномъ превосходствѣ, усматривая силу Слова, составляемъ себѣ понятіе и о благомъ Его Отцѣ, какъ говоритъ Самъ Спаситель: *видѣвый Мене видѣ Отца Моего* (Іоан. XIV, 9).

Но яснѣе и въ большей мѣрѣ проповѣдуетъ о семъ все Богодухновенное Писаніе.

Божіе Слово издревле предограждало народъ Іудейскій, говоря объ уничтоженіи идоловъ: *не сотвори себѣ куміра, и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли нйзу* (Исход. XX, 4). Причину же уничтоженія идоловъ даетъ видѣть въ другомъ мѣстѣ, говоря: *ідоли языкъ сребро и злато, дѣла рукъ человѣческихъ: уста имутъ, и не возглаголютъ: очи имутъ, и не ўзрятъ: ушы имутъ, и не услышатъ: ноздри имутъ, и не обоняютъ: руцѣ имутъ, и не осяжутъ: нозѣ имутъ,*

и не пойдутъ (Псал. CXIII, 12—15). Не прошло оно молчаніемъ и ученія о твари; напротивъ же того, хорошо зная красоту тварей, чтобы иные, взирая на нихъ, не какъ на дѣло Божіе, по красотѣ ихъ не стали кланяться имъ, какъ богамъ, предограждаетъ людей, говоря: *да не воззрѣвъ очима, и видѣвъ солнце и луну и всю красоту небесную, прельстився поклонишися имъ, яже раздѣли Господь Богъ твой всѣмъ языкомъ, иже подъ небесемъ* (Второзак. IV, 19). Народъ же Іудейскій издревле имѣлъ у себя полнѣйшее ученіе, потомучто не изъ дѣлъ только творенія, но и изъ Божественныхъ Писаній почерпалъ вѣдѣніе о Богѣ. И вообще, отвлекая людей отъ идольской прелести и отъ неразумнаго представленія о богахъ, Писаніе говоритъ: *да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене* (Исход. XX, 3). Воспрещаетъ людямъ имѣть иныхъ боговъ не потому, что иные—дѣйствительно боги, но чтобы, отвратившись отъ истиннаго Бога, не начали обоготворять несуществующее; а таковы наименованные богами у стихотворцевъ и историковъ, о которыхъ доказано, что это—не боги. И самый образъ выраженія показываетъ, что они—не боги; сказано: *да не будутъ тебѣ бози иніи*, чѣмъ означается будущее время; а что̀ произойдетъ въ будущее время, того, когда говорится о семъ, нѣтъ еще.

Истребивъ же языческое или идольское безбожіе, умолкло ли Божественное ученіе, попустило ли человѣческому роду влаяться вовсе не причастнымъ вѣдѣнія о Богѣ? Нѣтъ; а напротивъ того, предваряетъ

оно мысль сію, говоря: *слыши, Ісраилю: Господь Богъ твой Господь единъ есть* (Второзак. VI, 4). И еще: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего и отъ всея силы твоея* (5). И еще: *Господу Богу твоему да поклонишися, Тому единому послужиши, и къ Нему прилѣпишися* (13). А что о промышленіи и о благоустроеніи Слова, простирающихся на все и во всемъ, свидѣтельствуетъ все Богодухновенное Писаніе, достаточнымъ доказательствомъ утверждаемаго теперь служитъ та вѣра въ Слово, съ какою говорятъ Богословы: *основалъ еси землю, и пребываетъ. Учиненіемъ Твоимъ пребываетъ день* (Псал. CXVIII, 90—91). И еще: *пойте Господеви нашему въ гуслехъ: одѣвающему небо облаки, уготовляющему земли дождь, прозябающему на горахъ траву, и злакъ на службу человѣкомъ, дающему скотомъ пищу* (Псал. CXLVI, 7—9). Чрезъ кого же даетъ? Не чрезъ Того ли, Кѣмъ все сотворено? Ибо кѣмъ сотворено, тотъ, по естественному порядку, и промышляетъ о всемъ. Кто же это, какъ не Божіе Слово, о Которомъ въ другомъ псалмѣ говоритъ: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Псал. XXXII, 6)? Подтверждаемъ же, что и все о Немъ и Имъ сотворено, въ чемъ и увѣряетъ насъ, говоря: *Той рече, и быша: Той повелѣ, и создашася* (9); какъ и великій Моисей въ томъ же удостовѣряетъ, въ началѣ міроздания объясняя сказанное и говоря: *и рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію* (Быт. I, 26); потомучто, и совершая твореніе неба, земли и всего, Ему же

говорилъ Отецъ: да будетъ небо; да соберутся воды, и да явится суша, да изведетъ земля траву и всякое животное; посему и можно обличить Іудеевъ, какъ невѣрно пользующихся Писаніями. Ибо спросятъ у нихъ: съ кѣмъ бесѣдуетъ Богъ, когда говоритъ, и повелѣвая? Если повелѣвалъ тварямъ и съ ними бесѣдовалъ, то напрасно было слово; тварей еще не было, а только должны были произойти. Никто же не говоритъ съ тѣмъ, чего нѣтъ. Никто не повелѣваетъ и не обращаетъ рѣчи къ непроисшедшему еще, чтобъ оно произошло. Если бы Богъ повелѣвалъ тому, что̀ будетъ, то надлежало бы сказать: будь, небо; будь, земля; произрасти, трава; будь сотворенъ, человѣкъ. Теперь же не сотворилъ еще сего, а повелѣваетъ, говоря: *сотворимъ человѣка,* и: да возрастетъ трава,—чѣмъ показывается, что Богъ разглагольствуетъ о семъ съ кѣмъ-то близкимъ къ Нему. Поэтому необходимо, чтобы съ Нимъ былъ нѣкто, съ кѣмъ собесѣдуя, творилъ Онъ вселенную. Кто же это, какъ не Слово Его? Съ кѣмъ (пусть скажутъ) бесѣдовать Богу, какъ не съ Словомъ Своимъ? Или кто былъ съ Нимъ, когда творилъ Онъ всякую тварную сущность, какъ не Премудрость Его, Которая говоритъ: когда творилъ небо и землю, *съ Нимъ бѣхъ* (Притч. VIII, 27). Подъ наименованіемъ же неба и земли заключаетъ все сотворенное на небѣ и на землѣ. Сопребывая же со Отцемъ, какъ Премудрость, и на Него взирая, какъ Слово, создаетъ, приводитъ въ бытіе и благоустрояетъ вселенную, и, какъ Сила

Отчая, поддерживаетъ въ бытіи всю совокупность тварей, какъ говоритъ Спаситель: все, что̀ вижу творящаго Отца, и Я также творю (Іоан. V, 19); и священные ученики Его учатъ: *всяческая Тѣмъ и о Немъ быша* (Колос. I, 16). Онъ, какъ благое рожденіе отъ Благаго и какъ истинный Сынъ, есть Отчая Сила и Премудрость и Слово, и все это не по причастію, не потому, что дано Ему сіе со-внѣ, какъ дается Его причастникамъ, которые Имъ умудряются, чрезъ Него содѣлываются сильными и разумными, но потому, что Онъ есть источная Премудрость, источное Слово, источная, собственно Отчая, Сила, источный Свѣтъ, источная Истина, источная Правда, источная Добродѣтель, Отпечатлѣніе, Сіяніе, Образъ; короче сказать, всесовершенный плодъ Отца, единственный Сынъ, неизмѣняемый Отчій Образъ. И кто, кто изочтетъ Отца, чтобы изыскать и силы Слова Его? Ибо, какъ Онъ есть Отчее Слово и Отчая Премудрость, такъ и снисходя къ тварямъ, для познанія и уразумѣнія ими Рождшаго, дѣлается для нихъ источною святынею, источною жизнію, Дверію, Пастыремъ, Путемъ, Царемъ, Вождемъ, Спасителемъ во всемъ, животворящимъ Свѣтомъ и общимъ о всѣхъ промышленіемъ. Сего-то Благаго и Зиждительнаго Сына имѣя отъ Себя, Отецъ не сокрылъ Его неизвѣстнымъ для тварей, но ежедневно открываетъ Его всѣмъ; потомучто Имъ все стоитъ и живетъ. А въ Немъ и чрезъ Него являетъ Отецъ и Себя Самого, какъ говоритъ Спаситель: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во*

Мнѣ (Іоан. XIV, 10); почему необходимо Слову быть въ Рождшемъ, и Рожденному быть совѣчнымъ Отцу.

Но при всемъ томъ, когда ничто не существуетъ независимо отъ Отчаго Слова, небо же и земля и все, что̀ на нихъ, отъ Него зависятъ,—несмысленные люди, отвергнувъ вѣдѣніе о Немъ и благочестіе, не сущее предпочли сущему; вмѣсто дѣйствительно сущаго Бога обоготворили не сущее, служа твари вмѣсто Творца и дѣлая неразумное и злочестивое дѣло. Это подобно тому, какъ если бы кто дивился произведеніямъ художника и, приведенный въ изумленіе зданіями въ городѣ, сталъ попирать ногами самого здателя, если бы началъ хвалить мусикійское орудіе, но отринулъ бы того, кто составилъ и настроилъ оное. Подлинно, это люди несмысленные и слѣпотствующіе! Какъ иначе узнали бы мы домъ, корабль, лиру, если корабля не построилъ кораблестроитель, дома не воздвигъ зодчій, лиры не сдѣлалъ музыкантъ? Посему, какъ отрицающій это безуменъ, и даже хуже всякаго безумца, такъ, по моему мнѣнію, не здравы умомъ и тѣ, которые не признаютъ Бога и не чтутъ Слова Его, общаго всѣхъ Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа,—Слова, Которымъ Отецъ все благоустрояетъ и содержитъ, и промышляетъ о всемъ во вселенной.

И ты, христолюбецъ, имѣя вѣру въ Него и благочестіе, радуйся и будь благонадеженъ, что плодомъ вѣры въ Него будетъ безсмертіе и Небесное Царство, если только душа благоустрояетъ себя по Его зако-

намъ. Ибо какъ живущимъ по заповѣдямъ Его—наградою вѣчная жизнь, такъ идущимъ противоположною стезею, а не стезею добродѣтели,—великій стыдъ и неотвратимая опасность въ день суда, за то, что, зная путь истины, дѣлали противное тому, что̀ знали.

Изъ слова о воплощеніи Бога-Слова и о пришествіи Его къ намъ во плоти.

Онъ (Богъ-Слово) не былъ такъ объятъ тѣломъ, чтобы, когда былъ въ тѣлѣ, тогда не былъ и внѣ тѣла, и когда приводилъ въ движеніе тѣло, тогда вселенная лишена была Его дѣйствія и промышленія. Но, что всего удивительнѣе, Онъ, какъ Слово, ничѣмъ не былъ содержимъ, а наипаче Самъ все содержалъ. И какъ, пребывая въ цѣлой твари, хотя по сущности Онъ внѣ всего, однакоже, силами Своими присущъ во всемъ, все благоустрояя, на все и во всемъ простирая Свое промышленіе, оживотворяя и каждую тварь и всѣ твари въ совокупности, объемля цѣлую вселенную и не объемлясь ею, но весь всецѣло пребывая въ единомъ Отцѣ Своемъ; такъ и въ человѣческомъ пребывая тѣлѣ, и Самъ оживотворяя оное, внѣ всякаго сомнѣнія, оживотворялъ и вселенную, пребывалъ во всѣхъ тваряхъ, и былъ внѣ вселенной, давалъ познавать Себя въ тѣлѣ дѣлами и не переставалъ являть Себя въ дѣйствіяхъ на вселенную.

Душѣ свойственно, хотя разсматривать въ помыслахъ и то̀, что̀ внѣ ея тѣла, однакоже не простирать своихъ дѣйствій на что-либо внѣ ея тѣла, и своимъ присутствіемъ не приводить въ движеніе, что̀ отдалено отъ тѣла. Человѣкъ, когда думаетъ о чемъ-либо отдаленномъ, чрезъ это не приводитъ еще отдаленнаго въ движеніе и не переноситъ съ одного мѣста на другое. И если кто сидитъ у себя въ домѣ и размышляетъ о томъ, что̀ на небѣ, то не движетъ еще чрезъ это солнца и не обращаетъ неба; но хотя видитъ ихъ движущимися и сотворенными, однакоже не можетъ по этому произвести ихъ. Не таково было Божіе Слово въ человѣкѣ. Оно не связывалось тѣломъ, а напротивъ того Само наипаче обладало онымъ; посему и въ тѣлѣ Оно было, и находилось во всѣхъ тваряхъ, и было внѣ существъ и упокоевалось въ Единомъ Отцѣ. И, что̀ чуднѣе всего, провождало жизнь, какъ человѣкъ, все оживотворяло, какъ Слово, и сопребывало со Отцемъ, какъ Сынъ. Посему, когда раждала Дѣва, Оно не страдало и, пребывая въ тѣлѣ, не сквернилось, но напротивъ того освящало наипаче и тѣло; потомучто, и пребывая во всѣхъ тваряхъ, не дѣлается Оно всему причастнымъ, а напротивъ того все Имъ наипаче оживотворяется и питается. Если и солнце, Имъ сотворенное и нами видимое, кругообращаясь на небѣ, не сквернится прикосновеніемъ къ земнымъ тѣламъ и не омрачается тьмою, а напротивъ того само ихъ освѣщаетъ и очищаетъ,—то тѣмъ паче всесвятое Божіе Слово, Творецъ и Господь солнца,

давая познавать Себя въ тѣлѣ. не пріяло на Себя скверны, а напротивъ того, будучи нетлѣннымъ, оживотворяло и очищало смертное тѣло. Ибо сказано: *Иже грѣха не сотвори, ни обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (1 Петр. II, 22).

Посему, когда богословствующіе о Словѣ говорятъ, что Оно ѣстъ, піетъ и родилось, тогда знай, что тѣло, какъ тѣло, родилось и питалось приличною пищею, Само же сопребывающее въ тѣлѣ Божіе Слово, все благоустрояя, и тѣмъ, что̀ совершало Оно въ тѣлѣ, показывало въ Себѣ не человѣка, но Божіе Слово. Говорится же сіе о Немъ потому, что тѣло, которое вкушало пищу, родилось и страдало, было тѣломъ не кого-либо другаго, но Господа. И поелику Господь сталъ человѣкомъ, то прилично было говорить о Немъ и сіе, какъ о человѣкѣ, чтобы явствовало, что дѣйствительно, а не мечтательно имѣетъ Онъ тѣло.

Но какъ изъ сего познавали Его присущимъ тѣлесно, такъ дѣлами, какія совершилъ чрезъ тѣло, давалъ Онъ разумѣть въ Себѣ Божія Сына. Посему-то къ невѣрнымъ Іудеямъ и взывалъ, говоря: *аще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры: аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣло́мъ Моимъ вѣруйте: да разумѣете и познаете, яко во Мнѣ Отецъ и Азъ во Отцѣ* (Іоан. X, 37—38). Какъ, будучи невидимымъ, познается Онъ изъ дѣлъ творенія, такъ, содѣлавшись человѣкомъ и невидимый подъ покровомъ тѣла, дѣлами даетъ знать, что совершающій сіи дѣла—не человѣкъ, а Божія Сила и Божіе Слово. Ибо не че-

ловѣческое, но Божіе дѣло повелѣвать бѣсамъ и изгонять ихъ. И видя, какъ исцѣлялъ Онъ болѣзни, въ какія ввергнутъ былъ родъ человѣческій, кто почтетъ Его человѣкомъ, а не Богомъ? Онъ очищалъ прокаженныхъ, хромымъ давалъ силу ходить, глухимъ отверзалъ слухъ, слѣпыхъ дѣлалъ зрящими, вообще, отгонялъ отъ людей всякія болѣзни и всякія немощи. А изъ сего всякій можетъ усматривать Божество Его. Ибо видя, что возвращалъ Онъ человѣку и то̀, чего не доставало отъ рожденія, и родившемуся слѣпымъ отверзалъ очи, кто не заключитъ изъ сего, что Ему подчинено и самое рожденіе человѣческое, что Онъ—Создатель и Творецъ онаго? Кто возвращаетъ человѣку, чего не было у него отъ рожденія, о томъ безъ сомнѣнія явно, что Онъ—Господь и рожденія человѣческаго. Посему-то въ началѣ, приходя къ намъ, созидаетъ Себѣ тѣло отъ Дѣвы, чтобы и въ этомъ показать всѣмъ не малый признакъ Божества Своего, потомучто создавшій тѣло сіе есть Творецъ и прочихъ тѣлъ. И видя, что тѣло происходитъ отъ единой Дѣвы безъ мужа, кто не прійдетъ къ той мысли, что явившійся въ семъ тѣлѣ есть Творецъ и Господь и прочихъ тѣлъ? Также видя, что сущность воды измѣнена и претворена въ вино, кто не заключитъ, что сотворившій сіе есть Господь и Творецъ сущности всѣхъ водъ? Посему-то, какъ Владыка, ступаетъ Онъ на море и по оному ходитъ, какъ по сушѣ, и въ этомъ показывая видящимъ признакъ Своего владычества надъ всѣмъ. Насыщая же малымъ

количествомъ пищи великое число людей и изъ недостатка производя избытокъ, такъ-что пятью хлѣбами насытились пять тысячъ человѣкъ, и еще столько же осталось, не иное что̀ давалъ симъ разумѣть, но то̀ самое, что Онъ Господь промышленія о вселенной.

Все же благоугодно было сотворить Спасителю, чтобы люди, которые не познавали Его о всемъ промышленія и не уразумѣвали Божества Его изъ творенія, хотя бы возбужденные тѣлесными Его дѣлами, возвели къ Нему взоръ, а чрезъ Него пріобрѣли себѣ понятіе вѣдѣнія объ Отцѣ, по сказанному выше, изъ частнаго заключая о промышленіи Его въ цѣлой вселенной. Ибо, видя власть Его надъ бѣсами, или видя, что бѣсы исповѣдуютъ Его Господомъ своимъ, кто еще станетъ колебаться мыслію, что Онъ—Божій Сынъ, Божія Премудрость и Сила? Онъ содѣлалъ, что и самая тварь не умолчала, но что̀ всего чуднѣе, во время смерти, лучше же сказать, во время торжества Его надъ смертію, то есть, на крестѣ, вся тварь исповѣдала, что познаваемый и страждущій въ тѣлѣ не просто есть человѣкъ, но Божій Сынъ и Спаситель всѣхъ. Ибо, когда солнце отвратило зракъ свой, земля потряслась, горы распались, всѣ пришли въ ужасъ, тогда показывало сіе, что Распятый на крестѣ Христосъ есть Богъ, а вся тварь—раба Его, страхомъ своимъ свидѣтельствующая о присутствіи Владыки. Такъ Богъ-Слово явилъ Себя людямъ въ дѣлахъ.

О явленіи во плоти Бога-Слова и противъ аріанъ.

Вознамѣрившіеся злохудожно разумѣть Божественныя Писанія, въ подкрѣпленіе хулы своей, выставляютъ относящіяся къ человѣчеству реченія о обнищаніи Сына Божія. Но въ сихъ-то уничижительныхъ реченіяхъ и дѣйствіяхъ усматривается вся опредѣленная точность христіанства. Поэтому, если бы могли они слушать блаженнаго Павла, который пишетъ къ Коринѳянамъ: *вѣсте бо благодать Господа нашего Іисуса Хріста, яко насъ ради обнища, богатъ сый, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Коринѳ. VIII, 9), то никакъ не осмѣлились бы называть Сына неподобнымъ Отцу, особливо зная, какого рода обнищаніе Его, и какова сила креста Его. Посему и въ другомъ мѣстѣ говоритъ тотъ же Павелъ: *да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумѣти же преспѣющую разумъ любовь Хрістову, да исполнитеся во всяко исполненіе Божіе* (Ефес. III, 18—19). По сей-то причинѣ о нищетѣ и страданіяхъ Его съ дерзновеніемъ пишетъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Хріста, Имже мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Галат. VI, 14); и еще: *не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Хріста, и Сего распята* (1 Коринѳ. II, 2), и: *аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (8). И нынѣ еретики сіи, если бы разумѣли Божественныя Писанія, то не осмѣлились бы хулить Творца всяческихъ, называя Его тварію или созданіемъ.

Приводятъ въ возраженіе: «какъ можетъ Сынъ быть подобенъ Отцу, или быть отъ Отчей сущности, когда написано: *якоже Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ себѣ* (Іоан. V, 26)? Говорятъ: у дающаго есть превосходство предъ пріемлющимъ; написано также: *что Мя глаголеши блага? никтоже благъ, токмо единъ Богъ* (Марк. X, 18); и еще: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* (Матѳ. XXVII, 46)? и также: *о дни же послѣднемъ никтоже вѣсть, ни Сынъ, токмо Отецъ* (Марк. XIII, 32); и еще: *Егоже Отецъ святи и посла въ міръ* (Іоан. X, 36); и еще: *Богъ Отецъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ* (Галат. I, 1). Какъ же, говорятъ, Воскрешенный изъ мертвыхъ можетъ быть подобенъ Воскресившему Его, или единосущенъ съ Нимъ?»

Изъ многихъ возраженій предложили мы сіи немногія, чтобы, по разрѣшеніи оныхъ, безъ труда было можно разумѣть и прочія. Посему обязаны, по возможности, объяснить силу оныхъ.

Если блаженный Павелъ говоритъ, что Отецъ воскресилъ Сына Своего изъ мертвыхъ, то Іоаннъ повѣствуетъ: *рече Іисусъ: разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю. Глаголаше же,* присовокупляетъ, *о церкви тѣла Своего* (Іоан. II, 19, 21). Изъ сего для внимательныхъ явствуетъ, что, поелику воскрешено тѣло, то у Павла сказуется, что воскрешенъ изъ мертвыхъ Сынъ, потомучто относящееся къ тѣлу Его сказуется о лицѣ Его. Посему такимъ же образомъ, когда говорится, что Отецъ далъ жизнь

Сыну, разумѣть должно жизнь даруемую плоти. Ибо если Сынъ есть жизнь, то для чего Жизни пріимать жизнь? И если самъ Онъ даетъ обѣтованіе, говоря: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ, и Азъ знаю ихъ, и по Мнѣ грядутъ, и Азъ животъ вѣчный дамъ имъ, и не погибнутъ во вѣки* (Іоан. X, 27); если Онъ—Божія Премудрость; если Имъ сотворенъ всякій возрастъ,—то почему говорится: *Іисусъ же преспѣваше премудростію и возрастомъ* (Лук. II, 52)? Если Отецъ сотворилъ все чрезъ собственное Слово Свое и чрезъ Сына, то явно, что чрезъ Него же совершилъ и воскресеніе плоти Его; а посему, чрезъ Него же и воскресилъ Его, чрезъ Него даетъ Ему и жизнь. Воскрешается Онъ по плоти, какъ человѣкъ, и пріемлетъ жизнь, какъ человѣкъ, *образомъ обрѣтеся, якоже человѣкъ* (Филип. II, 7); но, какъ Богъ, Самъ воскрешаетъ храмъ Свой и даетъ жизнь плоти Своей.

Если говоритъ также: *Егоже Отецъ святи и посла въ міръ,* то въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *за нихъ Азъ свящу Себе, да и тіи священи будутъ воистинну* (Іоан. XVII, 19).

И если говоритъ: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ,* то говоритъ сіе отъ нашего лица; потомучто *зракъ раба пріимъ, и въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя,* и проч. (Филип. II, 7); и какъ говоритъ Исаія: *Сей грѣхи наша носитъ и о насъ болѣзнуетъ* (Исаія LIII, 4). Поэтому, не о Себѣ болѣзнуетъ, но о насъ; не Самъ

Онъ оставленъ Богомъ, но оставлены мы. и ради насъ оставленныхъ пришелъ Онъ въ міръ.

И когда Апостолъ говоритъ: *тѣмже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене* (Филип. II, 2).—говоритъ сіе о храмѣ, то-есть о тѣлѣ Его. Ибо не Вышній возносится, возносится же плоть Вышняго, и плоти Вышняго *дарова имя, еже паче всякаго имене.* Не Божіе Слово по благодати пріяло то̀, чтобы именоваться Богомъ; но плоть Его вмѣстѣ съ Нимъ наименована Богомъ. Не сказано: Слово стало Богомъ, но: *Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1), то-есть, всегда былъ Богъ-Слово, и сей самый Богъ содѣлался плотію, чтобы плоть Его содѣлалась Богомъ-Словомъ; какъ и Ѳома, осязавъ плоть Его, воскликнулъ: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. XX, 26), то̀ и другое именуя вмѣстѣ Богомъ; подобно и Іоаннъ написалъ: *еже бѣ исперва, еже слышахомъ, еже видѣхомъ очима нашима, еже узрѣхомъ, и руки наша осязаша о Словеси животнѣмъ* (1 Іоан. I, 1). Изъ сего видно, что во плоти осязаемъ былъ Сынъ и Отчее Слово, и что то̀ и другое въ Божественномъ Писаніи наименовано осязаемымъ Словомъ жизни.

И когда говоритъ: *не у бо бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоан. VII, 39), о плоти Его сказуетъ, *яко не у бѣ прославлена.* Ибо прославляется не Господь славы, но плоть Господа славы; она пріемлетъ славу, съ Нимъ вмѣстѣ восходя на небо. Посему-то и Духъ сыноположенія не былъ еще въ человѣкахъ, потомучто воспріятый отъ насъ на-

чатокъ не восшелъ еще на небо. Посему, какъ-скоро Писаніе говоритъ, что Сынъ пріялъ, что Сынъ прославленъ, говоритъ сіе о Немъ по человѣчеству, а не по Божеству.

И когда Сынъ говоритъ: пославшій Меня *Отецъ Мой болій Мене есть* (Іоан. XIV, 28), Отца называетъ большимъ Себя, потомучто содѣлался человѣкомъ; а какъ Отчее Слово, равенъ Онъ Отцу. Ибо говоритъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30); и: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9). И не хищеніемъ пріобрѣтаетъ, чтобы Ему быть равнымъ съ Отцемъ, но равенъ по естеству и единосущенъ Отцу, потомучто рожденъ отъ Отчей сущности.

И когда Апостолъ говоритъ, что во Христѣ *живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ* (Колосс. II, 9), должно понимать, что *всяко исполненіе Божества* живетъ во плоти Его. И сказавъ: *Иже Своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его* (Римлян. VIII, 32), въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *якоже и Хрістосъ возлюби Церковь, и Себе предаде за ню* (Ефес. V, 25).

Не Себя пришелъ спасти безсмертный Богъ, но умерщвленныхъ; не за Себя пострадалъ, но за насъ; и посему-то воспріялъ на Себя наше уничиженіе и нашу нищету, чтобы даровать намъ богатство Свое. Ибо страданіе Его есть наше избавленіе отъ страданія; смерть Его—наше безсмертіе; слезы Его—наша радость; погребеніе Его—наше воскресеніе; крещеніе Его—наше освященіе. Ибо говоритъ: *за нихъ Азъ*

священу Себе, да и тіи будутъ священи воистинну (Іоан. XVII, 19). Язва Его—наше исцѣленіе; ибо *язвою Его мы изцѣлѣхомъ* (Исаія LIII, 5). Наказаніе Его—нашъ миръ; ибо *наказаніе мира нашего на Немъ,* т. е. для нашего мира Онъ наказуется. Безславіе Его—наша слава; посему, ради насъ проситъ Онъ славы, говоря: *прослави Мя Ты, Отче, у Тебе Самого славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII, 5); ибо въ Немъ прославляемся мы. Сошествіе Его—наше восшествіе, по написанному: *и съ Нимъ воскреси, и спосади на небесныхъ во Хрістѣ Іисусѣ;* и: *да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ презѣльное богатство благодати Своея благостынею на насъ о Хрістѣ Іисусѣ* (Ефес. II, 6).

И когда говоритъ на крестѣ: *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой* (Лук. XXIII, 46), въ Себѣ предаетъ Отцу всѣхъ человѣковъ, въ Немъ оживотворяемыхъ, потомучто они суть члены Его; и сіи многіе члены суть единое тѣло, то-есть Церковь, какъ блаженный Павелъ пишетъ къ Галатамъ: *вси бо вы едино есте о Хрістѣ Іисусѣ* (Галат. III, 28). Посему, въ Себѣ предаетъ всѣхъ.

Такъ и когда говоритъ: *Господь созда Мя начало путій Своихъ* (Притч. VIII, 22), говоритъ сіе о Церкви, въ Немъ созидаемой; потомучто Творецъ всяческихъ не есть тварь и произведеніе, но въ Творцѣ обновляется тварь, по сказанному Павломъ: *Того есмы твореніе, создани во Хрістѣ Іисусѣ на дѣла благая* (Ефес. II, 10); и какъ еще говоритъ: *да*

скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ Церковію многоразличная премудрость Божія, по предложенію вѣкъ, еже сотвори о Хрістѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, о Немже имамы дерзновеніе и приведеніе въ надѣяніи вѣрою Его (Ефес. III, 10—11); и еще: *яко избра насъ въ Немъ прежде сложенія міра быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Нимъ въ любви, прежде нарекъ насъ во усыновленіе Іисусъ Хрістомъ въ Него* (Ефес. I, 4—5); и также говоритъ о двухъ народахъ: *да оба созиждетъ Собою во единаго новаго человѣка, творя миръ: и примиритъ обоихъ во единѣмъ тѣлѣ Богови крестомъ, убивъ вражду на немъ* (Ефес. II, 15).

И если говоритъ: *что Мя глаголеши блага? никтоже благъ, токмо единъ Богъ* (Марк. X, 18), то говоритъ сіе Богъ, по плоти Своей и Себя сопричисляя къ человѣкамъ, и сообразуясь съ понятіемъ пришедшаго къ Нему; потомучто юноша почиталъ Его простымъ человѣкомъ, а не Богомъ. И отвѣтъ имѣетъ слѣдующій смыслъ: «если почитаешь Меня человѣкомъ, а не Богомъ, то не называй Меня благимъ: ибо никтоже благъ, потомучто благость свойственна не человѣческому естеству, но Богу». Потомъ присовокупляетъ: *заповѣди вѣси?* Когда же на вопросъ юноши: какія? Господь сказалъ: *не прелюбы сотвориши, не убій* и проч., и юноша отвѣтствовалъ, говоря: *сія вся сохранихъ отъ юности моея: что есмь еще не докончалъ?* тогда говоритъ ему: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, елика имаши, и даждь нищымъ, и имѣти имаши сокровище на*

небеси: и возмъ крестъ твой, гряди вслѣдъ Мене (Матѳ. XIX, 16—21. Марк. X, 17—21. Лук. XVIII, 18—22). А симъ Господь показалъ, что и Ему свойственна благость. Ибо кто идетъ вслѣдъ не благаго, тотъ можетъ ли наслѣдовать вѣчную жизнь?

И когда говоритъ о послѣднемъ днѣ: *никтоже вѣсть, ни Сынъ, токмо Отецъ*, говоритъ по человѣчеству. Ибо если знаетъ Отца, то какъ не знать Ему послѣдняго дня? *Никтоже знаетъ Отца,* говоритъ Онъ, *токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Матѳ. XI, 27). И если Духъ Святый знаетъ все Божіе, то какъ Сыну не знать дня, который Имъ сотворенъ? И если Имъ сотворены вѣки и времена, то очевидно, что и послѣдній день включается въ сихъ вѣкахъ и временахъ, и Ему невозможно не знать сего дня.

Посему, всѣ уничижительныя реченія, употребленныя Господомъ, относятся къ Его обнищанію, чтобы мы въ Немъ обогатились, а не хулили по онымъ Сына Божія. И Сынъ Божій для того содѣлался Сыномъ Человѣческимъ, чтобы сыны человѣческіе, то-есть сыны Адамовы, содѣлались сынами Божіими. Ибо Слово неизглаголанно, неизъяснимо, непостижимо, вѣчно рожденное свыше отъ Отца, раждается долу во времени отъ Дѣвы Богородицы Маріи, чтобы рожденные первоначально долу родились вторично свыше, то-есть отъ Бога. Посему, Сынъ единую Матерь имѣетъ на землѣ, а мы имѣемъ единаго Отца на небѣ. Посему-то именуетъ Себя Сыномъ Человѣческимъ, что-

бы человѣки именовали Бога Отцемъ на небесахъ. Сказано: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ* (Матѳ. VI, 9). Какъ мы, рабы Божіи, содѣлались сынами Божіими, такъ Владыка рабовъ содѣлался смертнымъ сыномъ собственнаго Своего раба, то-есть Адама, чтобы сыны Адамовы, будучи смертными, содѣлались сынами Божіими, по сказанному: *даде имъ область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. I, 12). Посему Сынъ Божій вкушаетъ смерть ради плотскаго отца своего, да сыны человѣческіе пріобщатся жизни Божіей ради Бога Отца своего по духу. Онъ Сынъ Божій по естеству, а мы сыны по благодати. И еще: Онъ и по домостроительству ради насъ содѣлался сыномъ Адамовымъ, а мы сыны Адамовы по естеству. Посему говоритъ: *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. XX, 17); потомучто Богъ, какъ сказалъ я выше, есть Отецъ Его по естеству, а нашъ Отецъ по благодати; и Богомъ Ему содѣлался по домостроительству, поколику Самъ Онъ содѣлался человѣкомъ, а намъ Онъ Владыка и Богъ по естеству. И потому Слово-Отчій Сынъ, соединившись съ плотію, плоть бысть и совершенный человѣкъ, да человѣки, соединившись съ Духомъ, содѣлаются единый Духъ. Итакъ, Онъ есть плотоносный Богъ, а мы—духоносные человѣки. Ибо отъ сущности человѣческой, то-есть отъ сѣмени Адамова, пріявъ начатокъ, то-есть *зракъ раба,* и *въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ* (Филип. II, 7), даровалъ намъ отъ Отчей сущности начатокъ Святаго Духа,

да содѣлаемся всѣ мы сынами Божіими въ подобіи Сына Божія. Онъ, истинный и по естеству Сынъ Божій, носитъ въ Себѣ всѣхъ насъ, да всѣ мы носимъ въ себѣ единаго Бога.

Нечестиво также утверждать, что Духъ Божій созданъ или сотворенъ, когда всё Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта присоединяетъ Его къ Отцу и Сыну и съ Ними прославляетъ; потомучто Духъ того же Божества, той же власти и сущности, какъ говоритъ Самъ Господь: *вѣруяй въ Мя, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы. Сіе же рече о Дусѣ, Егоже хотяху пріимати вѣрующіи въ Него* (Іоан. VII, 38—39); какъ и у Іоиля говоритъ отъ лица Отчаго: *излію отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши и дщери вашя* (Іоил. II, 28). И посему, дунувъ въ лице Апостоламъ, говоритъ: *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. XX, 22), да знаемъ, что отъ полноты Божества дается Духъ ученикамъ; ибо сказано: во Христѣ, то-есть во плоти Его, *живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ* (Колосс. II, 9); какъ и Іоаннъ Креститель говоритъ: *отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ* (Іоан. I, 16). Въ тѣлесномъ видѣ, то-есть какъ голубь, явился Духъ Святый, сходящій и пребывающій на Немъ. Въ насъ живетъ начатокъ и залогъ Божества, а во Христѣ—всяко исполненіе Божества. И никто да не подумаетъ, что Христосъ пріялъ, не имѣвъ Его прежде. Ибо Онъ послалъ Духа свыше, какъ Богъ, и Онъ же пріялъ Его долу, какъ человѣкъ. Посему, отъ Него же нис-

ходитъ на Него Духъ, отъ Божества Его—на человѣчество Его. И Исаія отъ лица Отчаго вопіетъ, говоря: *сице глаголетъ Господь Богъ твой, сотворивый тя и создавый тя изъ утробы: не бойся, рабе Мой Іакове, и возлюбленный Ісраилю, егоже избрахъ. Яко Азъ дамъ воду въ жажду ходящымъ въ безводнѣй, наложу Духъ Мой на сѣмя твое, и благословенія Моя на чада твоя* (Исаія LXIV, 2—3). Въ Евангеліи же Сынъ обѣщаетъ дать воду ходящимъ въ жаждѣ, говоря Самарянкѣ о Святомъ Духѣ: *аще бы вѣдала еси даръ Божій, и кто есть Глаголяй ти: даждь ми пити: ты бы просила у Него, и далъ бы ти воду живу* (Іоан. IV, 10); и вскорѣ потомъ говоритъ ей: *всякъ піяй отъ воды сея, вжаждется паки: а иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный* (13—14). Посему и Давидъ воспѣваетъ Богу: *яко у Тебе источникъ живота, во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Псал. XXXV, 10); ибо зналъ онъ сущаго у Бога Отца Сына—источникъ Святаго Духа. И чрезъ Іеремію Сынъ говоритъ: *два зла сотвориша людіе Мои: Мене оставиша, источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержати* (Іер. II, 13). И когда серафимы славословятъ Бога, троекратно взывая: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ* (Исаія VI, 3), тогда славословятъ они Отца и Сына и Святаго Духа. Посему и крещаемся, какъ во имя Отца и Сына, такъ

и во имя Святаго Духа; и содѣлываемся сынами Бога, а не Боговъ, потомучто Отецъ, Сынъ и Святый Духъ—Господь Саваоѳъ;—едино Божество и единъ Богъ въ трехъ ѵпостасяхъ. А посему, что̀ у Исаіи сказалъ Отецъ, то̀, по словамъ Іоанна, сказалъ Сынъ, а, по словамъ Павла въ Дѣяніяхъ, сказалъ Духъ Святый. Ибо Исаія говоритъ такъ: *видѣхъ Господа Саваоѳа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и исполнь домъ славы Его. И серафіми стояху окрестъ Его, шесть крилъ единому и шесть крилъ другому: и двѣма убо покрываху лица своя, двѣма же покрываху ноги своя, и двѣма летаху. И взываху другъ ко другу и глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: исполнь небо и вся земля славы Его* (Исаія VI, 1—3); и вскорѣ потомъ онъ же говоритъ: *слышахъ гласъ Господа глаголюща: кого послю, и кто пойдетъ къ людемъ симъ? И рекохъ: се, азъ есмь, посли мя. И рече мнѣ: иди къ людемъ симъ и рцы имъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете: и видяще узрите, и не увидите: одебелѣ бо сердце людій сихъ, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша, да не когда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ и обратятся, и изцѣлю я* (8—10). Евангелистъ же Іоаннъ говоритъ: *сего ради не можаху вѣровати* Іудеи во Іисуса, *яко рече Исаіа, ослѣпи очи ихъ и окаменилъ есть сердца ихъ: да не когда узрятъ очима, и уразумѣютъ сердцемъ, и обратятся, и изцѣлю ихъ. Сія же рече Исаіа, егда видѣ славу Его* (Іоан. XII, 39—41), то-есть славу Сына; а посему и Сынъ есть Господь Саваоѳъ. Ибо Господь Саваоѳъ толкуется: Го-

сподь силъ, а *Господь силъ, Той есть Царь славы*, какъ сказалъ Давидъ (Псал. XXIII, 10); Господь же славы, по словамъ Павла, есть распятый Христосъ (1 Коринѳ. II, 8). И поелику сказалъ Давидъ: *Господь пасетъ мя, и ничтоже мя лишитъ* (Псал. XXII, 1); и въ другомъ мѣстѣ: *Пасый Iсраиля, вонми, Наставляяй яко овча Iосифа: Сѣдяй на херувiмѣхъ явися* (Псал. LXXIX, 2); въ Евангеліяхъ же говоритъ Сынъ: *Азъ есмъ пастырь добрый* (Іоан. X, 14),—то слѣдуетъ, что Онъ есть *сѣдяй на херувiмѣхъ, пасый Iсраиля*. А Павелъ въ Дѣяніяхъ говоритъ, что *Духъ Святый глагола Исаiемъ* (Дѣян. XXVIII, 25) то самое, о чемъ сказалъ Исаія: *яко Господь Саваоѳъ глагола мнѣ*. Такъ Отецъ и Сынъ и Духъ Святый есть Господь Саваоѳъ.

И когда Писаніе говоритъ объ Отцѣ, что Онъ сотворилъ *всяческая, видимая и невидимая* (Колос. I, 10), тогда въ другомъ мѣстѣ то же Писаніе учитъ насъ, что все сотворено чрезъ Сына. И не иное сотворилъ отдѣльно Отецъ, а иное Сынъ; но что̀ творитъ Отецъ, то̀ творитъ Онъ собственною Своею силою, которая есть Сынъ, ибо *вся Тѣмъ быша* (Іоан. I, 3). Такъ, когда говоритъ Сынъ: *разорите церковь сiю, и треми денми воздвигну ю̀* (Іоан. II, 19), говоритъ же это, какъ замѣчено, о тѣлѣ Своемъ,—тогда другое Писаніе говоритъ, что Отецъ воскресилъ Сына Своего изъ мертвыхъ (Галат. I, 1), и говоритъ справедливо, потомучто Словомъ Своимъ и Сыномъ воскресилъ Онъ плоть Сына Своего. Не говоримъ, что тѣло есть Сынъ Божій по естеству; говоримъ же,

что оно есть тѣло Сына Божія. Поэтому, когда воскрешено тѣло, представляется воскрешеннымъ изъ мертвыхъ Сынъ. Поэтому, относительно къ плоти говоримъ, что Сынъ умеръ, и погребенъ, и воскрешенъ изъ мертвыхъ; по духу же Онъ былъ вездѣ, и на небѣ и на землѣ. Итакъ, поелику первоначально богатъ сый, то-есть Богъ, впослѣдствіи содѣлался обнищавшимъ, то-есть человѣкомъ, и уподобился намъ во всемъ, кромѣ грѣха,—то, какъ человѣкъ, пріемлетъ жизнь Тотъ, Кто въ Себѣ имѣетъ жизнь, потомучто Самъ есть жизнь, пріемлетъ же ради насъ; какъ человѣкъ, преспѣваетъ премудростію и возрастомъ Тотъ, Кто есть вѣчная Сила Божія и премудрость; какъ человѣкъ, освящается Тотъ, Кто святъ и не имѣетъ нужды въ освященіи; ибо говоритъ: *за нихъ Азъ свящу Себе, да и тіи священи будутъ воистинну* (Іоан. XVII, 19); и какъ человѣкъ, возносится, пріявъ имя, *еже паче всякаго имене,*—имя, которое всегда имѣетъ Онъ по естеству; ибо сказано: *Богъ бѣ Слово.*

Посему, о чемъ говоритъ Писаніе, что Сынъ пріялъ. говоритъ сіе ради тѣла Его; а тѣло сіе есть начатокъ Церкви; ибо сказано: *начатокъ Хрістосъ* (1 Коринѳ. XV, 23). Поелику же Начатокъ пріялъ имя, *еже паче всякаго имене,* то силою Его совоскрешено и спосаждено и *смѣшеніе* (1 Коринѳ. V, 7), по сказанному: *съ Нимъ воскреси и спосади* (Ефес. II, 6). Посему-то и люди пріяли благодать именоваться богами и сынами Божіими. Итакъ, Господь сперва воскресилъ изъ мертвыхъ и вознесъ въ Себѣ

тѣло Свое, а потомъ воскрешаетъ и члены тѣла Своего, да имъ, какъ Богъ, даруетъ все, что̀ Самъ пріялъ, какъ человѣкъ. Посему, Самъ Себѣ даруетъ жизнь, Самъ Себя святитъ и Самъ Себя возноситъ. Когда же говорится, что Отецъ освятилъ Его, и воскресилъ Его, и даровалъ Ему имя, *еже паче всякаго имене*, и далъ Ему жизнь,—явно, что чрезъ Него творитъ все Отецъ: чрезъ Него воскрешаетъ Его, чрезъ Него святитъ Его, чрезъ Него возноситъ Его, чрезъ Него даетъ Ему жизнь. И когда духъ Свой предаетъ въ руки Отца, предаетъ Себя Богу, какъ человѣкъ, да предастъ Богу всѣхъ человѣковъ; потомучто Онъ есть *рука* и *руцѣ* Отца. И когда говоритъ: *прежде всѣхъ холмовъ раждаетъ Мя* (Притч. VIII, 25), говоритъ сіе отъ лица Церкви, которая первоначально создана, а потомъ раждается отъ Бога. Почему, въ притчѣ сперва сказано: *Господь созда Мя* (22), а впослѣдствіи: *родилъ* (25).

Если Писаніе говоритъ объ Отцѣ: *не Богъ ли единъ созда насъ* (Малах. II, 10), то подобно сему говоритъ и о Сынѣ, *яко Тѣмъ создана быша всяческая* (Колос. I, 16). А то же говорится и о Святомъ Духѣ. *Отъимеши*, сказано, *духъ ихъ, и изчезнутъ, и въ персть свою возвратятся: послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Псал. CIII, 29—30).

И если Сынъ объ Отцѣ говоритъ Петру: *блаженъ еси, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. XVI, 17), то и о Себѣ говоритъ то же самое: *никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ, и ему-*

же аще волитъ Сынъ открыти (Матѳ. X, 22). А Павелъ подобно сему говоритъ и о Святомъ Духѣ: *намъ же Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ: Духъ бо вся испытуетъ, и глубины Божія. Кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ? Такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Коринѳ. II, 10). Посему. какъ духъ въ человѣкѣ неотдѣлимъ отъ его человѣчества и сущности, такъ и Духъ въ Богѣ нечуждъ Его Божества и сущности. И если Господь говоритъ у Исаіи: *сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася Мене* (I, 2). то въ Евангеліи говоритъ Онъ: *рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ Духа духъ есть* (Іоан. III, 6); и еще: *духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуда приходитъ и камо идетъ: тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа* (8); а въ началѣ Евангелія Іоаннъ говоритъ: *елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующымъ во имя Его: иже не отъ крове, ни отъ похоти мужескія, ни отъ похоти плотскія, но отъ Бога родишася* (I, 12). Поэтому всѣ, рожденные отъ Духа Святаго, рождены отъ Бога; и всѣ, крестившіеся во Христа, крестились во Отца и Святаго Духа.

И еще, когда Петръ говоритъ Ананіи: *почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому и утаити отъ цѣны села? Не человѣкомъ солгалъ еси, но Богу* (Дѣян. V, 3), — явствуетъ изъ сего, что солгавшій Духу Святому солгалъ Богу, живущему въ человѣкахъ чрезъ Духа Своего. Ибо гдѣ Духъ

Божій, тамъ Богъ. Сказано: *о семъ разумѣемъ, яко Богъ въ насъ пребываетъ, яко отъ Духа Своего далъ есть намъ* (1 Іоан. IV. 13). И если Писаніе говоритъ, что Духъ Святый глаголалъ въ пророкахъ, то въ другомъ мѣстѣ сказуетъ блаженный Павелъ, что въ пророкахъ глаголалъ Отецъ: *многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый Отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ Сынѣ* (Евр. I, 1); а въ другомъ мѣстѣ сказуетъ, что глаголетъ и Сынъ, говоря: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Коринө. XIII, 3). Сынъ же наименовалъ Духа глаголющимъ въ Апостолахъ: *егда предадятъ вы на соборища, не пецытеся, како или что возглаголете: не вы бо будете глаголющіи, но Духъ Отца вашего глаголяй въ васъ* (Матө. X, 19—20).

И Апостолъ иногда говоритъ, что тѣла вѣрующихъ суть храмъ Святаго Духа, а иногда, что члены ихъ суть члены Христовы; иногда же, что они суть храмъ Отца: *вы есте церкви Бога жива, якоже рече Богъ: яко вселюся въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ, и тіи будутъ Мнѣ людіе* (2 Коринө. VI, 16); и: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Коринө. III, 17); и еще: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій Святый живетъ въ васъ* (16)? Ибо кто храмъ Духа, тотъ храмъ Сына и Отца; гдѣ обитаетъ Духъ Божій, тамъ обитаетъ Богъ. И: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ живитъ* (Іоан. V, 21); а подобно сему говоритъ и о Духѣ: *Духъ есть, Иже оживляетъ, плоть не*

пользуетъ ничтоже (Іоан. VI, 63); и Павелъ пишетъ къ Коринѳянамъ: *Духъ животворитъ* (2 Коринѳ. III, 6).

Видишь, что дѣла Отчія Писаніе именуетъ дѣлами Сына и Святаго Духа, какъ и Апостолъ научилъ, говоря: *раздѣленія же дарованій суть, а тойжде Духъ: и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь: и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ* (1 Коринѳ. XII, 2). Такъ, сказавъ. что Отецъ есть дѣйствуяй вся во всѣхъ, нѣсколько ниже именуетъ Духа Святаго дѣйствующимъ вся во всѣхъ, говоря: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хощетъ* (11).

И если блаженный Павелъ о Святомъ Духѣ учитъ, что Духъ Святый есть залогъ наслѣдія, то Давидъ наслѣдіемъ именуетъ Господа. Ибо говоритъ: *Господь часть достоянія моего и чаши моея* (Псал. XV, 5); и въ другомъ мѣстѣ: *воззвахъ къ Тебѣ, Господи, рѣхъ: Ты еси упованіе мое, часть моя еси на земли живыхъ* (Псал. CXLI, 6); и Іеремія говоритъ: *Создавый вся, Той есть достояніе Іакову, Господь имя Ему* (Іерем. X, 16). Когда же пророки Господа именуютъ наслѣдіемъ святыхъ, тогда Павелъ именуетъ наслѣдіемъ Духа Святаго и говоритъ: *въ немже и вѣровавше знаменастеся Духомъ обѣтованія Святымъ, Иже есть обрученіе наслѣдія нашего* (Ефес. I, 13—14); какъ и лице у Моисея, когда пріялъ онъ законъ отъ Бога, было ознаменовано Святымъ Духомъ, и никто изъ сыновъ Израилевыхъ не могъ взирать на него, потомучто на немъ *знаменася свѣтъ лица Господня* (Псал. IV, 7), по на-

писанному въ Евангеліи: *тогда праведницы просвѣтятся яко солнце въ Царствіи Отца ихъ* (Матѳ. XIII, 43). Ибо свѣтъ есть Богъ, а подобно свѣтъ есть и Сынъ, потомучто и Онъ той же сущности истиннаго свѣта, какъ говоритъ Исаія: *и будетъ свѣтъ Ісраилевъ во огнь, и освятитъ его огнемъ горящимъ* (Исаія X, 17); въ Евангеліи же Іоаннъ Креститель говоритъ о Господѣ: *Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Матѳ. III, 11). Въ другомъ мѣстѣ Писаніе называетъ Господа освящающимъ: *Азъ Господь освящаяй ихъ* (Левит. XXII, 16). И если Бога именуетъ огнемъ: *Богъ нашъ огнь поядаяй есть* (Евр. XII, 29); то подобно сему и о Духѣ Святомъ говоритъ: *явишася Апостоломъ раздѣлени языцы яко огненни, сѣде же на единѣмъ коемждо ихъ, и исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати* (Дѣян. II, 3—4). И всѣ тѣ, которые носятъ въ себѣ Духа Божія, свѣтоносны; а свѣтоносные облечены во Христа; и облекшіеся во Христа облекаются въ Отца, *подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному облещися въ безсмертіе* (1 Коринѳ. XV, 53); носящіе же въ себѣ Духа Божія носятъ въ себѣ нетлѣніе; Богъ же есть нетлѣніе.

И Давидъ, говоря: *мнози глаголютъ: кто явитъ намъ благая* (Псал. IV, 7)?—говоритъ сіе о Святомъ Духѣ. И въ другомъ мѣстѣ сказалъ онъ: *Господь не лишитъ благихъ ходящихъ незлобіемъ* (Псал. LXXXIII, 12). И Матѳей такъ говоритъ объ Отцѣ: *аще убо вы лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашымъ, кольми*

паче Отецъ вашъ Небесный дастъ блага просящымъ у Него (Матѳ. VII, 11)? А Лука, повѣствуя о томъ же самомъ, толкуетъ, что̀ значатъ блага, говоря: *аще убо вы зли суще умѣете даянія блага даяти чадомъ вашымъ, кольми паче Отецъ, Иже съ небесе, дастъ Духа Святаго просящымъ у Него* (Лук. XI, 13)? Если бы Духъ Святый не былъ отъ сущности единаго Благаго, то не былъ бы и наименованъ благомъ, когда Господь, поколику содѣлался человѣкомъ, не позволяетъ называть Себя благимъ, говоря: *что Мя глаголеши блага? никтоже благъ, токмо единъ Богъ* (Марк. X, 18). Духа же Святаго Писаніе не отрекается называть благимъ, согласно съ Давидомъ, который говоритъ: *Духъ Твой благій наставитъ мя на землю праву* (Псал. CXLII, 2,10).

И еще, если Господь говоритъ о Себѣ: *Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе* (Іоан. VI, 51), то въ другомъ мѣстѣ Святаго Духа именуетъ хлѣбомъ небеснымъ, говоря: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь* (Матѳ. VI, 11). Ибо Онъ научилъ насъ въ молитвѣ просить въ нынѣшнемъ вѣкѣ хлѣба насущнаго, то-есть будущаго, начатокъ котораго имѣемъ въ настоящей жизни, причащаясь плоти Господней, какъ Самъ Онъ сказалъ: *хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра* (Іоан. VI, 51). Ибо плоть Господня есть Духъ животворящій, потомучто зачата отъ животворящаго Духа; а *рожденное отъ Духа Духъ есть* (Іоан. III, 6).

И если Іеремія говоритъ о Богѣ, что Онъ велъ Израиля въ пустынѣ: *и не рекоша, гдѣ есть Господь,*

изведый насъ изъ земли Египетскія, преведый насъ по пустыни (Iер. II, 6), то Исаія о Духѣ Святомъ сказалъ, что Онъ водилъ Израиля въ пустынѣ. Ибо слышимъ, говоритъ онъ: *проведе ихъ сквозѣ бездну, якоже коня сквозѣ пустыню, и не утрудишася, и яко скоты по полю, и снидe Духъ отъ Господа и настави ихъ* (Исаія LXIII, 13). Апостолъ же пишетъ къ Коринѳянамъ, что путеводителемъ былъ Христосъ: *піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене, камень же бѣ Хрістосъ* (1 Коринѳ. X, 4).

И если Павелъ говоритъ, что призванъ онъ Богомъ, а именно: *Богъ избравый мя отъ чрева матере моея, и призвавый благодатію Своею явити Сына Своего во мнѣ, да благовѣствую Его во языцѣхъ* (Гал. I, 15—16), то Римлянъ именуетъ призванными Христомъ, пиша къ нимъ: *въ нихже есте и вы, звани Іисусу Хрісту* (Римл. I, 6). А о Павлѣ и Варнавѣ *рече Духъ Святый* (Дѣян. XIII, 2), что Имъ призваны благовѣствовать Христа у язычниковъ; и всего удивительнѣе, что Духъ Святый оказывается пославшимъ Павла и Варнаву проповѣдывать Христа язычникамъ, когда Іисусъ рече Павлу въ Церкви: *иди, яко Азъ во языки далече послю тя* (Дѣян. XXII, 21); и Павелъ пишетъ Галатамъ: *Павелъ Апостолъ, ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но Іисусъ Хрістомъ и Богомъ Отцемъ воскресившимъ Его изъ мертвыхъ* (Гал. I, 1); и нѣсколько ниже: *сказую же вамъ, братіе, благовѣствованіе сіе, яко нѣсть по человѣку: ни бо азъ отъ человѣка пріяхъ е, ниже научихся, но явленіемъ Іисусъ Хрістовымъ* (11).

И пророки иногда говорятъ отъ лица Отца, какъ напримѣръ въ Псалмахъ говоритъ Богъ: *единою кляхся о святѣмъ Моемъ, аще Давиду солжу: сѣмя его во вѣкъ пребудетъ, и престолъ его яко солнце предо Мною* (Псал. LXXXVIII, 36—37); и еще: *отъ плода чрева твоего посажду на престолѣ твоемъ* (Псал. CXXXI, 11), какъ и Петръ сказалъ: *Давидъ пророкъ убо сый, и вѣдый, яко клятвою клятся ему Богъ отъ плода чреслъ его по плоти посадити Христа на престолѣ его* (Дѣян. II, 30); а иногда отъ лица Сына, какъ напримѣръ говоритъ Исаія: *тако глаголетъ Господь: васъ ради присно имя Мое хулится во языцѣхъ: сего ради познаютъ людіе Мои имя Мое въ той день, яко Азъ есмь Самъ глаголяй, ту есмь* (Исаія LII, 5—6); иногда же отъ лица Святаго Духа, какъ напримѣръ говоритъ пророкъ Агавъ: *тако глаголетъ Духъ Святый: мужа, егоже есть поясъ сей* (Дѣян. XXI, 11); и еще Павелъ пишетъ къ Тимоѳею: *Духъ явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры* (1 Тимоѳ. IV, 1); и также: *рече Духъ къ Филиппу: приступи и прилѣпися къ колесницѣ сей*, мурина евнуха (Дѣян. VIII, 29). И пророкъ Іезекіиль, жалуясь на ветхій народъ, сказалъ: *и опечалили Мя во всѣхъ сихъ, глаголетъ Господь* (Іезек. XVI, 43); а Павелъ къ народу новому пишетъ: *и не оскорбляйте Духа Святаго Божія, Имже знаменастеся въ день избавленія* (Ефес. IV, 30). Давидъ говоритъ объ Іудеяхъ: *и преогорчиша Бога въ пустыни* (Псал. LXXVII, 40); а Исаія о нихъ же сказалъ: *тіи же не покоришася, и разгнѣваша Духа Святаго, и обратися имъ на вражду* (Исаія

LXIII, 10); и Стефанъ говоритъ въ Дѣяніяхъ: *жестоковыйніи и необрѣзанніи сердцы и ушесы, вы присно Духу Святому противитеся, якоже отцы ваши* (Дѣян. VII, 51).

И Павелъ иногда говоритъ объ Отцѣ: *Богъ оправдаяй, кто осуждаяй* (Римл. VIII, 33); а подобно то же самое сказуетъ о Сынѣ и о Святомъ Духѣ: *но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего* (1 Коринѳ. VI, 11).

Господь о Себѣ говоритъ сатанѣ: *не искусиши Господа Бога твоего* (Матѳ. IV, 7); а Петръ сказалъ Сапфирѣ: *что яко согласистася искусити Духа Господня* (Дѣян. V, 9)?

Богъ все содержитъ и наполняетъ, какъ говоритъ и чрезъ Исаію: *небо и землю Я наполняю, глаголетъ Господь;* а Павелъ подобно сему пишетъ и о Сынѣ: *сшедый, Той есть и возшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая* (Ефес. IV, 10). Давидъ то же говоритъ и о Святомъ Духѣ: *камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу* (Псал. CXXXVIII, 7)? Сказавъ же: *камо пойду отъ Духа Твоего,* показалъ онъ намъ, что Святый Духъ наполняетъ все. *И отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси.* Но кто сходилъ во адъ кромѣ Сына, возставшаго изъ мертвыхъ?

И если Стефанъ говоритъ въ Дѣяніяхъ: *Богъ славы явися отцу нашему Аврааму* (Дѣян. VII, 2), то Павелъ то же говоритъ и о Сынѣ: *аще бо быша разумѣли, не быша*

Господа славы распяли (1 Коринө. II, 8); а подобно сему говоритъ и Давидъ: *Господь силъ, Той есть Царь славы* (Псал. XXIII, 10). Ибо единая есть слава Отца и Сына и Святаго Духа: *славы Моея,* сказано въ Писаніи, *иному не дамъ* (Исаія XLVIII, 11). И Сынъ—не вторый Богъ, но Слово единаго и единственнаго Бога, богоглаголемое во Отцѣ, какъ и Отецъ богоглаголется въ Сынѣ. Такъ говоритъ Исаія, со Отцемъ именуя Богомъ и Сына: *и поклонятся Тебѣ, и въ Тебѣ помолятся: яко въ Тебѣ Богъ есть, и нѣсть Бога развѣ Тебе. Ты бо еси Богъ, и не вѣдѣхомъ, Богъ Ісраилевъ Спасъ. Постыдятся и посрамятся вси противящіися Ему* (Исаія XLV, 14—16). Противятся же Ему неисповѣдующіе, что Онъ и Духъ Его одной и той же сущности со Отцемъ, и что нѣтъ Бога кромѣ Его, а также стыдящіеся Его страданій и обнищанія. Ибо никто не можетъ знать Бога, если Распятаго и Воскресшаго изъ мертвыхъ съ Апостоломъ Өомою не исповѣдуетъ Господомъ и Богомъ (Іоан. XX, 28). Онъ говоритъ Апостоламъ Своимъ: *аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо: и отселѣ познасте Его и видѣсте Его. Глагола Ему Филиппъ: Господи, покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ. Глагола Ему Іисусъ: толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе? Видѣвый Мене, видѣ Отца Моего: и како ты глаголеши, покажи намъ Отца? Не вѣруеши ли, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть? Глаголы, яже Азъ глаголю вамъ, о Себѣ не глаголю: Отецъ же Мой во Мнѣ пребываяй, Той творитъ дѣла. Вѣруйте Мнѣ, яко Азъ во Отцѣ*

Моемъ, и Отецъ во Мнѣ есть: аще ли же ни, за та дѣла вѣру имите Ми (Іоан. XIV, 7—11). Дѣло же Бога Отца изгонять бѣсовъ; а Господь говоритъ, что Духомъ Святымъ изгоняетъ бѣсовъ: *аще ли же Азъ*, сказано, *о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы* (Матѳ. XII, 28); и по сказанному у Луки: *аще ли же Азъ о перстѣ Божіи изгоню бѣсы* (Лук. XI, 20). Ибо Писаніе, когда Христа именуетъ мышцею Отчею, тогда Духа Святаго называетъ перстомъ Божіимъ; и когда Сына именуетъ Словомъ Божіимъ, тогда Святаго Духа называетъ дуновеніемъ Божіимъ.

И еще Апостолъ говоритъ: *егда предастъ царство Богу и Отцу: егда испразднитъ всяко началство и всяку власть и силу: подобаетъ бо Ему царствовати, дондеже положитъ вся враги подъ ногама Своима. Послѣдній же врагъ испразднится смерть. Вся бо покори подъ нозѣ Его, внегда же рещи, яко вся покорена суть Ему, явѣ, яко развѣ Покоршаго Ему вся. Егда же покоритъ Ему всяческая, тогда и Самъ Сынъ покорится Покоршему Ему всяческая, да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Коринѳ. XV, 24—28). Сіе говоритъ Апостолъ о покорности міра покореннаго во плоти Его. Ибо о Божескомъ царствіи Его Даніилъ выразился, что *царствію Его не будетъ конца* (Дан. VII, 14); какъ, по сказанію Луки, Ангелъ Гавріилъ сказалъ Дѣвѣ о Господѣ: *и воцарится во вѣки и царствію Его не будетъ конца* (Лук. I, 33). Апостолъ же говоритъ, что царствіе Его имѣетъ конецъ, сказано: *подобаетъ бо Ему царствовати, дондеже*

положитъ вся враги подъ ногама Своима; подобно сему и Давидъ говоритъ: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ* (Псал. CIX, 1); и словомъ: *сѣди* означаетъ начало; а словами: *дондеже положени будутъ врази Твои,* указываетъ конецъ. *Егда же покоритъ Ему всяческая, тогда и Самъ Сынъ покорится Покоршему Ему всяческая, да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ.* Это значитъ, когда всѣ мы покоримся Сыну, окажемся членами Его и содѣлаемся въ Немъ сынами Божіими, *вы бо,* сказано. *едино есте о Христѣ Іисусѣ* (Галат. III, 28): тогда и Самъ Онъ покорится за насъ Отцу, какъ Глава за членовъ Своихъ. А пока не всѣ еще члены Ему покорены, дотолѣ и Глава ихъ, ожидая членовъ Своихъ, не покорена еще Отцу. А если бы и Онъ былъ единымъ изъ покоряемыхъ, то покорился бы Отцу вначалѣ. а не подъ конецъ совершилъ бы сіе. Ибо мы въ Немъ покоряемся Отцу, мы въ Немъ царствуемъ, пока не положены будутъ враги наши подъ ногами нашими. По причинѣ враговъ нашихъ Владыка небесъ явился въ нашемъ подобіи и пріялъ человѣческій престолъ Давида, отца Своего по плоти, чтобы возсоздать и управить оный; а когда будетъ управленъ и всѣ мы воцаримся въ Немъ,—управленное человѣческое царство предастъ Онъ Отцу, *да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Коринѳ. XV, 28), и будетъ царствовать чрезъ Него, какъ чрезъ Божіе Слово, царствовавъ чрезъ Него прежде, какъ чрезъ человѣка Спасителя.

И когда Петръ говоритъ: *твердо убо да разумѣетъ весь домъ Ісраилевъ, яко и Господа и Хріста Его сотворилъ есть Богъ, Сего Іисуса, Егоже вы распясте* (Дѣян. II, 36),—не о Божествѣ Его говоритъ: *яко и Господа и Хріста Его сотворилъ есть,* но о человѣчествѣ Его, которое есть вся Церковь, въ Немъ господствующая и царствующая по распятіи, и помазуемая на царство небесное, чтобы соцарствовать съ Нимъ, истощившимъ Себя за нее и воспріявшимъ ее чрезъ принятіе рабія зрака. Ибо Сынъ Божій, Божіе Слово всегда былъ Господь и Богъ; и не по распятіи сотворенъ Господомъ и Христомъ, но какъ сказано прежде, Божество Его сотворило, что человѣчество Его стало Господомъ и Христомъ.

И когда говоритъ: *Отче, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія* (Матѳ. XXVI, 39): *обаче не Моя воля, но Твоя да будетъ* (Лук. XXII, 42); и: *духъ убо бодръ, плоть же немощна* (Матѳ. XXVI, 41); показываетъ симъ двѣ воли: человѣческую, свойственную плоти, и Божескую, свойственную Богу; и человѣческая, по немощи плоти, отрекается отъ страданія, а Божеская Его воля готова на оное. И какъ Петръ, услышавъ о страданіи, убоялся и сказалъ: *милосердъ Ты, Господи;* Господь же укоряя его, говоритъ: *иди за Мною, сатано: соблазнъ Ми еси, яко не мыслиши яже Божія, но человѣческая* (Матѳ. XVI, 23); такъ разумѣется и здѣсь. *Въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ,* отрекается отъ страданія какъ человѣкъ; но какъ Богъ непричастный страданію по Божеской сущности,

съ готовностію пріялъ страданіе и смерть. Посему-то *не бяше мощно держиму быти Ему*; потомучто въ подобіи человѣческомъ былъ Богъ, и умирающій по волѣ Своей, и воскрешаемый собственною Своею властію, какъ Богъ, о чемъ говорилъ и Давидъ: *да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его* (Псал. LXVII, 2); и потомъ: *востани, Господи Боже мой, повелѣніемъ имже заповѣдалъ еси, и сонмъ людій обыдетъ Тя: и о томъ на высоту обратися. Господь судитъ людемъ* (Псал. VII, 7—10). Говоритъ же и Апостолъ въ другомъ мѣстѣ: *пострадалъ отъ немощи, но живъ есть отъ силы Божія* (2 Коринѳ. XIII, 4). Но сила Божія есть Сынъ, страдавшій отъ немощи, то-есть отъ сопряженія съ плотію, и молившійся объ освобожденіи отъ страданія какъ человѣкъ, но пребывающій живымъ по причинѣ силы Своей.

И если Господь въ Евангеліи отъ Іоанна говоритъ: *се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога и Егоже послалъ еси Іисусъ Хріста* (Іоанн.XVII, 3),—то сей же Іоаннъ въ другомъ мѣстѣ называетъ Сына истиннымъ Богомъ. Ибо говоритъ: *вѣмы, яко Сынъ Божій пріиде и далъ есть намъ разумъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусѣ Хрістѣ: Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный* (1 Іоан. V, 20). Посему Сынъ—истинный Богъ и прежде нежели содѣлался человѣкомъ, и послѣ того, какъ сталъ Ходатаемъ Бога и человѣковъ, человѣкомъ Іисусъ Христомъ. Сіе значатъ слова: *Егоже послалъ еси Іисусъ Хріста*, Который въ едине-

ніи со Отцемъ по духу, а съ нами по плоти, и такимъ образомъ сталъ Ходатаемъ Бога и человѣковъ. Одинъ и тотъ же есть не просто человѣкъ, но и Богъ, какъ говоритъ и Іеремія: *Сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ Нему. Изобрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Іакову отроку Своему, и Ісраилю возлюбленному отъ Него. Посемъ на земли явися и съ человѣки поживе* (Варух. III, 36 — 38). Когда же *поживе съ человѣки*, не тогда ли, какъ подобно имъ родился отъ жены, былъ младенцемъ, возрасталъ, вкушалъ пищу? И въ другомъ мѣстѣ говоритъ Іеремія: *глубоко сердце Ему паче всѣхъ, и человѣкъ есть, и кто познаетъ Его* (Іерем. XVII, 9)? А подобно сему и Исаія говоритъ: *яко Отроча родися намъ, и Сынъ дадеся намъ, Егоже начальство бысть на рамѣ Его: и нарицается имя Его велика совѣта Ангелъ, Чуденъ, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, князь міра, Отецъ будущаго вѣка* (Исаія IX, 6); и въ другомъ мѣстѣ: *се, Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемо: съ нами Богъ* (Матѳ. I, 23). Итакъ, родившійся отъ Дѣвы и содѣлавшійся человѣкомъ отъ Богородицы Маріи есть Богъ. И еще въ другомъ мѣстѣ говоритъ Исаія: *видѣхомъ Его, и не имяше вида, ни доброты* (Исаія LIII, 2). Ибо Егоже видѣлъ онъ прежде въ Божескомъ и преславномъ образѣ, сѣдящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, и славословимаго серафимами, которые взывали: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ* (Исаія VI, 3); а послѣ сего видитъ Его пріявшаго зракъ раба и въ подобіи

человѣческомъ. Потому говоритъ: *видѣхомъ Его, и не имяше вида, ни доброты: но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ: человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь, яко отвратися лице Его, безчестно бысть, и не вмѣнися. Сей болѣзни наша носитъ и о насъ болѣзнуетъ, и мы вмѣнихомъ Его быти въ трудѣ, и въ язвѣ, и во озлобленіи. Той же язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша* (Исаія LIII, 2—5); и въ другомъ мѣстѣ говоритъ о Немъ: *се, Богъ нашъ судъ воздаетъ, и воздастъ. Той пріидетъ и спасетъ насъ. Тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ. Тогда скочитъ хромый яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ* (Исаія XXXV, 4 — 5); и еще въ другомъ мѣстѣ: *не Ангелъ, ниже ходатай, но Самъ Господь спасе насъ* (Исаія LXIII,9). А Давидъ говоритъ: *мати Сіонъ речетъ: человѣкъ и человѣкъ родися въ немъ: и Той основа й Вышній* (Псал. LXXXVI, 5). Ибо Сей Человѣкъ, родившійся въ Сіонѣ, есть Самъ Вышній, какъ говоритъ Давидъ въ другомъ псалмѣ: *и да познаютъ, яко имя Тебѣ Господь, Ты единъ Вышній по всей земли* (Псал. LXXXII, 19).

Сіе же написали мы отчасти, *да не ктому*, какъ сказалъ Апостолъ, *бываемъ младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія* (Ефес. IV, 14).

———∞———

На аріанъ слово третіе [1]).

Аріане, какъ видно, однажды рѣшившись быть отступниками и противниками истины, упорно домогаются, чтобы къ нимъ относилось написанное: *егда пріидетъ нечестивый во глубину золъ, не радитъ* (Притч. XVIII, 3). Обличаемые не успокоятся, приведенные въ затрудненіе не чувствуютъ стыда, но какъ *лице жены блудницы,* не хотятъ *постыдѣтися ко всѣмъ* (Іерем. III, 3) въ своихъ нечестіяхъ. Поелику изреченія, которыя выставляютъ они на видъ: *Господь созда Мя* (Притч. VIII, 22), и: *лучшій бывъ Ангеловъ* (Евр. I, 4), и: *перворожденный* (Римлян. VIII, 29), и: *вѣрна суща Сотворшему Его* (Евр. III, 2), имѣютъ правый смыслъ, и показываютъ благочестивое вѣрованіе во Христа,— то они (не знаю, почему), снова, какъ напоенные

[1]) Въ третьемъ словѣ противъ аріанъ, св. Аѳанасій показываетъ единство сущности Божественной въ Отцѣ и Сынѣ, основывая это ученіе на словахъ Самого Іисуса Христа (Іоан. X, 30—38; XIV, 9). Потомъ онъ рѣшаетъ возраженія аріанъ противъ единенія Отца и Сына по сущности ихъ. Такъ-какъ въ этомъ словѣ имѣются въ виду почти всѣ возраженія аріанъ, то это слово можно назвать послѣднимъ, или полнѣйшимъ выраженіемъ богословствующаго ума св. Аѳанасія въ защиту божественнаго достоинства Іисуса Христа. Въ особенности же достойно вниманія то, что св. Аѳанасій обстоятельно раскрываетъ ученіе о божествѣ и человѣчествѣ Іисуса Христа, подробно разсматривая при этомъ мѣста Св. Писанія, въ которыхъ изображаются дѣйствія человѣческой и божеской природы Іисуса Христа, съ опроверженіемъ аріанскихъ опытовъ толкованія этихъ мѣстъ. Сущность этого ученія о Словѣ заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Во 1-хъ Онъ всегда былъ Богомъ, и есть Сынъ, будучи Словомъ, сіяніемъ и Премудростію Отца; и во 2-хъ Онъ, для насъ воспріявши плоть отъ Дѣвы Маріи, содѣлался человѣкомъ».

зміинымъ ядомъ, не видя того, чтò должно видѣть, не понимая того, чтò читаютъ, изрыгнувъ изъ глубины нечестиваго сердца своего, начали уже порицать сказанное Господомъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть* (Іоан. XIV, 10), говоря: «какъ можетъ вмѣщаться и Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ? Или вообще, какъ можетъ Отецъ, Который больше, вмѣщаться въ Сынѣ, Который меньше? Или чтò удивительнаго, если Сынъ во Отцѣ, когда и о насъ написано: *въ Немъ живемъ, движемся и есмы*» (Дѣян. XVII, 28)?

Они впадаютъ въ сіе вслѣдствіе своего злоумія, думая, что Богъ есть тѣло, и не понимая, чтò такое истинный Отецъ и истинный Сынъ, чтò такое невидимый и вѣчный свѣтъ и невидимое сіяніе Его, чтò такое невидимая Упостась и безплотный образъ. А если бы знали, то не стали бы осмѣивать и хулить Господа славы, и безплотное понимая тѣлесно, перетолковывать сказанное въ добромъ значеніи. Слыша сіе, достаточно было бы знать, чтò говоритъ Господь, и вѣровать; ибо вѣра въ простотѣ лучше излишнихъ словопреній. Но поелику вознамѣрились они къ утвержденію своей ереси ругаться и надъ симъ, то необходимо обличить ихъ злоуміе и для огражденія вѣрныхъ показать истинный смыслъ.

Слова: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть,* не означаютъ, какъ думаютъ еретики, будто бы Они одинъ въ другаго перемѣщаются, подобно пустымъ сосудамъ наполняемые другъ другомъ, такъ-что Сынъ наполняетъ пустоту въ Отцѣ, а Отецъ наполняетъ пустоту

въ Сынѣ, каждый же изъ Нихъ неполонъ и несовершенъ. Ибо сіе свойственно тѣламъ, потому даже и говорить это совершенно нечестиво. Отецъ полонъ и совершенъ, и Сынъ есть полнота Божества. И еще, Богъ въ Сынѣ не такъ, какъ бываетъ Онъ во святыхъ, сообщая имъ крѣпость; потомучто Сынъ есть Отчая сила и Премудрость. Существа созданныя освящаются Духомъ чрезъ общеніе съ Сыномъ; а Самъ Сынъ не по причастію Сынъ, но есть собственное рожденіе Отца. И еще, не въ такомъ смыслѣ Сынъ во Отцѣ, въ какомъ мы *въ Немъ живемъ и движемся и есмы;* потомучто Сынъ есть какъ изъ источника, изъ Отца ліющаяся жизнь, которою все животворится и существуетъ. А жизнь живетъ не другою жизнію, иначе не была бы она и жизнь; напротивъ же того, Самъ Сынъ все рождаетъ въ жизнь.

Посмотримъ же, что̀ говоритъ защитникъ ереси, софистъ Астерій; ибо онъ, соревнуя въ этомъ Іудеямъ, написалъ слѣдующее: «явно, что и Себя наименовалъ во Отцѣ, и также Отца въ Себѣ, означая тѣмъ, что и слово, Имъ преподаваемое, есть не Его, но Отчее, и дѣла суть не Его собственныя, но Отца, давшаго Ему силу». Но если бы сказалъ сіе просто отрокъ, то было бы ему извинительно по возрасту. Поелику же написавшій это есть, такъ называемый, софистъ, возвѣщающій о себѣ, что знаетъ все,—то какого достоинъ онъ осужденія? И не показываетъ ли себя чуждымъ Апостолу, превозносясь *препрѣтельными словесами премудрости* (1 Коринѳ. II. 4) и думая, что

можетъ обольстить ими, когда самъ не понимаетъ, что̀ говоритъ и о чемъ споритъ? Что̀ Сынъ наименовалъ свойственнымъ и приличнымъ одному Сыну, какъ Слову и Премудрости и образу Отчей сущности, то̀ Астерій относитъ ко всѣмъ тварямъ и дѣлаетъ общимъ и Сыну и тварямъ. Сей беззаконникъ говоритъ о силѣ Отца, будто бы она пріемлетъ въ себя силу, чтобы, по своему злочестію, можно было съ послѣдовательностію сказать ему, что Сынъ усыновленъ въ Сынѣ, и Слово пріяло власть слова. И онъ не хочетъ еще согласиться, что сіе сказано Сыномъ, какъ Сыномъ, но и Его, какъ пріемлющаго и научившагося сему, ставитъ въ одинъ рядъ со всѣми созданіями.

Если Спаситель сказалъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ,* не потому, что произнесенныя Имъ слова суть слова Сына, но потому, что это суть слова и дѣла Отца,—то и Давидъ говоритъ: *услышу, что речетъ о мнѣ Господь Богъ* (Псал. LXXXIV, 9); и Соломонъ: *моя словеса рекошася отъ Бога* (Притч. XXXI, 1). И Моисей былъ служителемъ словесъ, изреченныхъ Богомъ; и каждый пророкъ говорилъ не отъ себя, но отъ Бога: *сице глаголетъ Господь;* и дѣла, какія совершали святые, называли они не своими, но приписывали Богу, подавшему силу. Такъ Илія и Елисей призывали Бога, чтобы Онъ воскресилъ мертвецовъ. Неемону, очистивъ его отъ проказы, говоритъ Елисей: да разумѣешь, что есть Богъ во Израилѣ; и самъ Самуилъ во дни жатвы молился Богу, чтобы далъ дождь; и Апостолы говорили, что творятъ знаменія

не своею силою, но по благодати Господа. Изъ всего явствуетъ, что сіе изреченіе могло бы для всѣхъ быть общимъ, и каждый, подобно Спасителю, могъ бы сказать: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ.* И потому, уже не одинъ Онъ есть Сынъ, Слово и Премудрость, а только въ числѣ многихъ. Но если бы въ такомъ смыслѣ говорилъ Господь, то надлежало бы Ему сказать не такъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ,* но лучше: и Я во Отцѣ, также Отецъ и во Мнѣ, чтобы показывало сіе не собственное и исключительное отношеніе Его ко Отцу, какъ Сына, но общую Ему со всѣми благодать. Но не такъ сказано, какъ думаютъ еретики. Не признавая, что Онъ есть преискренній Сынъ отъ Отца, клевещутъ они на преискренняго Сына, Которому одному приличествуетъ о Себѣ сказать: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ.* Сынъ во Отцѣ, сколько сіе можно постигать; потомучто всецѣлое бытіе Сына собственно принадлежитъ Отчей сущности; Сынъ отъ Отца, какъ сіяніе отъ свѣта, какъ потокъ изъ источника. Посему, кто видитъ Сына, тотъ видитъ и представляетъ собственно принадлежащее Отцу. Такъ, бытіе Сына, будучи отъ Отца, и есть во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ. Ибо что̀ собственно отъ Отца, то̀ есть Сынъ. Онъ въ Сынѣ, какъ въ сіяніи солнце, какъ въ словѣ умъ, какъ въ потокѣ источникъ. Такимъ образомъ, кто видитъ Сына, тотъ видитъ и представляетъ собственно принадлежащее Отчей сущности; потомучто Отецъ въ Сынѣ. Поелику бытіе Сына есть Отчій образъ и Отчее Божество, то слѣдуетъ, что Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ.

Поэтому, Спаситель справедливо, сказавъ прежде: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30), присовокупилъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ,* чтобы показать тождество Божества и единство сущности. Они едино не въ томъ смыслѣ, что оно раздѣлено на двѣ части, которыя изъ себя составляютъ одно, и не въ томъ смыслѣ, что одно поименовано дважды, такъ-что одинъ и тотъ же иногда есть Отецъ, а иногда Сынъ Самого Себя; такъ думавшій Савеллій признанъ еретикомъ. Напротивъ того, два суть по числу, потомучто Отецъ есть Отецъ, и не Онъ же есть Сынъ, и Сынъ есть Сынъ, и не Онъ же есть Отецъ; но естество одно, потомучто рожденіе не неподобно Родившему, и есть Его образъ, и все, что̀ принадлежитъ Отцу, принадлежитъ и Сыну. Поэтому, Сынъ есть не другой Богъ, ибо не совнѣ примышленъ. Иначе, безъ сомнѣнія, было бы много боговъ, если бы примышлено было чуждое Божество, кромѣ Божества Отчаго. Если Сынъ есть иное, какъ рожденіе, то Онъ то же самое, какъ Богъ. Онъ и Отецъ суть едино, какъ сказано, по свойственности и сродственности естества и по тождеству единаго Божества. Ибо и сіяніе есть свѣтъ, а не второе что̀ по солнцѣ, не иной свѣтъ, не свѣтъ по причастію свѣта, но всецѣлое собственное его порожденіе. Таковое же порожденіе по необходимости есть единый свѣтъ, и никто не скажетъ, что суть два свѣта; но хотя солнце и сіяніе суть два, однакоже одинъ отъ солнца свѣтъ, въ сіяніи свѣтящій повсюду. Такъ и Божество Сына есть Божество Отца, а по-

тому оно и нераздѣльно; и такимъ образомъ, единъ Богъ, и нѣтъ инаго кромѣ Его.

Поелику Они едино, и Божество одно и то же, то, кромѣ наименованія: Отецъ, то же самое сказуется о Сынѣ, что̀ сказуется объ Отцѣ; такъ напримѣръ, Сынъ именуется Богомъ: *и Богъ бѣ Слово;* Вседержителемъ: *сія глаголетъ Иже бѣ, и сый, и грядый, Вседержитель* (Апок. I, 8); Господомъ: *единъ Господь Іисусъ Христосъ* (1 Коринѳ. VIII, 6). Говорится, что Сынъ есть свѣтъ: *Азъ есмь свѣтъ* (Іоан. VIII, 12);—изглаждаетъ грѣхи: *но да увѣсте*, сказано, *яко власть иматъ Сынъ Человѣческій на земли отпущати грѣхи* (Лук. V, 24). А найдешь и многое иное. Ибо Самъ Сынъ говоритъ: *вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть* (Іоан. XVI, 15), *и Моя Твоя суть* (Іоан. XVII, 10). Кто слышитъ, что свойственное Отцу сказуется о Сынѣ, тотъ и чрезъ сіе узритъ Отца въ Сынѣ; узритъ же и Сына во Отцѣ, когда сказуемое о Сынѣ сказуется также и объ Отцѣ. Почему же о Сынѣ сказуется свойственное Отцу? Не потому ли, что Сынъ есть Отчее рожденіе? Почему же и свойственное Сыну принадлежитъ Отцу? Не потому ли опять, что Сынъ есть собственное рожденіе Отчей сущности? Будучи же собственнымъ рожденіемъ Отчей сущности, Сынъ справедливо именуетъ Своимъ принадлежащее Отцу.

Посему, прилично и согласно съ сказаннымъ: *Азъ и Отецъ едино есма,* присовокупилъ: *да разумѣете, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть,* а прежде сего сказалъ еще: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9).

И въ сихъ трехъ изреченіяхъ одинъ и тотъ же смыслъ. Такимъ образомъ, кто уразумѣлъ, что Сынъ и Отецъ едино суть, тотъ знаетъ, что Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ, потомучто Божество Сына есть Божество Отца, и Оно то же въ Сынѣ. И кто постигъ сіе, тотъ вѣруетъ, что *видѣвый* Сына *видѣ Отца,* потомучто въ Сынѣ созерцается Божество Отца.

Сіе же ближе иной можетъ усмотрѣть въ подобіи царскаго изображенія; потомучто въ изображеніи есть видъ и образъ царя, а въ царѣ есть видъ представленнаго въ изображеніи; представленное въ изображеніи подобіе царя неотлично отъ него; почему, кто смотритъ на изображеніе, тотъ видитъ въ немъ царя, и наоборотъ, кто смотритъ на царя, тотъ узнаетъ, что онъ представленъ въ изображеніи. А по сему безразличію подобія, желающему послѣ изображенія видѣть царя изображеніе можетъ сказать: «я и царь— одно и тò же; я въ немъ, и онъ во мнѣ. Чтò видишь во мнѣ, тò усмотришь и въ немъ; и чтò видѣлъ ты въ немъ, тò усмотришь во мнѣ». Посему, кто покланяется изображенію, тотъ покланяется въ немъ царю, потомучто изображеніе есть его образъ и видъ. Такъ, поелику Сынъ есть образъ Отца, то необходимо представлять себѣ, что Божество Отца и свойственное Ему есть бытіе Сына, и Сынъ есть всецѣлый Богъ. Посему, равенъ будучи Богу, *не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу* (Филиппис. II, 6).

И еще, поелику Божество и образъ Сына принадлежитъ не иному кому, но Отцу, то сіе и значитъ

сказанное: *Азъ во Отцѣ*. Такъ, *Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя Себѣ* (2 Коринѳ. V, 19). Ибо Сынъ есть собственность Отчей сущности, въ Немъ тварь примиряется съ Богомъ. Такъ, что̀ совершилъ Сынъ, все то̀ есть дѣла Отца. Ибо Сынъ есть образъ Отчаго Божества, Которое совершило дѣла. Такъ, кто взираетъ на Сына, тотъ видитъ Отца; ибо въ Отчемъ Божествѣ и есть и созерцается Сынъ, и Отчій образъ въ Сынѣ показываетъ въ Немъ Отца, и, такимъ образомъ, Отецъ въ Сынѣ. А свойственное Отцу и Божество въ Сынѣ показываетъ Сына въ Отцѣ и то̀, что Сынъ всегда неотдѣленъ отъ Отца. И кто сказуемое объ Отцѣ слышитъ или видитъ, какъ сказуемое также и о Сынѣ, не въ томъ смыслѣ, что по благодати, или по причастію, привзошло сіе въ сущность Сына, но въ томъ, что самое бытіе Сына есть собственное рожденіе Отчей сущности, тотъ, по замѣченному выше, хорошо пойметъ сказанное: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ;* и: *Азъ и Отецъ едино есма.* Сынъ таковъ же, каковъ и Отецъ, потомучто имѣетъ все, что̀ свойственно Отцу, потому и подразумѣвается съ именемъ Отца; никто не наименуетъ Отцемъ, когда нѣтъ Сына. Называющій Бога Творцемъ не означаетъ симъ непремѣнно и сотвореннаго, потомучто Творецъ прежде тварей; но кто именуетъ Бога Отцемъ, тотъ вмѣстѣ со Отцемъ даетъ разумѣть и о существованіи Сына. Посему, кто вѣруетъ въ Сына, тотъ вѣруетъ во Отца, потомучто вѣруетъ въ свойственное Отчей сущности. И такимъ образомъ, одна есть вѣра во единаго Бога.

Кто поклоняется Сыну и чтитъ Его, тотъ въ Сынѣ поклоняется Отцу и чтитъ Отца, потомучто Божество едино. Посему, единая честь и единое поклоненіе, именно то̀, которое въ Сынѣ, и чрезъ Него воздается Отцу; и поклоняющійся такъ поклоняется единому Богу, потомучто Богъ единъ, и нѣтъ инаго кромѣ Его.

Посему, когда одинъ Отецъ именуется Богомъ, и говорится, что Богъ единъ: *Азъ есмь, и нѣсть Богъ развѣ Мене* (Второз. XXXII, 39), и: *Азъ первый и Азъ и по сихъ* (Исаія XLIV, 6),—тогда говорится сіе прекрасно; потомучто единъ есть Богъ, единственный и первый. Но говорится сіе не въ отрицаніе Сына. Да не будетъ сего. Ибо и Онъ въ единомъ, и первомъ и единственномъ, какъ единственное Слово единаго и перваго и единственнаго, Его Премудрость и сіяніе. Но и Самъ Онъ есть первый и исполненіе перваго и единаго Божества, всецѣлый и совершенный Богъ. Слѣдовательно, не ради Его говорится сіе, но показываетъ, что нѣтъ другаго такого же, каковъ Отецъ, и каково Его Слово. И этотъ смыслъ пророческихъ словъ всѣмъ явенъ и очевиденъ.

Но нечестивые, и сіе выставляя на видъ, хулятъ Господа и насъ укоряютъ, говоря: «вотъ Богъ называется единымъ, единственнымъ и первымъ; какъ же говорите вы, что Сынъ есть Богъ? Если бы и Сынъ былъ Богъ, то не сказалъ бы Самъ Богъ: Я единственный, или: Богъ есть единъ». Посему, необходимо, сколько можно, объяснить смыслъ и сихъ изре-

ченій, чтобы и изъ этого всѣ уразумѣли, что аріане подлинно богоборцы.

Ежели у Сына есть соперничество со Отцемъ, то пусть слышатъ такія слова. Или, если, какъ Давидъ выслушалъ объ Адоніи и Авессаломѣ, такъ и Отецъ взираетъ на Сына,—то пусть Самъ къ Себѣ говоритъ и произноситъ такія слова, чтобы Сынъ, именуя Себя Богомъ, не отвлекъ иныхъ отъ Отца. Если же кто знаетъ Сына, тотъ лучше знаетъ Отца, потомучто Самъ Сынъ открываетъ ему Отца; и онъ, какъ сказано, лучше узритъ Отца въ Словѣ; Сынъ же, пришедши, прославлялъ не Себя, но Отца, когда говорилъ приступльшему къ Нему: *что Мя глаголеши блага? Никтоже благъ, токмо единъ Богъ* (Матѳ. XIX, 17), и вопросившему: *кая заповѣдь больши есть въ законѣ* (Матѳ. XXII, 36) отвѣчалъ: *слыши, Ісраилю, Господь Богъ вашъ Господь единъ есть* (Марк. XII, 29); и народу говорилъ: *снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Іоан. VI, 38), и учениковъ училъ: *Отецъ Мой болій Мене есть* (Іоан. XIV, 28), и: *кто чтитъ Меня, чтитъ Пославшаго Меня* (Іоан. V, 23); если, говорю, Сынъ таковъ къ Своему Отцу: то какое противленіе между Ними, чтобы изъ подобныхъ изреченій выводить такое подозрѣніе? Съ другой стороны, если Сынъ есть Отчее Слово, то у кого, кромѣ христоборцевъ, станетъ безразсудства думать, что Богъ изглаголалъ такое слово въ оклеветаніе и отрицаніе Слова Своего? Это не христіанская мысль. Да не будетъ сего! Не ради Сына написано

сіе, но въ низложеніе измышленныхъ людьми лжеименныхъ боговъ. И сей смыслъ таковыхъ реченій имѣетъ основательную причину. Поелику преданные лжеименнымъ богамъ уклоняются отъ Бога истиннаго, то, какъ благій и благопопечительный о людяхъ, Богъ, взывая къ заблудшимъ, говоритъ: *Азъ есмь Богъ единъ,* и: *Азъ есмь, и нѣсть Богъ развѣ Мене* (Второз. XXXII, 39), и подобными сему словами, чтобы посрамить не сущее, всѣхъ же обратить къ Себѣ. И какъ, если бы кто середи дня и при сіяніи солнца написалъ просто дерево, неимѣющее въ себѣ призрака свѣта, и сказалъ бы, что сіе изображеніе есть причина свѣта; солнце же, смотря на сіе, скажетъ: «я одно составляю дневный свѣтъ, и нѣтъ другаго дневнаго свѣта кромѣ меня»,—то оно скажетъ сіе, имѣя въ виду не свое сіяніе, но обманъ, производимый изображеніемъ дерева и несходствомъ пустаго начертанія. Такъ и изреченія: *Азъ есмь,* и: *Азъ есмь Богъ единъ, и нѣсть развѣ Мене* сказаны для отвращенія людей отъ боговъ лжеименныхъ и въ наученіе ихъ познать наконецъ истиннаго Бога. Безъ сомнѣнія, Богъ, говоря сіе, изрекъ чрезъ Слово Свое, развѣ нынѣшніе Іудеи присовокупятъ и то̀, что не чрезъ Слово глаголалъ Богъ. Но хотя и бѣснуются сіи чада діавола, — такъ сказано въ Писаніи. Ибо слово Господне было къ пророку, и онъ слышалъ это. Если же Господне было Слово, и чрезъ Слово изрекъ сіе Господь,—а что̀ говоритъ и дѣлаетъ Богъ, не иначе говоритъ и дѣлаетъ, какъ въ Словѣ,—то ко-

нечно, богоборцы, не ради Его сказано сіе, но по причинѣ чуждыхъ и не сущихъ отъ Него. Ибо и по сказанному выше подобію, если бы солнце произнесло означенныя прежде слова, то, не внѣ имѣя свое сіяніе, но въ сіяніи являя свѣтъ свой, стало бы обличать заблужденіе и говорить сказанное. Слѣдовательно, не въ отрицаніе Сына, и не ради Его употреблены таковыя изреченія, но въ низложеніе лжи.

Богъ не говорилъ такихъ словъ вначалѣ Адаму, хотя съ Нимъ было Слово, Которымъ вся быша. Тогда не было нужды, потомучто не было идоловъ. Когда же люди возстали противъ истины и наименовали себѣ, какихъ хотѣли, боговъ, тогда настала нужда въ подобныхъ реченіяхъ къ низложенію не сущихъ боговъ. А я бы присовокупилъ: подобныя изреченія напередъ сказаны, и къ вразумленію безразсудства христоборцевъ, что вымышляемый ими внѣ Отчей сущности богъ не есть истинный, не есть образъ и сынъ единственнаго и перваго Бога. Посему, если Отецъ именуется единственнымъ истиннымъ Богомъ, то говорится сіе не въ отрицаніе Того, Кто сказалъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. XIV, 6), но опять въ отверженіе неимѣющихъ качествъ быть истинными, какъ Отецъ и какъ Слово Его. Ибо и Самъ Господь непосредственно присовокупилъ: *и Егоже послалъ еси Іисуса Христа* (Іоан. XVII, 3). А если бы Онъ былъ тварь, то не присоединилъ и не причислилъ бы Себя къ Сотворшему Его. Ибо какое общеніе у истиннаго съ неистиннымъ? Теперь же

присоединивъ Себя къ Отцу, показалъ тѣмъ, что Отчаго Онъ естества, и далъ намъ разумѣть, что истинное Онъ рожденіе истиннаго Отца. Сіе уразумѣвъ, и Іоаннъ научилъ насъ, пиша въ посланіи: *и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный* (1 Іоан. V, 20). И поелику о твари пророкъ говоритъ: *простый единъ небо* (Іов. IX, 8), и Самъ Богъ: *Азъ распростроxъ небо единъ* (Исаія XLIV, 24), то всякому сдѣлалось явно, что реченіемъ *единъ* означается и Слово Единаго, *Имже вся быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 3). Итакъ, если тварь пришла въ бытіе Словомъ, Богъ же говоритъ: *Азъ единъ,* то вмѣстѣ съ Единымъ разумѣется и Сынъ; Имъ сотворено и небо. Такъ, если говорится: *единъ Богъ, и Азъ единъ, и Азъ первый,* то и Слово разумѣется соприсущимъ въ единомъ, единственномъ и первомъ, какъ сіяніе во свѣтѣ. Сіе же не можетъ быть разумѣемо объ иномъ комъ, кромѣ единаго Слова, потомучто все прочее изъ ничего произведено Сыномъ и далеко отстоитъ по природѣ. А Самъ Сынъ по естеству отъ Отца и есть истинное рожденіе.

Поэтому, изреченіе: *Азъ первый,* которое сіи неразумные думали представить въ защиту своей ереси, обличаетъ болѣе ихъ злоуміе. Богъ говоритъ: *Азъ первый, и Азъ по сихъ.* Итакъ, если, какъ сопричисляемый къ послѣдующимъ за Нимъ тварямъ, именуется первымъ изъ нихъ, и потому твари суть вторыя по Немъ,—то, по мнѣнію вашему, и Самъ Онъ будетъ пре-

восходитъ тварей только однимъ временемъ. А сіе одно уже выше всякаго нечестія. Если въ означеніе того, что Онъ не отъ кого-либо другаго, что ничего нѣтъ прежде Его, что Самъ Онъ есть начало и вина всего, и въ опровержение Еллинскихъ басенъ сказалъ: *Азъ первый*,—то явно, что при наименованіи Сына первороднымъ, не по причинѣ сопричисленія Его къ твари называется Онъ первороднымъ, но въ показаніе того, что всѣ созидаются и усыновляются чрезъ Сына. Ибо какъ Отецъ есть первый, такъ и Сынъ, поколику Онъ — образъ перваго и первый въ Немъ пребываетъ, есть первый же, но и рожденіе отъ Отца, и о Немъ всякая тварь созидается и усыновляется.

Но еретики готовы и на сіе возражать своими баснотворными вымыслами, говоря: «не въ томъ смыслѣ Сынъ и Отецъ суть едино и подобны одинъ другому, въ какомъ проповѣдуетъ сіе Церковь, но въ какомъ намъ это угодно». Ибо говорятъ: «поелику, чего хощетъ Отецъ, того же хощетъ и Сынъ, и не противорѣчитъ Отцу и въ велѣніяхъ и въ сужденіяхъ, напротивъ же того, во всемъ съ Нимъ согласенъ, соблюдая тождество велѣній и преподавая ученіе сообразное и тѣсно соединенное съ ученіемъ Отца,—то въ томъ смыслѣ Онъ и Отецъ едино суть». И сіе нѣкоторые изъ еретиковъ осмѣлились не только говорить, но и писать. Но можно ли что̀ сказать болѣе несообразное и неразумное? Ибо, если по сей причинѣ Сынъ и Отецъ суть едино, и въ этомъ только

смыслѣ Слово подобно Отцу, то слѣдуетъ, что и Ангелы и иныя высшія насъ существа, начала, власти, престолы, господства, даже видимыя твари, солнце, луна и звѣзды, подобно Сыну, суть также сыны, и о нихъ должно сказать, что они и Отецъ едино суть, и каждое изъ существъ сихъ есть образъ Божій и Слово Божіе. Ибо, чего хощетъ Богъ, того же хотятъ и они, не разногласятъ ни въ сужденіяхъ, ни въ велѣніяхъ, но во всемъ покорны Сотворившему. Они не пребыли бы въ своей славѣ, если бы и сами не желали того, чего хощетъ Отецъ. И тому, кто не пребылъ въ семъ согласіи, но пренебрегъ онымъ, сказано: *како спаде съ небесе денница восходящая заутра* (Исаія XIV, 12)? Въ такомъ же случаѣ, почему сей одинъ есть единородный Сынъ, и Слово, и Премудрость? И почему, при такомъ множествѣ подобныхъ Отцу, Онъ одинъ есть образъ? Ибо и изъ людей найдутся многіе подобные Отцу; много мучениковъ, а прежде нихъ были пророки и Апостолы, и еще прежде сихъ патріархи. Многіе и нынѣ соблюли заповѣдь Спасителеву, содѣлавшись милосердыми, *якоже Отецъ, Иже на небесѣхъ* (Лук. VI, 36), и сохранили сказанное: *бывайте убо подражателе Богу, якоже чада возлюбленная: и ходите въ любви, якоже и Хрістосъ возлюбилъ есть насъ* (Ефес. V, 1—2). Многіе содѣлались подобными Павлу, какъ и онъ Христу (1 Коринѳ. IV, 16). Однакоже, никто изъ нихъ не есть ни Слово, ни Премудрость, ни единородный Сынъ, ни образъ; никто изъ нихъ не

дерзнулъ сказать: *Азъ и Отецъ едино есма*, или: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть*. Напротивъ того, о всѣхъ сказано: *кто подобенъ Тебѣ въ бозѣхъ, Господи* (Псал. LXXXVI, 8)? Или: *кто уподобится Господеви въ сынѣхъ Божіихъ* (Псал. LXXXVIII, 7)? О Немъ же говорится, что одинъ Сынъ есть истинный и по естеству образъ Отчій. Если и мы созданы по образу, именуемся *образомъ и славою Божіею* (1 Коринѳ. XI, 7), то опять сію благодать званія имѣемъ не сами по себѣ, но потому, что въ насъ обитаетъ образъ Божій и истинная слава Божія, то-есть Слово Божіе, ради насъ содѣлавшееся напослѣдокъ плотію. Поелику и такое мудрованіе еретиковъ оказывается неприличнымъ и неразумнымъ, то необходимо подобіе и единство относить къ самой сущности Сына. Если же понимать не въ томъ смыслѣ, то окажется, по сказанному, что Сынъ ничѣмъ не преимуществуетъ предъ тварями, и Онъ не будетъ подобенъ Отцу, уподобится же велѣніямъ Отца, и отличенъ будетъ отъ Отца, потомучто Отецъ есть Отецъ, а велѣнія и ученіе суть Отцевы. Посему, если Сынъ подобенъ Отцу только по велѣніямъ и ученію, то, по словамъ ихъ, Отецъ будетъ Отцемъ только по имени, а Сынъ не будетъ неразнственнымъ образомъ, лучше же сказать, окажется вовсе неимѣющимъ какого-либо свойства или подобія со Отцемъ. Ибо какое подобіе и свойство у того, кто отличенъ отъ Отца? И Павелъ, который учитъ подобно Спасителю, не подобенъ Ему по сущности. Посему еретики, мудрствуя такъ, обманываются.

Сынъ и Отецъ едино суть въ томъ смыслѣ, какъ это сказано. Сынъ подобенъ Отцу и отъ Самого Отца, какъ только можно разумѣть и представлять себѣ Сына въ отношеніи къ Отцу, какъ можно разумѣть сіяніе въ отношеніи къ солнцу. Поелику таково бытіе Сына, то, когда дѣлаетъ Сынъ, дѣлающій есть и Отецъ, и когда Сынъ приходитъ къ святымъ, приходящій въ Сынѣ есть Отецъ, какъ Самъ Онъ возвѣстилъ, говоря: *пріидемъ Азъ и Отецъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). Ибо въ образѣ созерцается Отецъ, въ сіяніи пребываетъ свѣтъ. Посему, какъ сказали мы нѣсколько выше, когда Отецъ даетъ благодать и миръ, даетъ ихъ и Сынъ, какъ выражаетъ это Павелъ, пиша во всякомъ посланіи: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Хріста.* Ибо одна и та же благодать, подаваемая отъ Отца въ Сынѣ, какъ одинъ свѣтъ въ солнцѣ и сіяніи, и солнце свѣтитъ посредствомъ сіянія. Такъ опять, молясь о Өессалоникійцахъ и говоря: *Самъ же Богъ и Отецъ нашъ, и Господь нашъ Іисусъ Хрістосъ, да исправитъ путь нашъ къ вамъ* (1 Солун. III, 11), Павелъ соблюлъ единство Отца и Сына. Ибо не сказалъ: *да исправятъ,* какъ о двоякой благодати, подаваемой двоими, но: *да исправитъ,* желая показать, что Отецъ подаетъ благодать чрезъ Сына. Злочестивые еретики, хотя могли бы при семъ почувствовать стыдъ, но не хотятъ. Если бы не было единства, если Слово не собственное рожденіе отъ Отчей сущности, какъ сіяніе отъ свѣта, и Сынъ естествомъ

далекъ отъ Отца,—то было бы достаточно одного Отца, чтобы подавать благодать, не пріобщая въ даруемомъ къ Сотворшему ни одной изъ тварей. Теперь же таковое даяніе показываетъ единство Отца и Сына. Никто не станетъ молиться о пріятіи чего-либо отъ Отца и отъ Ангеловъ, или отъ какой-нибудь другой твари, никто не скажетъ: да подастъ тебѣ Богъ и Ангелъ, но проситъ и Отца и Сына по причинѣ единства и единаго даянія. Ибо даруемое дается чрезъ Сына, и что̀ ни дѣлаетъ Отецъ, все дѣлаетъ чрезъ Сына. Потому и пріемлющій имѣетъ несомнѣнную благодать.

Если же патріархъ Іаковъ, благословляя внуковъ Ефрема и Манассію, сказалъ: *Богъ, Иже питаетъ мя измлада даже до дне сего, Ангелъ, Иже мя избавляетъ отъ всѣхъ золъ, да благословитъ дѣтища сія* (Быт. XLVIII, 15—16),—то къ сотворшему ихъ Богу присовокупилъ не одного изъ сотворенныхъ и по естеству сущихъ Ангеловъ, и не у Ангела просилъ благословенія внукамъ, оставивъ питающаго его Бога, но сказавъ: *Иже мя избавляетъ отъ всѣхъ золъ*, показалъ тѣмъ, что это есть не сотворенный какой Ангелъ, но Божіе Слово, Которому молился онъ совокупно со Отцемъ, и чрезъ Котораго Богъ избавляетъ, кого хощетъ. Зная, что Онъ именуется и Ангеломъ великаго совѣта Отчаго, Его, а не другаго кого, нарекъ благословляющимъ и избавляющимъ отъ золъ. Не того желалъ онъ, чтобы его самого благословилъ Богъ, а внуковъ Ангелъ; но Кого самъ призывалъ, говоря: *не пущу Тебе, аще не благо-*

словиши мене (Быт. XXXII, 26), а это былъ Богъ, какъ говоритъ самъ Іаковъ: *видѣхъ Бога лицемъ къ лицу* (30),—Того же умолялъ благословить и сыновъ Іосифовыхъ. Ангелу свойственно служить Божію повелѣнію; неоднократно Ангелъ предшествуетъ народу Божію, чтобы изгнать Амморея, и посылается охранять народъ на пути; но и это не его есть дѣло, но повелѣвавшаго ему и пославшаго его Бога, Который одинъ можетъ избавлять, кого восхощетъ избавить. Посему, не иной кто, но Самъ явившійся Господь Богъ сказалъ Іакову: *се Азъ есмь съ тобою, сохраняяй тя на всякомъ пути, имже аще пойдеши* (Быт. XXVIII, 15); опять не иной кто, но явившійся Богъ воспрепятствовалъ Лаванову злоумышленію, повелѣвъ Лавану, *да не возглаголетъ ко Іакову зла* (Быт. XXXI, 24), и самъ Іаковъ не иного кого, но Бога призывалъ, говоря: *изми мя отъ руки брата моего Исава, яко боюся его* (Быт. XXXII, 11), и бесѣдуя съ женами, говорилъ: *не даде Богъ Лавану зла сотворити мнѣ* (Быт. XXXI, 7). Посему и Давидъ не иного кого, но Бога умолялъ объ избавленіи: къ Тебѣ, Господи, *внегда скорбѣти ми, воззвахъ, и услышалъ мя еси. Господи, избави душу мою отъ устенъ неправедныхъ и отъ языка льстива* (Псал. CXIX, 1—2). Ему восписуя благодареніе, *глагола словеса пѣсни* въ семнадцатомъ псалмѣ *въ день, въ оньже избави его Господь отъ руки всѣхъ врагъ его, и изъ руки Саула, и рече: возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя, Господь утвержденіе мое, и прибѣжище мое, и Избавитель мой* (Псал. XVII, 1—3).

И Павелъ, претерпѣвъ многія гоненія, не иного кого, но Бога благодарилъ, говоря: отъ всего избавилъ меня Господь, *и избавитъ, на-Нъже уповахомъ* (2 Коринѳ. I. 10). Не иной кто, но Богъ благословилъ Авраама и Исаака. И Исаакъ, молясь объ Іаковѣ, сказалъ: *Богъ мой да благословитъ тя, и возраститъ тя, и умножитъ тя: и будеши въ собранія языковъ, и да дастъ тебѣ благословеніе Авраама отца моего* (Быт. XXVIII, 3—4). Если же благословлять и избавлять принадлежитъ не иному кому, но Богу, и избавляющій Іакова былъ не иной кто, но Самъ Господь, патріархъ же призывалъ на внуковъ избавляющаго его самого,—то явно, что въ молитвѣ не иного кого присоединилъ онъ къ Богу, но Слово Его, Которое посему назвалъ и Ангеломъ, потомучто Оно одно открываетъ намъ Отца.

Сіе же сдѣлалъ и Апостолъ, говоря: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.* Ибо въ такомъ случаѣ и благословеніе было надежно по нераздѣльности Сына со Отцемъ, и потому, что даруемая благодать есть одна и та же. Хотя даетъ Отецъ, но даруется чрезъ Сына. Хотя Сынъ именуется дарствующимъ, но чрезъ Сына и въ Сынѣ подаетъ Отецъ. *Благодарю,* говоритъ Апостолъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, *Бога моего всегда о васъ, о благодати Божіей, даннѣй вамъ о Христѣ Іисусѣ* (1 Коринѳ. I, 4). Сіе же самое можно видѣть въ свѣтѣ и сіяніи. Что̀ освѣщаетъ свѣтъ, то̀ озаряетъ сіяніе; и что̀ озаряетъ сіяніе, то̀ есть освѣщеніе самого свѣта. Такъ и когда видимъ Сынъ, видимъ и Отецъ, потомучто

Сынъ есть Отчее сіяніе. И такимъ образомъ, Отецъ и Сынъ едино суть.

Но сего никто не скажетъ о созданныхъ вещахъ и о тваряхъ. Когда дѣлаетъ Отецъ, не дѣлаетъ того же кто-нибудь изъ Ангеловъ, или иная какая тварь; ни одна изъ тварей не есть творящая причина, но всѣ онѣ въ числѣ созданныхъ. Сверхъ того, онѣ отдѣлены и далеки отъ Единаго, инаковы съ Нимъ по естеству, и сами будучи дѣла, не могутъ дѣлать того, что̀ дѣлаетъ Богъ, не могутъ, какъ сказалъ я прежде, содарствовать, когда дарствуетъ Богъ. Взирая на Ангела, никто не скажетъ, что видѣлъ Отца. Ибо Ангелы, какъ написано, *суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми* (Евр. I, 14), и о дарахъ, подаваемыхъ отъ Бога Словомъ, возвѣщаютъ пріемлющимъ. И самъ явившійся Ангелъ исповѣдаетъ о себѣ, что посланъ онъ Владыкою; такъ, Гавріилъ Захаріи и Богородицѣ Маріи самъ сіе исповѣдалъ. Кто видитъ явленіе Ангеловъ, тотъ знаетъ, что видитъ Ангела, а не Бога. Захарія видѣлъ Ангела, а Исаія видѣлъ Господа. Маное, отецъ Сампсоновъ, видѣлъ Ангела, а Моисей зрѣлъ Бога. Гедеонъ видѣлъ Ангела, Аврааму же явился Богъ. И кто видѣлъ Бога, тотъ не говорилъ, что видѣлъ Ангела; а кто видѣлъ Ангела, тотъ не думалъ, что видѣлъ Бога. Ибо много, или лучше сказать, совершенно по естеству различны созданныя существа съ сотворившимъ ихъ Богомъ.

Если же иногда при явленіи Ангела видѣвшій слышалъ гласъ Божій, какъ было при купинѣ, *ибо*

явися Ангелъ Господенъ въ пламени огненнѣ изъ купины, и воззва Господь Моусею изъ купины, глаголя: Азъ есмь Богъ отца твоего, Богъ Авраамовъ, Богъ Ісааковъ, и Богъ Іаковль (Исх. III, 2, 4, 6): то не Ангелъ былъ Богъ Авраамовъ, но въ Ангелѣ былъ глаголющій Богъ; и хотя видимъ былъ Ангелъ, но глаголалъ въ немъ Богъ. Ибо какъ въ облачномъ столпѣ глаголалъ Богъ Моисею въ скиніи, такъ и въ Ангелахъ является Онъ глаголющимъ. Такъ и Навину глаголалъ Онъ чрезъ Ангела.

Но что̀ глаголетъ Богъ, то̀, какъ извѣстно, глаголетъ чрезъ Слово, а не чрезъ иного кого. И что̀ дѣлаетъ Слово, которое неотлучно отъ Отца, не неподобно и не чуждо Отчей сущности, то̀ суть дѣла Отца; и Слово со Отцемъ единое совершаетъ дѣло. И что̀ даетъ Сынъ, то̀ есть Отчее даяніе. И кто видѣлъ Сына, тотъ знаетъ, что видѣлъ Его, видѣлъ не Ангела, и не существо высшее Ангеловъ, не какую-либо тварь, но Самого Отца. И кто слышитъ Слово, тотъ знаетъ, что слышитъ Отца, какъ и озаряемый сіяніемъ знаетъ, что освѣщается солнцемъ.

И Божественное Писаніе, желая, чтобы такъ разумѣли мы, представило намъ, о чемъ говорили мы и прежде, такія подобія, которыми могли бы мы и пристыдить предателей Іудеевъ, и отразить обвиненіе Еллиновъ, когда они говорятъ и думаютъ, будто бы въ ученіи о Троицѣ и мы признаемъ многихъ боговъ. Ибо, какъ показываютъ самыя подобія, не вводимъ мы трехъ началъ, или трехъ отцевъ, какъ послѣ-

дователи Маркіона и манихеи. Не трехъ солнцевъ представляемъ образъ, но солнце и сіяніе, и одинъ свѣтъ отъ солнца въ сіяніи. Такъ знаемъ единое начало, и говоримъ, что зиждительное Слово имѣетъ не иный какій образъ Божества, но Божество единаго Бога, потомучто рождено отъ Бога.

Посему, аріане гораздо справедливѣе могутъ быть обвиняемы въ многобожіи или безбожіи, потомучто суесловятъ, будто Сынъ есть тварь отвнѣ, и Духъ изъ ничего. Ибо говорятъ, что Слово—не Богъ, или, и называя Его Богомъ, по причинѣ написаннаго, но не собственно принадлежащимъ Отчей сущности, по разнородности Отца и Сына, вводятъ многихъ боговъ, если только не осмѣливаются утверждать, что и Слово нарицается Богомъ по причастію, въ какомъ смыслѣ и все можетъ быть такъ названо. Но и такъ думая, равно нечествуютъ, говоря, что Слово есть одна изъ всѣхъ тварей. А намъ и на умъ никогда не приходило сего. Ибо одинъ видъ Божества, который есть и въ Словѣ, и одинъ Богъ Отецъ самосущій, потомучто Онъ *надъ всѣмъ* (Римлян. IX, 5), являющійся въ Сынѣ, потомучто *проницаетъ чрезъ всяческая* (Прем. VII, 24), и въ Духѣ, потомучто во всѣхъ дѣйствуетъ о Немъ чрезъ Слово. Такъ исповѣдуя Троицу, исповѣдуемъ единаго Бога и гораздо благочестивѣе разсуждаемъ о Богѣ, нежели еретики, признающіе многовидное и многочастное Божество; потомучто признаемъ единое въ Троицѣ Божество. Ибо если не такъ, напротивъ того, Слово изъ не сущихъ, есть тварь и

произведеніе, то Оно или не есть Богъ истинный, потомучто есть одна изъ тварей; или, если еретики, постыждаемые Писаніемъ, называютъ Его Богомъ, то по необходимости должны именовать двухъ боговъ,—одного Творца, другаго же сотвореннаго, и служить двумъ господамъ, — одному Несозданному, другому же созданному и твари, имѣть двѣ вѣры,— одну въ истиннаго Бога, другую же въ сотвореннаго, или вымышленнаго и наименованнаго Богомъ. А слѣпотствуя такимъ образомъ, по необходимости должны, когда поклоняются Несозданному, презирать созданнаго, а когда приступаютъ къ твари, отвращаться отъ Творца. Ибо невозможно видѣть одного въ другомъ; потомучто чужды и различны между собою ихъ естества и дѣйствія. А такъ думающіе непремѣнно сочетаваютъ во едино многихъ боговъ: къ сему ведетъ начинаніе отпадающихъ отъ единаго Бога.

Почему же аріане, такъ разсуждая и представляя, не причисляютъ себя къ язычникамъ? Ибо, какъ тѣ, такъ и они, служатъ твари паче сотворившаго всяческая Бога. Хотя избѣгаютъ они именованія язычниками для обольщенія несмысленныхъ, однакоже въ тайнѣ содержатъ мысль, подобную языческой. Ибо и мудрое это изреченіе, обыкновенно ими употребляемое: «не именуемъ двухъ несозданныхъ», употребляютъ, повидимому, для обольщенія простодушныхъ. Говоря: «не именуемъ двухъ несозданныхъ», именуютъ двухъ боговъ, и боговъ, имѣющихъ различныя естества: одного имѣющаго естество создан-

ное, а другаго—несозданное. Если язычники служатъ одному Несозданному и многимъ созданнымъ, они же одному Несозданному и одному созданному: то и въ такомъ случаѣ не различаются отъ язычниковъ, потомучто именуемый у нихъ созданнымъ есть одинъ изъ многихъ созданныхъ, а также и многіе языческіе боги съ симъ однимъ имѣютъ то же естество; и сей одинъ и тѣ суть твари. Жалки еретики, тѣмъ болѣе, что сами себѣ вредятъ, мудрствуя противъ Христа; отпали они отъ истины и, отрицаясь отъ Христа, превзошли Іудеевъ въ предательствѣ, погрязаютъ же вмѣстѣ съ язычниками сіи богоненавистники, служа твари и различнымъ богамъ.

Единъ есть Богъ, а не многіе, и едино есть Слово Божіе, а не многія. Богъ есть Слово. Оно одно имѣетъ Отчее видѣніе. Симъ-то будучи видѣніемъ, Самъ Спаситель постыждаетъ Іудеевъ, говоря: *Пославый Мя Отецъ Самъ свидѣтелствова о Мнѣ. Ни гласа Его нигдѣже слышасте, ни видѣнія Его видѣсте: и словесе Его не имате пребывающа въ васъ, зане, Егоже Той посла, Сему вы вѣры не емлете* (Іоан. V, 37—38). Прекрасно къ Слову присовокупилъ видѣніе, показывая симъ, что Само Слово Божіе есть изображеніе и образъ и видѣніе Отца Своего, и что Іудеи, непринявшіе Глаголавшаго сіе, не приняли Слова, то-есть Божія видѣнія. Сіе-то видѣніе патріархъ Іаковъ узрѣвъ, былъ благословленъ, и вмѣсто Іакова нареченъ отъ Него Израилемъ, какъ свидѣтельствуетъ Божественное Писаніе, говоря: *возсія же ему солнце, егда прейде видъ*

*

Божій (Быт. XXXII, 31). Но видъ сей былъ Тотъ, Кто говоритъ: *видѣвый Мене видѣ Отца*, и: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ;* и: *Азъ и Отецъ едино есма.* Такъ единъ есть Богъ, и одна вѣра въ Отца и Сына. И поелику Слово есть Богъ, то опять *Господь Богъ нашъ Господь единъ есть* (Второзак. VI, 4), потомучто Онъ есть собственный и нераздѣльный Сынъ по свойственности и сродству сущности.

Но, непостыждаемые и симъ, аріане говорятъ: «Не какъ вы говорите, но какъ намъ хочется. Поелику отвергли вы прежніе наши вымыслы, то нашли мы новый, и утверждаемъ: въ такомъ же смыслѣ Сынъ и Отецъ суть едино, Отецъ въ Сынѣ, и Сынъ во Отцѣ, въ какомъ и мы можемъ быть въ Немъ. Сіе написано въ Евангеліи отъ Іоанна, сего Христосъ желалъ и для насъ, говоря: *Отче Святый, соблюди ихъ во имя Твое, ихже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино якоже и Мы* (Іоан. XVII, 11); и еще чрезъ нѣсколько словъ: *не о сихъ молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя: да вси едино будутъ: якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ: да и міръ вѣру иметъ, яко Ты Мя послалъ еси. И Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже Мы едино есмы: Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино, и да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси* (20—23)». Потомъ сіи хитрецы, какъ-бы нашедши предлогъ, присовокупляютъ сіе: «Если какъ мы во Отцѣ бываемъ едино, такъ Онъ и Отецъ едино суть, такъ и Онъ есть во Отцѣ,—то

почему же по сказанному Имъ: *Азъ и Отецъ едино есма*, и: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*, называетъ Его собственно принадлежащимъ и подобнымъ Отчей сущности? Необходимо, или и намъ быть собственно принадлежащими Отчей сущности, или и Ему быть чуждымъ, какъ чужды мы».

Такъ неразсудительно суесловятъ еретики. А я не вижу въ такомъ ихъ злоуміи ничего инаго, кромѣ неразумной дерзости и діавольскаго высокоумія: потомучто и они, подобно діаволу, говорятъ: на небо взыдемъ, будемъ подобны Вышнему. Чтò раздается людямъ по благодати, тò хотятъ они сравнять съ Божествомъ Дарующаго. Слыша, что люди называются сынами, возмнили, что и сами они равны истинному по естеству Сыну. И теперь опять слыша отъ Спасителя: *да будутъ едино, якоже и Мы*, сами себя вводятъ въ обманъ, дерзко мечтаютъ, что и они также будутъ въ Богѣ, какъ Сынъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ, не примѣчая того, что отъ такого самомнѣнія палъ отецъ ихъ діаволъ. Ежели, какъ говорили мы неоднократно, Слово Божіе есть то же, чтò и мы, и ничѣмъ не отличается отъ насъ, какъ только временемъ: то пусть будетъ Оно подобно намъ, пусть у Отца имѣетъ то же мѣсто, какое имѣемъ и мы; пусть не называется ни единороднымъ, ни единымъ Словомъ, ни Отчею Премудростію, но пусть будетъ имя сіе общимъ у Него со всѣми нами, подобными другъ другу. Ибо у тѣхъ, у которыхъ естество одно, справедливо быть общему имени, хотя и различаются

между собою по времени. Адамъ—человѣкъ, и Павелъ—человѣкъ; и нынѣ рождающійся—также человѣкъ, и время не измѣняетъ естества рода. Поэтому, если Слово отличается отъ насъ только временемъ, то и намъ должно быть такими же, каково Слово. Но мы—не Слово или Премудрость, и Оно—не тварь или произведеніе. Ибо почему всѣ мы произошли отъ одного, а Оно одно есть Слово? Но если еретикамъ прилично говорить такія рѣчи, то намъ неприлично и мыслію касаться ихъ хулы. И хотя не слѣдовало бы даже входить въ какое-либо разсмотрѣніе представленныхъ изреченій, при такомъ ясномъ и благочестномъ ихъ смыслѣ и правой нашей вѣрѣ,—однакоже, чтобы еретики и въ семъ оказались злочестивыми, самымъ симъ изреченіемъ, какъ научились отъ отцевъ, кратко обличимъ ихъ неправославіе.

Въ Писаніи нерѣдко предметы естественные представляются людямъ въ образъ и примѣръ. И это для того, чтобы изъ естественнаго виднѣе были произвольныя движенія въ людяхъ. И такимъ образомъ, показывается или дурный, или правдивый, человѣческій нравъ. Такъ, дурные нравы имѣетъ въ виду, если заповѣдуетъ: *не будите яко конь и мескъ, имже нѣсть разума* (Псал. XXXI, 9); или когда, укоряя сдѣлавшихся таковыми, говоритъ: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. XLVIII, 13); и еще: *кони женонеистовни сотворишася* (Іерем. V, 8). И Спаситель, показывая, каковъ Иродъ, сказалъ: *рцыте лису тому* (Лук. XIII, 32);

и Апостоламъ заповѣдалъ: *се, посылаю васъ яко овцы посредѣ волковъ: будите убо мудри яко змія, и цѣли яко голубіе* (Мате. X, 16). Сказалъ же сіе не съ тѣмъ, чтобы мы по природѣ сдѣлались подобными скотамъ, стали зміями, или голубями (не такими сотворилъ Онъ насъ, посему и природа не допускаетъ сего), но съ тѣмъ, чтобы избѣгали мы неразумныхъ стремленій, зная же мудрость змія, не вдавались въ его обманъ, и присвоили себѣ кротость голубя. Въ разсужденіи же Божественнаго, представляя опять людямъ образы, Спаситель говоритъ: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ, Иже на небесѣхъ, милосердъ есть* (Лук. VI, 36); и: *будите вы совершени, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть* (Мате. V, 48). Сказалъ же сіе не для того опять, чтобы стали мы такими же, каковъ Отецъ, потомучто намъ тварямъ, изъ ничего приведеннымъ въ бытіе, невозможно сдѣлаться такими же, каковъ Отецъ; напротивъ того, какъ заповѣдалъ: *не будите яко конь* не съ тѣмъ, чтобы не сдѣлались мы скотами, но чтобы не подражали ихъ неразумію,—такъ сказалъ: *будите милосерди якоже Отецъ* не съ тѣмъ, чтобы стали мы такими же, каковъ Отецъ, но чтобы, взирая на Его благодѣянія, когда дѣлаемъ что̀ доброе, дѣлали не ради людей, но ради Его, ожидая наградъ отъ Него, а не отъ людей. Какъ, хотя одинъ есть Сынъ по естеству, истинный и единородный, но и мы дѣлаемся сынами, не Ему подобно, не по естеству и не въ дѣйствительности, но по благодати Призвавшаго; и, будучи земными

людьми, именуемся богами, не такими, каковъ Богъ и каково истинное Слово Его, но какъ восхотѣлъ даровавшій сіе Богъ: такъ подобно Богу дѣлаемся милосердыми, не приходя чрезъ сіе въ равенство съ Богомъ, не дѣлаясь по естеству и истинными благодѣтелями—потомучто благодѣтельствовать—не наше, но Божіе изобрѣтеніе,—но, поколику совершаемое по благодати для насъ Самимъ Богомъ дѣлаемъ мы общимъ и для другихъ, не разсуждая, но просто на всѣхъ простирая благотворительность. Симъ только, а не инымъ образомъ, можемъ и мы содѣлаться нѣсколько подражателями Бога, потомучто даруемымъ отъ Него услуживаемъ другъ другу.

Но какъ хорошо и правильно понимаемъ сіе, такъ читаемое въ Евангеліи отъ Іоанна мѣсто имѣетъ тотъ же смыслъ. Ибо не сказано: какъ Сынъ во Отцѣ, такъ да будемъ и мы. И возможно ли сіе, когда Онъ есть Божіе Слово и Божія Премудрость, а мы созданы изъ земли; Онъ по естеству и сущности есть Слово и истинный Богъ (такъ говоритъ Іоаннъ: *вѣмы, яко Сынъ Божій пріиде и далъ есть намъ разумъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ во истиннѣмъ, въ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный* (1 Іоан. V, 20), а мы по усыновленію и благодати чрезъ Него дѣлаемся сынами, пріобщаясь Его Духа (ибо сказано: *елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующымъ во имя Его* (Іоан. I, 12)? Посему, Онъ есть истина, Самъ о Себѣ свидѣтельствуя: *Азъ есмь истина* (Іоан. XIV, 6),

что̀ подтвердилъ и бесѣдуя со Отцемъ Своимъ: *святи̇ ихъ во истину Твою: Слово Твое истина есть* (Іоан. XVII, 17); а мы по подражанію дѣлаемся добродѣтельными и сынами. Итакъ, Спаситель сказалъ: *да будутъ едино якоже и Мы* (Іоан. XVII, 22), не для того, чтобы содѣлались мы такими же, каковъ Онъ, но чтобы, какъ Онъ, будучи Словомъ, пребываетъ во Отцѣ Своемъ, такъ и мы, взирая на Него и у Него заимствуя нѣкоторый образъ, стали едино другъ съ другомъ по единодушію и единству духа, и не разногласили подобно Коринѳянамъ, но мудрствовали одно и то же, подобно упоминаемымъ въ Дѣяніяхъ пяти тысячамъ, которые всѣ были какъ одинъ человѣкъ (Дѣян. IV, 32). Будемъ какъ сыны, а не какъ Сынъ, и боги, но не каковъ Самъ Онъ, и милосерды какъ Отецъ, но не каковъ Отецъ, а какъ сказано, содѣлавшись едино, якоже Отецъ и Сынъ; не въ такомъ смыслѣ будемъ едино, въ какомъ по естеству Отецъ въ Сынѣ, и Сынъ во Отцѣ, но въ какомъ сообразно сіе съ нашимъ естествомъ, въ какомъ возможно для насъ сообразовать себя съ этимъ и научиться, какъ должны мы стать едино, подобно тому, какъ научились быть милосердыми; потомучто обыкновенно въ единеніи бываютъ подобное съ подобнымъ, и всякая плоть входитъ въ единеніе по роду. Слово намъ не подобно, но подобно Отцу; поэтому, Оно по естеству и въ дѣйствительности есть едино со Отцемъ Своимъ, а мы, будучи однородны другъ съ другомъ, потомучто всѣ произошли отъ одного, и у всѣхъ людей одна природа,

дѣлаемся другъ съ другомъ едино по расположенію, имѣя для себя образцемъ естественное единеніе Сына со Отцемъ. Какъ кротости училъ Онъ Своимъ примѣромъ, говоря: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смирѣнъ сердцемъ* (Матѳ. XI, 29), не для того, чтобы сравнились мы съ Нимъ (сіе невозможно), но чтобы, взирая на Него, пребывали всегда кроткими,— такъ и здѣсь, желая, чтобы имѣли мы истинное, твердое и нерасторгаемое благорасположеніе другъ къ другу, беретъ примѣръ съ Себя и говоритъ: «*да будутъ едино, якоже и Мы.* А единство Наше нераздѣльно; посему и они, познавъ въ Насъ нераздѣльное естество, да сохраняютъ также взаимное между собою согласіе». Люди же, какъ сказано, безопаснѣе подражаютъ тому, что̀ заимствуется изъ естества, потому-что сіе пребываетъ одинаковымъ и никогда не измѣняется, человѣческій же нравъ измѣнчивъ и, только взирая на неизмѣняемое по естеству, можетъ избѣгать худаго и сообразовать себя съ лучшимъ. И такимъ образомъ, сказанное: *да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Іоан. XVII, 21), имѣетъ правильный смыслъ.

Если бы намъ возможно было содѣлаться тѣмъ, что̀ Сынъ во Отцѣ, то надлежало бы сказать: и тіи въ Тебѣ едино да будутъ, какъ Сынъ во Отцѣ. Теперь же не сказалъ сего, а говоря: въ Насъ, показалъ разстояніе и различіе, а имено, что Онъ единый есть въ единомъ Отцѣ, какъ единое Слово и Премудрость, мы же—въ Сынѣ и чрезъ Сына во Отцѣ. Но говоря сіе, не иное что̀ далъ разумѣть,

какъ слѣдующее: «Нашимъ единствомъ *и тіи* да содѣлаются едино другъ съ другомъ такъ же, какъ Мы едино по естеству и въ дѣйствительности: иначе, не содѣлаются едино, если не научатся единству въ Насъ». А что реченіе: *въ Насъ* имѣетъ сіе значеніе, послушай Павла, который говоритъ: *сія же преобразихъ на себе и Аполлоса, да отъ насъ научитеся не паче написанныхъ мудрствовати* (1 Коринѳ. IV, 6). Итакъ, реченіе: *въ Насъ* не значитъ: *во Отцѣ,* какъ Сынъ во Отцѣ, но есть только примѣръ и образъ, и употреблено вмѣсто словъ: да научатся отъ Насъ. Какъ Павелъ для Коринѳянъ, такъ и единство Сына и Отца для всѣхъ служитъ образцемъ и урокомъ, изъ котораго, взирая на естественное единство Отца и Сына, люди могутъ научиться, какъ и они должны въ образѣ мыслей содѣлаться едино другъ съ другомъ.

Если же въ разсужденіи сего изреченія должно защищаться и инымъ образомъ, то можно еще сказать, что реченіе: *въ Насъ* равнозначительно словамъ: силою Отца и Сына да будутъ едино, говоря то же самое, потомучто безъ Бога невозможно стать едино. И сіе опять можно найти и въ Божественномъ словѣ, напримѣръ: *о Бозѣ сотворимъ силу* (Псал. LIX, 14); и: *Богомъ прейду стѣну* (Псал. XVII, 30); и: *о Тебѣ враги наша избодемъ роги* (Псал. XLIII, 6). Итакъ, явно, что о имени Отца и Сына можемъ содѣлаться едино, возымѣть твердый союзъ любви. Ибо, ту же опять мысль распространяя, Господь говоритъ: *и Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже и Мы.*

Весьма прилично и здѣсь не сказалъ: да будутъ въ Тебѣ, какъ и Я въ Тебѣ, но говоритъ: *якоже и Мы*. А говоря: *якоже*, показываетъ въ сказанномъ не тождество, но образъ и примѣръ. Посему, Слово подлинно и истинно имѣетъ тождество естества со Отцемъ; а намъ, какъ сказано, возможно только подражать. Ибо немедленно присовокупилъ: *Азъ въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино*. Здѣсь Господь проситъ уже для насъ чего-то бо́льшаго и совершеннѣйшаго. Ибо извѣстно, какъ Слово стало въ насъ: Оно облеклось въ нашу плоть. Но и Ты во Мнѣ, Отче, потомучто Твое Я Слово. И поелику Ты во Мнѣ, потомучто Твое Я Слово, а Я въ нихъ по тѣлу, и чрезъ Тебя совершилось во Мнѣ спасеніе людей,—то прошу, *и тіи едино да будутъ* по тѣлу во Мнѣ и по его совершенію; *да и тіи совершени будутъ,* имѣя единство съ тѣломъ симъ и въ немъ ставъ едино, да всѣ, какъ понесенные Мною на Себѣ, будутъ едино тѣло и единъ духъ и достигнутъ въ мужа совершенна. Ибо всѣ мы, пріобщаясь Его тѣла, дѣлаемся едино тѣло, имѣя въ себѣ единаго Господа.

Когда же изреченіе сіе имѣетъ такой смыслъ,—еще болѣе обличается неправословіе христоборцевъ. Ибо, снова повторяя, скажу: если бы сказалъ просто и отрѣшенно: да будутъ въ Тебѣ едино, да тіи и Азъ въ Тебѣ едино будемъ,—то богоборцы имѣли бы хотя непостыдный предлогъ. Теперь же не просто сказалъ, но: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да вси едино будутъ*. И опять говоря: *якоже,* показы-

ваетъ, что далеко людямъ быть въ Отцѣ, какъ Онъ во Отцѣ, и далеко не по мѣсту, но по естеству. Ибо по мѣсту ничто не далеко отъ Бога, все же далеко отъ Него по одному естеству. И какъ замѣтилъ я прежде, кто произноситъ частицу: *якоже*, показываетъ не тождество и не равенство, но примѣръ сказуемаго сравнительно въ какомъ-либо отношеніи. И сему опять можно поучиться у Самого Спасителя, Который говоритъ: *якоже бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи, тако будетъ и Сынъ Человѣческій въ сердцы земли* (Матѳ. XII, 10). Іона былъ не то, что Спаситель; Іона не сходилъ во адъ; китъ былъ не адъ, да и поглощенный Іона не извелъ съ собою поглощенныхъ китомъ, но изшелъ одинъ, когда повелѣно было киту. Поэтому, никакого тождества и равенства не означается симъ реченіемъ: *якоже*, а напротивъ того, отличается одно отъ другаго; сходство же Іоны показывается нѣсколько выраженіемъ: *три дни*. Такъ и мы, поелику Господь говоритъ: *якоже*, не содѣлываемся тѣмъ же, что Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ; но *якоже* Отецъ и Сынъ, такъ и мы содѣлываемся едино по образу мыслей и по согласію духа. Спаситель, *якоже* Іона, будетъ въ землѣ. Но какъ Спаситель не Іона, и Господь не такъ сошелъ во адъ, какъ тотъ былъ поглощенъ, одно же съ другимъ различно: такъ если и мы содѣлаемся едино, какъ Сынъ во Отцѣ, не будемъ посему то же, что Сынъ, и равны Ему, но совершенно отъ Него отличны. Потому-то о насъ сказано: *якоже*, ибо тò, что не въ естествѣ

и клонится къ чему-то иному, дѣлается какъ естественное. Посему, Самъ Сынъ просто и безъ всякаго посредства есть во Отцѣ, потомучто свойственно Ему сіе по естеству; а мы, не имѣя сего въ естествѣ своемъ, имѣемъ нужду въ образѣ и примѣрѣ, чтобы и о насъ сказать Ему: *якоже Ты во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ.*

Когда же, говоритъ, будутъ они такъ совершенны, тогда уразумѣетъ міръ, *яко Ты Мя послалъ еси.* Если бы не пришелъ Я и не понесъ на Себѣ дѣла ихъ, то никто изъ нихъ не сталъ бы совершеннымъ, но всѣ пребывали бы тлѣнными. Поэтому, Ты и дѣйствуй въ нихъ, Отче, и какъ далъ Мнѣ понести сіе тѣло, такъ и имъ Духа Твоего, *да и тіи едино будутъ,* и содѣлаются совершенными во Мнѣ. Ибо совершеніе ихъ показываетъ, что было пришествіе Слова Твоего, и міръ, видя ихъ совершенными и богоносными, безъ сомнѣнія, увѣруетъ, *яко Ты Мя послалъ еси,* и Я приходилъ къ нимъ. Откуда бы имъ пріять совершеніе, если бы Я—Слово Твое—не содѣлался человѣкомъ, пріявъ на Себя тѣло ихъ, и не совершилъ дѣло, которое далъ Мнѣ Ты, Отче? Дѣло же совершено, потомучто люди, искупленные отъ грѣха, не остаются болѣе мертвыми, но, обожившись и взирая на Насъ, имѣютъ между собою взаимный союзъ любви.

Итакъ, мы, сколько можно было простѣе разсмотрѣть выраженія сего изреченія, предложили сіе пространно, блаженный же Іоаннъ въ Посланіи въ немногихъ словахъ, и гораздо совершеннѣе нашего,

покажетъ смыслъ написаннаго, обличитъ разумѣніе нечестивыхъ, научитъ, какъ бываемъ мы въ Богѣ, и Богъ въ насъ, а также, какъ мы дѣлаемся въ Немъ едино, и сколько Сынъ отстоитъ отъ насъ по естеству, а тѣмъ заставитъ наконецъ аріанъ не думать о себѣ, что и они будутъ такими же, каковъ Сынъ, чтобы иначе и имъ не услышать: *ты же человѣкъ еси, а не Богъ* (Іезек. XXVIII, 3); и: *не распростирайся убогъ сый съ богатымъ* (Притч. XXIII, 4). Итакъ, Іоаннъ пишетъ, говоря слѣдующее: *о семъ разумѣемъ, яко въ Немъ пребываемъ, и Той въ насъ, яко отъ Духа Своего далъ есть намъ* (1 Іоан. IV, 13). Итакъ, по данной намъ благодати Духа и мы бываемъ въ Немъ, и Онъ въ насъ. И поелику Духъ, Который бываетъ въ насъ, есть Божій, то и мы, имѣя въ себѣ Духа, справедливо почитаемся пребывающими въ Богѣ, а такимъ образомъ и Богъ бываетъ въ насъ. Слѣдовательно, не какъ Сынъ во Отцѣ, такъ и мы бываемъ во Отцѣ. Сынъ не дѣлается причастникомъ Духа, чтобы чрезъ это быть Ему во Отцѣ. Не Онъ пріемлетъ Духа, а паче Самъ подаетъ Его всѣмъ, и не Духъ сочетаваетъ Сына со Отцемъ, но паче Духъ пріемлетъ отъ Слова. И Сынъ во Отцѣ, какъ собственное Его Слово и сіяніе. А мы безъ Духа чужды Богу и далеки отъ Него, причастіемъ же Духа сочетаваемся съ Божествомъ; почему, быть намъ во Отцѣ есть не наше, но сущаго и пребывающаго въ насъ Духа, пока сохраняемъ Его въ себѣ исповѣданіемъ, какъ опять говоритъ Іоаннъ: *иже аще исповѣстъ, яко Іисусъ есть*

Сынъ Божій, Богъ въ немъ пребываетъ, и той въ Бозѣ (1 Іоан. IV, 15).

Итакъ, какое подобіе и какое равенство у насъ съ Сыномъ? Или, не обличаются ли аріане всѣми, особливо Іоанномъ, что иначе Сынъ во Отцѣ, иначе бываемъ въ Немъ мы? И мы никогда не будемъ такими, каковъ Онъ, и Слово не таково, какъ мы, развѣ еретики и теперь, какъ и всегда, осмѣлятся сказать, что Сынъ и Самъ сталъ во Отцѣ по причастію Духа и за превосходство дѣлъ. Но и сіе опять даже въ мысляхъ только допустить до крайности нечестиво. Ибо Онъ, какъ сказано, *даетъ Духу, и что имѣетъ Духъ, имѣетъ сіе отъ Слова* (Іоан. XVI, 15).

Итакъ, Спаситель, говоря о насъ: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ,* не означаетъ симъ, что будемъ имѣть съ Нимъ тождество, ибо примѣромъ Іоны доказано и это. Но это есть моленіе ко Отцу, какъ написалъ Іоаннъ, чтобы чрезъ Него подавался вѣрующимъ Духъ, чрезъ Котораго и надѣемся быть въ Богѣ и сочетаться съ Нимъ. Поелику Слово во Отцѣ, а Духъ дается Словомъ, то хощетъ, чтобы пріяли мы Духа, и чтобы, когда пріимемъ Его, имѣя въ себѣ Духа Слова, сущаго во Отцѣ, оказались и мы по Духу содѣлавшимися едино въ Словѣ, а чрезъ Слово и во Отцѣ. Если же говоритъ: «какъ Мы», то сіе не иное что̀ значитъ, какъ слѣдующее: таковая данная благодать Духа да содѣлается въ ученикахъ неутратимою и непреложною. Ибо что̀, по сказанному прежде, Слову

во Отцѣ естественно, о томъ желаетъ, чтобы и намъ чрезъ Духа дано сіе было непреложно. Зная сіе, Апостолъ сказалъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія* (Римлян. VIII, 35)? *Нераскаянна бо дарованія Божія* и благодать призванія (XI, 29). Слѣдовательно, Духъ пребываетъ въ Богѣ, а не мы сами по себѣ. Какъ мы— сыны и боги по сущему въ насъ Слову, такъ будемъ въ Сынѣ и во Отцѣ, и будемъ почитаемы содѣлавшимися *едино* въ Сынѣ и во Отцѣ; потомучто въ насъ тотъ же Духъ, Который и въ Словѣ, сущемъ во Отцѣ. Посему, когда отпадаетъ кто отъ Духа по причинѣ какого-либо порока, то хотя непреложная благодать пребываетъ въ желающихъ, если кто по паденіи раскаевается, однакоже, сей падшій уже не въ Богѣ, потомучто отступилъ отъ него сущій въ Богѣ святый и утѣшительный Духъ; напротивъ же того, согрѣшающій будетъ въ томъ, кому подчинилъ себя, какъ было сіе съ Сауломъ. *Ибо Духъ Господенъ отступи отъ него, и давляше его духъ лукавый* (1 Царств. XVI, 14).

Слыша сіе, надлежало бы наконецъ устыдиться богоборцамъ и не воображать себя равными Богу. Но они не разумѣютъ сего; ибо сказано: *нечестивый не разумѣетъ разума* (Притч. XXIX, 7). Они не терпятъ благочестивыхъ словесъ, потомучто тяжко имъ и слышать ихъ. Ибо вотъ, какъ неутомимые въ злочестіи, ожесточенные подобно фараону, видя и слыша опять въ Евангеліяхъ повѣствуемое о человѣчествѣ Спасителя, по примѣру Самосатскаго, забыли совершенно Отчее Божество Сына и дерзкимъ языкомъ

смѣло говорятъ: «какъ можетъ быть отъ Отца по естеству и уподобляться Ему по сущности Сынъ, Который говоритъ: *дадеся Ми вся́ка власть* (Матѳ. XXVIII, 18); и: *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови* (Іоан. V, 22); и: *Отецъ любитъ Сына и вся даде въ руцѣ Его. Вѣруяй въ Сына иматъ животъ вѣчный* (Іоан. III, 35—36); и еще: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ.... ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще восхощетъ Сынъ открыти* (Матѳ. XI, 27); и еще: *все, еже дастъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ пріидетъ»* (Іоан. VI, 37)? Потомъ еретеки присовокупляютъ: «если бы Онъ былъ, какъ утверждаете, Сыномъ по естеству, то не имѣлъ бы нужды пріимать, но, какъ Сынъ, имѣлъ бы сіе по естеству. Или, какъ можетъ быть по естеству истинною силою Отчею, Кто во время страданій говоритъ: *нынѣ душа Моя возмутися, и что реку? Отче, спаси Мя отъ часа сего, но сего ради пріидохъ на часъ сей. Отче, прослави имя Твое. Пріиде же гласъ съ небесе: и прославихъ, и паки прославлю* (Іоан. XII, 27—28)? Подобно также сему сказалъ Онъ: *Отче, аще возможно есть, да мимоидетъ чаша сія* (Матѳ. XXVI, 39). *И сія рекъ Іисусъ возмутися духомъ, и свидѣтелствова и рече: аминь, аминь глаголю вамъ, яко единъ отъ васъ предастъ Мя»* (Іоан. XIII, 21). И при семъ говорятъ зломудренные: «если бы Онъ былъ силою, то не страшился бы, но и другимъ подавалъ бы силу». Потомъ говорятъ: «если бы Онъ былъ по естеству истинною и собственною Отчею Премудростію, то почему написано: *Іисусъ преспѣваше*

премудростію и возрастомъ, и благодатію у Бога и человѣкъ (Лук. II, 52)? И пришедши *во страны Кесаріи Филипповы*, спрашивалъ учениковъ: *кого Мя глаголютъ человѣцы быти* (Матѳ. XVI, 13)? И пришедши въ Виѳанію, спрашивалъ: *гдѣ лежитъ Лазарь* (Іоан. XI. 34)? Сверхъ того, говорилъ ученикамъ: *колико хлѣбы имате* (Марк. VI, 38)? Почему же, говорятъ, Тотъ есть Премудрость, Кто преспѣваетъ премудростію, и не знаетъ того, о чемъ желалъ узнать отъ другихъ? Еще же говорятъ они и слѣдующее: «какъ собственнымъ Отчимъ Словомъ, безъ Котораго, какъ мудрствуете вы, Отецъ никогда не былъ, и чрезъ Котораго все творитъ, можетъ быть Тотъ, Кто на крестѣ говоритъ: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* (Матѳ. XXVII, 46)? И прежде сего молится Онъ: *Отче, прослави имя Твое* (Іоан. XII, 28); *прослави Мя, Ты, Отче, славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII, 5), и въ пустынѣ молился, и повелѣлъ ученикамъ: *молитеся, да не внидете въ напасть*, и сказалъ: *духъ бодръ, плоть же немощна* (Матѳ. XXVI, 41), и: *о дни же томъ или о часѣ никтоже вѣсть, ни Ангели, ни Сынъ»* (Марк. XIII, 32). Потомъ опять и въ разсужденіи сего говорятъ сіи жалкіе: «если бы Сынъ, по вашему разумѣнію, существовалъ у Бога вѣчно, то не былъ бы Ему неизвѣстенъ день, напротивъ того, Онъ зналъ бы, какъ Слово, и Соприсущій не былъ бы оставленъ, не сталъ бы просить о пріятіи славы, имѣя ее во Отцѣ, и вообще, не сталъ бы молиться, потомучто, какъ Слово, ни въ чемъ не имѣлъ

бы нужды. Но поелику Онъ—тварь и въ числѣ получившихъ бытіе, то и говорилъ такимъ образомъ, и имѣлъ нужду въ томъ, чего не имѣлъ, потомучто тварямъ свойственно имѣть недостатокъ и нужду въ томъ, чего не имѣютъ».

На подобныя рѣчи отваживаются злочестивые; но разсуждающихъ такъ должно смѣло спросить: почему вообще Слово содѣлалось плотію? Или присовокупить еще: какъ Ему, будучи Богомъ, можно было содѣлаться человѣкомъ? Или: какъ Безплотный могъ понести на Себѣ тѣло? Или, и по-Іудейски сказать съ Каіафою: почему вообще Христосъ, будучи человѣкомъ, творилъ Себя Богомъ? Такъ, или подобно сему роптали тогда Іудеи, взирая на Христа, а нынѣ аріане, читая о Немъ, не вѣруютъ и впадаютъ въ хулы. Если кто, сличивъ слова тѣхъ и другихъ, подвергнетъ ихъ изслѣдованію, то непремѣнно найдетъ, что тѣ и другіе вдаются въ то же невѣріе, у тѣхъ и у другихъ равная дерзость нечестія, у тѣхъ и у другихъ общая пря съ нами. Іудеи говорили: какъ, будучи человѣкомъ, можетъ быть Богомъ? Аріане же говорятъ: если былъ истинный Богъ отъ Бога, то какъ могъ содѣлаться человѣкомъ? И какъ Іудеи соблазнялись и посмѣвались, говоря: не претерпѣлъ бы Онъ креста, если бы Божій былъ Сынъ, —такъ аріане, ставъ прямо съ ними въ рядъ, говорятъ намъ: какъ смѣете вы называть собственнымъ Словомъ Отчей сущности Имѣющаго тѣло, почему и претерпѣлъ сіе? Потомъ, какъ Іудеи искали убить Господа за то, что Бога

называлъ Отцемъ Своимъ и творилъ Себя равнымъ Богу, дѣлая то же, что̀ дѣлаетъ Отецъ,—такъ аріане и сами научились говорить: не равенъ Онъ Богу. Богъ не собственный по естеству Отецъ Слова, и ищутъ смерти тѣхъ, которые не такъ думаютъ. И еще Іудеи говорятъ: *не Сей ли есть Сынъ Іосифовъ, Егоже мы знаемъ отца и Матерь? како убо глаголетъ: прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь,* и: *съ небесе снидохъ* (Іоан. VI, 42; VIII, 58)? Внимаютъ имъ и аріане, равнымъ образомъ говоря: какъ можетъ быть Словомъ или Богомъ, Кто, какъ человѣкъ, спитъ, плачетъ, спрашиваетъ? Тѣ и другіе за то, что̀ въ Спасителѣ было человѣческаго по причинѣ носимой Имъ на Себѣ плоти, отрицаютъ вѣчность и Божество Слова. Итакъ, поелику такое безуміе есть Іудейское, и Іудейское занятое у предателя Іуды, то пусть аріане или явно исповѣдуютъ себя учениками Каіафы и Ирода, не прикрывая Іудейства именемъ Христіанства, и совершенно, какъ говорили мы и прежде, отрицаютъ пришествіе Спасителя во плоти (это мудрованіе свойственно ихъ ереси); или, если, въ угожденіе Констанцію и обольщеннымъ ими, боятся явно іудействовать и обрѣзаться, то не говорятъ свойственнаго Іудеямъ. Ибо справедливо—отвращаться мудрованія тѣхъ, отъ имени которыхъ отказываются.

Да будетъ же извѣстно аріанамъ, что мы Христіане. Мы Христіане, и намъ свойственно хорошо понимать сказанное о Спасителѣ въ Евангеліяхъ, и какъ вмѣстѣ съ Іудеями не метать въ Него камнями,

если слышимъ о Божествѣ и о Его вѣчности, такъ вмѣстѣ съ вами не соблазняться тѣми смиренными реченіями, какія ради насъ употребляетъ, какъ человѣкъ. Посему, если и вы желаете быть Христіанами, то отложите аріево безуміе, и слухъ свой, оскверненный хульными реченіями, омойте словесами благочестія, зная, что, какъ-скоро, переставъ быть аріанами, оставите зломудріе нынѣшнихъ Іудеевъ, тотчасъ, какъ изъ тьмы, возсіяетъ вамъ истина, и не будете уже укорять насъ, что признаемъ двухъ вѣчныхъ, но и сами узнаете, что Господь есть истинный и по естеству Божій Сынъ, и познается не просто вѣчнымъ, но соприсущимъ Отчей сущности. Ибо именуются вѣчными и такія вещи, которыхъ Онъ есть Зиждитель. Такъ, въ псалмѣ двадцать-третьемъ написано: *возмите врата князи ваша, и возмитеся, врата вѣчная* (Псал. XXIII, 9); но явно, что и сіи врата сотворены Имъ. Если же Онъ есть Зиждитель вѣчнаго, то можетъ ли кто изъ насъ сомнѣваться еще, что Онъ превыше и сего вѣчнаго? Но Господь познается не столько по вѣчности, сколько по тому, что Онъ Божій есть Сынъ. Ибо будучи Сыномъ, не отлученъ отъ Отца, и не было, когда бы Онъ не былъ, напротивъ того, Онъ всегда, и будучи образомъ и сіяніемъ Отца, имѣетъ и Отчую вѣчность.

Посему, сколько еретики изобличили себя худо понимающими тѣ изреченія, какія выставляли они на видъ, сіе можно видѣть изъ сказаннаго нами прежде кратко; но что и въ разсужденіи изреченій, нынѣ

представляемыхъ ими изъ Евангелій, разумѣніе ихъ оказывается неосновательнымъ, сіе удобно можно видѣть, если и теперь особенно обратимся къ цѣли нашей христіанской вѣры, и принявъ ее для себя за правило, будемъ, какъ сказалъ Апостолъ, *внимательны къ чтенію Богодухновеннаго Писанія* (1 Тимоѳ. IV, 13). Ибо христоборцы, не уразумѣвъ сей цѣли, совратились съ пути истины и преткнулись *о камень претыканія* (Римл. IX, 23), мудрствуя паче, нежели какъ должно мудрствовать. Итакъ, цѣль сія и отличительная черта Святаго Писанія, какъ неоднократно говорили мы,—возвѣстить намъ о Спасителѣ двѣ истины: что Онъ всегда былъ Богъ, и есть Сынъ, будучи Словомъ, сіяніемъ и Премудростію Отца, и что напослѣдокъ, ради насъ принявъ на Себя плоть отъ Дѣвы Богородицы Маріи, содѣлался человѣкомъ. И можно находить, что сіе дается разумѣть во всемъ Богодухновенномъ Писаніи, какъ сказалъ Самъ Господь: *испытайте Писаній, яко та суть свидѣтелствующая о Мнѣ* (Іоан. V, 39). Но чтобы, собирая во едино всѣ изреченія, не написать много, удовольствуемся тѣмъ, что, вмѣсто всѣхъ мѣстъ, приведемъ на память слѣдующія. Іоаннъ говоритъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово, Сей бѣ искони къ Богу. Вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 1—4); потомъ: *Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, яко единороднаго отъ Отца* (14). И Павелъ пишетъ: *Иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева равенъ быти Богу, но Себе ума-*

лилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя (Филип. II, 6—8). Ибо кто, начавъ съ сего, съ тою же мыслію пройдетъ все Писаніе, тотъ увидитъ, какъ въ началѣ сказалъ Слову Отецъ: *да будетъ свѣтъ* (Быт. I, 4), *да будетъ твердь* (6), *сотворимъ человѣка* (26), при скончаніи же вѣковъ *посла Его въ міръ, не да судитъ мірови, но да спасется Имъ міръ* (Іоан. III, 17); и написано: *се, Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемо: съ нами Богъ* (Матѳ. I, 23). Посему, читающій Божественное Писаніе да изучаетъ и ветхозавѣтныя изреченія, и въ Евангеліяхъ да усматриваетъ Господа, содѣлавшагося человѣкомъ. Ибо сказано: *Слово плоть бысть, и вселися въ ны.*

Слово содѣлалось человѣкомъ, а не снизошло въ человѣка. И сіе необходимо знать, чтобы злочестивые, остановившись на семъ, не обольстили иныхъ и обольщенные не подумали, что, какъ въ прежнія времена въ каждомъ изъ святыхъ было Слово, такъ и нынѣ низошло Оно въ человѣка, и освятило его, и явилось въ немъ, какъ и въ прочихъ людяхъ. Ибо если бы такъ это было, и Слово явилось только въ человѣкѣ, то не было бы въ семъ ничего необыкновеннаго, и видящіе не дивились бы и не стали говорить: *кто есть Сей* (Матѳ. VIII, 27)? И почему *Ты, человѣкъ сый, твориши Себе Бога* (Іоан. X, 33)? Привычно было для нихъ слышать, что было Слово

Господне къ каждому пророку. Поелику же теперь Само Божіе Слово, *Имже вся быша,* снизошло до того, что содѣлалось и Сыномъ Человѣческимъ, и смирило Себя, зракъ раба пріимъ, то посему Іудеямъ крестъ Христовъ есть соблазнъ, намъ же *Хрістосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 КориӨ. I, 24). Ибо, какъ сказалъ Іоаннъ, *Слово плоть бысть;* Писанію обычно человѣка называть плотію, какъ сказано чрезъ пророка Іоиля: *излію отъ Духа Моего на всяку плоть* (Іоил. II, 28); и какъ Даніилъ сказалъ Астіагу: *не покланяюся кумірамъ руками сотворенныымъ, но живому Богу, сотворшему небо и землю и владущему всякою плотію* (Дан. XIV, 5). И Даніилъ и Іоиль родъ человѣческій называютъ плотію. Итакъ, въ древности къ каждому изъ святыхъ бывало Слово, и освящало пріемлющихъ Его искренно, но когда раждались они,—не говорилось, что Слово содѣлалось человѣкомъ, и когда страдали,—также не говорилось, что Слово пострадало. Когда же отъ Маріи пришелъ *едино въ кончину вѣковъ, во отметаніе грѣха* (Евр. IX, 26), потомучто, такъ благоволивъ, *Отецъ посла Сына Своего, раждаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ* (Галат. IV, 4),—тогда говорится, что Слово, воспріявъ на Себѣ плоть, содѣлалось человѣкомъ, и въ ней (какъ сказалъ Петръ: *Хрісту убо пострадавшу за ны плотію* 1 Петр. IV, 1) пострадало за насъ, чтобы явно стало, и всѣ мы увѣровали, что, всегда будучи Богомъ, освящая тѣхъ, къ кому приходило, и все устрояя по волѣ Отца, напослѣдокъ ради

насъ содѣлалось Слово человѣкомъ, и, какъ говоритъ Апостолъ, *Божество обитало во плоти тѣлеснѣ* (Колос. II, 9). А сіе значитъ, что Слово, будучи Богомъ, имѣло собственное тѣло, и, употребивъ его какъ орудіе, ради насъ содѣлось человѣкомъ.

И поелику Слово было во плоти, то о Немъ сказуется свойственное плоти, напримѣръ: алканіе, жажда, страданіе, утружденіе, и все тому подобное, что̀ удобопріемлемо для плоти. Дѣла же свойственныя Самому Слову, каковы: воскресеніе мертвыхъ, дарованіе прозрѣнія слѣпымъ, изцѣленіе кровоточивой, совершало Оно посредствомъ тѣла Своего. И Слово немощи плоти носило на Себѣ, какъ собственныя, потомучто плоть сія была Его; и плоть служила дѣламъ Божества, потомучто въ ней пребывало Божество, и тѣло было Божіе. Хорошо сказалъ пророкъ: *понесе* (Исаія LIII, 11); не сказалъ: исцѣлилъ наши немощи, чтобы Слову, какъ сущему внѣ тѣла и исцѣлившему только оное, что̀ и всегда дѣлало, не оставить людей снова повинными смерти; но Оно носитъ наши немощи, несетъ наши грѣхи, чтобы видно было, что ради насъ содѣлалось человѣкомъ, и тѣло, на себѣ носяще сіи немощи, есть Его собственное. И какъ Само Слово не потерпѣло вреда, вознесши, какъ сказалъ Петръ, *грѣхи наша на тѣлѣ Своемъ на древо* (1 Петр. II, 24): такъ мы, люди, освободились отъ своихъ страстей и исполнились правды Слова. Посему, когда страдала плоть, не внѣ ея было Слово; почему и страданіе называется Его страда-

ніемъ. И когда Божески творило Оно дѣла Отца,— не внѣ Его была плоть, но опять въ самомъ тѣлѣ творилъ сіе Господь. Потому и содѣлавшись человѣкомъ, говорилъ: *аще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры: аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣло́мъ Моимъ вѣруйте: да разумѣете, яко во Мнѣ Отецъ, и Азъ въ Немъ* (Іоан. X, 37—38). Конечно, когда нужно было возставить Петрову тещу *огнемъ жегому* (Матѳ. VIII, 14), тогда по-человѣчески простеръ руку, а Божески прекратилъ болѣзнь. И слѣпому отъ рожденія отъ плоти человѣческой сотворилъ плюновеніе, и Божески отверзъ очи бреніемъ. И Лазаря, какъ человѣкъ, воззвалъ человѣческимъ гласомъ, а Божески, какъ Богъ, воскресилъ Лазаря изъ мертвыхъ.

Все же такъ дѣлалось и показывало, что не мечтаніемъ, но дѣйствительно имѣлъ тѣло. И Господу, облекшемуся въ плоть человѣческую, прилично было облечься въ совершенную плоть со всѣми свойственными ей страданіями, чтобы, какъ тѣло именуется собственнымъ Его тѣломъ, такъ и тѣлесныя страданія именовались Его только собственными, хотя и не касались Божества Его. Если бы тѣло принадлежало иному, то и страданія именовались бы страданіями сего инаго. А если это—плоть Слова (ибо Слово плоть бысть), то необходимо и страданіямъ плоти именоваться страданіями Того, чья плоть. А кому приписываются страданія, каковы особливо: быть осужденнымъ, быть предану на біеніе, а также жажда,

крестъ, смерть и другія немощи тѣлесныя, того и составляютъ они заслугу и благодать. Посему, сообразно съ истиною и прилично, таковыя страданія приписываются не иному кому, но Господу, чтобы и благодать была отъ Него, и мы содѣлались не služителями иного кого, но истинно богочестивыми; потомучто не кого-либо изъ созданныхъ, не простаго какого человѣка, но по естеству сущаго отъ Бога и истиннаго Сына, и когда содѣлался Онъ человѣкомъ, призываемъ тѣмъ не менѣе именуя Господомъ и Богомъ и Спасителемъ.

Кто жь не подивится сему? Или кто не согласится, что воистину Божіе это дѣло? Ибо если бы дѣла свойственныя Божеству Слова совершились не посредствомъ тѣла, то человѣкъ не былъ бы обоженъ. И наоборотъ, если бы свойственное плоти не приписывалось Слову, то человѣкъ не освободился бы отъ сего совершенно, но хотя, какъ сказали мы прежде, избавился бы не надолго, однакоже въ немъ оставались бы еще грѣхъ и тлѣніе, какъ было это съ людьми, жившими прежде. И это очевидно. Многіе содѣлались святыми и чистыми отъ всякаго грѣха: Іеремія былъ освященъ отъ матерняго чрева (Іерем. I, 5); Іоаннъ, носимый еще во чревѣ, *взыграся радощами* отъ гласа Богородицы Маріи (Лук. I, 44). Однакоже, *царствова смерть отъ Адама даже до Моисеа и надъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адамова* (Римлян. V, 14). А такимъ образомъ, люди тѣмъ не менѣе оставались смертными, тлѣнными, доступными

свойственнымъ естеству страданіямъ. Теперь же, поелику Слово содѣлалось человѣкомъ и Себѣ усвоило свойственное плоти, сіе не касается уже тѣла по причинѣ бывшаго въ тѣлѣ Слова, но истреблено Имъ, и люди не остаются уже грѣшными и мертвыми по своимъ страстямъ, но, воставъ силою Слова, навсегда пребываютъ безсмертными и нетлѣнными. Посему, когда раждается плоть отъ Богородицы Маріи, родившимся именуется Тотъ, Кто другимъ даетъ бытіе, чтобы на Себя перенести Ему наше рожденіе, и намъ, какъ единой землѣ, не отходить въ землю, но, сочетавшись съ Словомъ, Которое съ неба, отъ Него быть возведенными на небо. Посему не безъ причины перенесъ Онъ на Себя также и прочія немощи тѣла, чтобы мы уже не какъ человѣки, но какъ свои Слову, стали причастниками вѣчной жизни. Ибо не умираемъ уже по прежнему бытію во Адамѣ, но поелику бытіе наше и всѣ тѣлесныя немощи перенесены на Слово, то возстаемъ отъ земли по разрѣшеніи клятвы за грѣхъ Тѣмъ, Кто въ насъ и за насъ содѣлался клятвою. И сіе справедливо. Какъ всѣ мы отъ земли сущіе умираемъ въ Адамѣ, такъ, возродившись свыше водою и Духомъ, всѣ оживотворяемся во Христѣ, потомучто плоть наша есть уже какъбы не земная, но съ Словомъ приведенная въ тождество Самимъ Божіимъ Словомъ, Которое ради насъ *плоть бысть*.

Но чтобы точнѣе уразумѣть и безстрастіе естества въ Словѣ, и немощи, приписываемыя Ему по

причинѣ плоти, хорошо выслушать блаженнаго Петра. Ибо онъ можетъ быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ о Спасителѣ. Итакъ пишетъ онъ въ своемъ посланіи. говоря: *Христу убо пострадавшу за ны плотію* (1 Петр. IV, 1). Слѣдовательно, когда сказуется о Христѣ, что алчетъ, жаждетъ, утруждается, не знаетъ, спитъ, плачетъ, проситъ, убѣгаетъ, раждается, отказывается отъ чаши, и вообще, приписывается Ему все свойственное плоти, каждый разъ справедливо будетъ повторять то же. Такъ, Христосъ алчетъ и жаждетъ *за ны плотію;* именуетъ Себя незнающимъ, заушается и утруждается *за ны плотію:* и еще, возносится на крестъ (Іоан. XII, 37), раждается, возрастаетъ *плотію;* страшится, скрывается *плотію;* говоритъ: *аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія* (Матѳ. XXVI, 39), терпитъ біеніе, пріемлетъ раны *плотію;* и вообще, все подобное сему воспріемлетъ на Себя *плотію.* Посему и самъ Апостолъ сказалъ: *Христу убо пострадавшу,* не Божествомъ, но: *за ны плотію,* чтобы разумѣемы были страданія, не Самому Слову по естеству свойственныя, но свойственныя по естеству самой плоти. Поэтому, никто да не соблазняется тѣмъ, что въ Господѣ есть человѣческое, а напротивъ того, да знаетъ, что Само Слово по естеству безстрастно, и однакоже, по причинѣ плоти, въ которую облеклось Оно, сказуется о Немъ это; потомучто свойственно сіе плоти, а тѣло стало собственнымъ тѣломъ Спасителя. И Онъ, какъ безстрастный по естеству, и пребываетъ безстрастнымъ, не терпя отъ сего вреда, но паче, уни-

чтожая и истребляя все сіе; люди же, такъ-какъ немощи ихъ перешли на Безстрастнаго и истреблены, и сами уже на вѣки дѣлаются безстрастными и свободными отъ немощей, какъ учитъ Іоаннъ, говоря: *и вѣсте, яко Онъ явися, да грѣхи наша возметъ, и грѣха въ Немъ нѣсть* (1 Іоан. III, 5).

Поелику сіе такъ, то никто изъ еретиковъ не будетъ вопіять: почему возстанетъ плоть по природѣ смертная? Почему, если возстанетъ, опять не будетъ алкать, жаждать, страдать, и не останется смертною? Почему, хотя она изъ земли произошла, прекратится въ ней тò, чтò ей естественно? Иначе, плоть могла бы отвѣчать такому упорному еретику: «хотя я изъ земли, по природѣ смертная, но впослѣдствіи стала плотію Слова; Само Слово, хотя Оно безстрастно, понесло на Себѣ мои страданія, и я сдѣлалась, свободною отъ нихъ, и отъ рабства имъ уволена освободившимъ меня отъ нихъ Господомъ. Если вопіешь на то, что избавилась я отъ естественнаго тлѣнія, то смотри, не вздумай вопіять и на то, что Слово Божіе восприяло на Себя мой рабскій образъ». Какъ Господь, облекшись плотію, содѣлался человѣкомъ, такъ мы люди, воспріятые Словомъ, обожаемся ради плоти Его и уже наслѣдуемъ вѣчную жизнь.

Сіе по необходимости подвергли мы предварительному изслѣдованію, чтобы намъ, если увидимъ Спасителя божески что-либо совершающаго, или изрекающаго, орудіемъ собственнаго тѣла Своего, разумѣть, что дѣлаетъ Онъ сіе, какъ Богъ; и опять, если

увидимъ Его по-человѣчески говорящаго, или страждущаго, не оставаться въ невѣдѣніи, что, понесши на Себѣ плоть, содѣлался Онъ человѣкомъ, и такимъ образомъ дѣлаетъ и говоритъ это. Зная свойственное тому и другому естеству, видя и разумѣя, что тò и другое совершается однимъ, право будемъ вѣровать и никогда не впадемъ въ заблужденіе. Если же кто, взирая на совершаемое Словомъ божески, будетъ отрицать тѣло, или, взирая на свойственное тѣлу, будетъ отрицать плотское пришествіе Слова, или по человѣческимъ дѣйствіямъ Слова станетъ думать о Немъ низко,—то таковый, какъ Іудейскій корчемникъ, мѣшая вино съ водою, почтетъ крестъ соблазномъ, а какъ язычникъ, признаетъ проповѣдь буйствомъ. Сіе и постигло богоборцевъ аріанъ. Ибо, взирая на человѣческія дѣла Спасителя, почли Его тварію. Посему, и взирая на Божескія дѣла Слова, надлежало имъ отрицать бытіе тѣла Его и сопричислить уже себя къ манихеямъ.

Но пусть, хотя поздно, вразумятся они, что *Слово плоть бысть*; а мы, держась цѣли вѣры, признаемъ имѣющимъ правильный смыслъ то, чтò понимаютъ они худо. Сказанное: *Отецъ любитъ Сына и вся даде въ руцѣ Его* (Іоан. III, 35), и: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ* (Матѳ. XI, 26), и: *не могу Азъ о Себѣ творити ничесоже. Якоже слышу, сужду* (Іоан. V, 30), и всѣ подобныя симъ изреченія показываютъ не тò, что Сынъ нѣкогда не имѣлъ сего. И почему же того, чтò имѣетъ Отецъ, не имѣло вѣчно единое по сущ-

ности Отчее Слово и Премудрость, не имѣлъ Тотъ. Кто говоритъ: *вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть,* и Мое принадлежитъ Отцу (Іоан. XVI, 15; XVII, 10)? Если, чтò принадлежитъ Отцу, тò принадлежитъ и Сыну, а Отецъ имѣетъ это всегда,—то явно, что все, чтò имѣетъ Сынъ, поколику сіе принадлежитъ Отцу, всегда есть въ Сынѣ. Итакъ, не потому сказалъ сіе, что нѣкогда не имѣлъ, но потому, что Сынъ, чтò ни имѣетъ, имѣя сіе вѣчно, имѣетъ отъ Отца. Чтобы иный, видя Сына имѣющимъ все, чтò имѣетъ Отецъ, и введенный въ заблужденіе симъ безразличнымъ подобіемъ и тождествомъ того, чтò имѣетъ, не вознечествовалъ, какъ Савеллій, и не почелъ Сына Отцемъ,—говорилъ Сынъ: *дадеся Ми* (Матѳ. XXVIII, 18), и: *пріяхъ* (Іоан. X, 18), и: *Мнѣ предана суть,* показывая симъ тò одно, что Онъ не Отецъ, но Отчее Слово и вѣчный Сынъ, по подобію со Отцемъ вѣчно имѣющій тò, чтò имѣетъ отъ Отца. Поелику же Онъ Сынъ, то отъ Отца имѣетъ все, чтò ни имѣетъ у Себя вѣчно.

А что реченія: *дадеся, предана,* и подобныя симъ не умаляютъ Божества въ Сынѣ, напротивъ же того, болѣе доказываютъ, что Онъ истинно Сынъ, сіе можно дознать изъ самыхъ сихъ изреченій. Ибо если *вся предана* Ему, то во-первыхъ отличенъ Онъ отъ всего, чтò пріялъ; а потомъ, будучи наслѣдникомъ всего, есть единственный и собственный по сущности Отчій Сынъ. А если бы Онъ былъ одинъ изъ всѣхъ, то не былъ бы наслѣдникомъ всего, но и каждый

пріималъ бы, сколько восхотѣлъ бы и далъ Отецъ. Теперь же Онъ, пріемля все, есть иный отъ всего, и единственный собственный Отчій Сынъ.

А что реченія: *дадеся* и *предана* и всѣ имъ подобныя не показываютъ, что Сынъ нѣкогда не имѣлъ,— сіе можно видѣть изъ другаго подобнаго изреченія. Самъ Спаситель говоритъ: *якоже Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ Себѣ* (Іоан. V, 26). Словомъ: *даде* даетъ разумѣть о Себѣ, что Онъ не Отецъ, а словомъ: *тако* показываетъ естественное подобіе и единство Сына со Отцемъ. Поэтому, если было, когда не имѣлъ Отецъ, то явно, что было, когда не имѣлъ и Сынъ. Ибо какъ имѣетъ Отецъ, такъ имѣетъ и Сынъ. А если нечестиво— говорить это, гораздо же благочестивѣе — сказать, что Отецъ всегда имѣетъ, то, когда говоритъ Сынъ, что, какъ имѣетъ Отецъ, такъ имѣетъ и Сынъ, совмѣстно ли съ чѣмъ утверждать еретикамъ, что Онъ имѣетъ не такъ, но иначе? Посему, болѣе достойно вѣры Слово, и всегда имѣя все то̀, что̀ именуетъ Себя пріявшимъ, имѣетъ это отъ Отца. Отецъ имѣетъ не отъ кого-либо, а Сынъ имѣетъ отъ Отца. Какъ въ разсужденіи сіянія, если самое сіяніе скажетъ: «свѣтъ далъ мнѣ освѣщать всякое мѣсто, и я освѣщаю не отъ себя, но какъ хочетъ сіе свѣтъ», то, говоря сіе, покажетъ не то̀, что нѣкогда не имѣло оно сего, а напротивъ слѣдующее: «я собственность свѣта, и все, что̀ принадлежитъ ему, есть мое»; такъ, и еще въ большей мѣрѣ, должно представлять себѣ

и о Сынѣ. Отецъ, все давъ Сыну, все опять Самъ имѣетъ въ Сынѣ. И когда имѣетъ Сынъ, Отецъ опять имѣетъ это, потомучто Божество Сына есть Божество Отца. Такъ, Отецъ въ Сынѣ промышляетъ о всемъ. Посему, таковъ смыслъ подобныхъ симъ изреченій.

А что касается до сказаннаго о Спасителѣ почеловѣчески, то и сіе также имѣетъ благочестивый смыслъ. Ибо для того и входили мы въ изслѣдованіе таковыхъ реченій, чтобы намъ,—если услышимъ Его спрашивающаго: гдѣ лежитъ Лазарь, и когда, пришедши въ предѣлы Кесаріи, вопрошаетъ Онъ: *кого Мя глаголютъ человѣцы быти* (Матѳ. XVI, 13)? и: *колико хлѣбы имате* (Марк. VI, 38)? и: *что хощета, да сотворю вама* (Матѳ. XX, 32)?—изъ сказаннаго прежде всего уразумѣвать правильный смыслъ сихъ изреченій и не соблазняться подобно христоборнымъ аріанамъ. И во-первыхъ, симъ нечестивымъ должно сказать слѣдующее: почему думаютъ, что Спаситель не знаетъ? Кто спрашиваетъ, тотъ не по незнанію непремѣнно спрашиваетъ; напротивъ того, и вѣдущему можно спрашивать о томъ, что̀ знаетъ. И дѣйствительно, Іоаннъ о Христѣ, вопрошающемъ: *колико хлѣбы имате?* зналъ, что Онъ не былъ въ невѣдѣніи, а напротивъ вѣдалъ сіе. Ибо говоритъ: *сіе же глаголаше искушая* Филиппа: *Самъ бо вѣдяше, что хощетъ сотворити* (Іоан. VI, 6). А если зналъ, что̀ творилъ, то и спрашивалъ не по невѣдѣнію, но зная. А подобно сему, должно понимать и другія таковыя же изреченія, именно, когда спрашивалъ Господь: *гдѣ*

*

лежитъ Лазарь? или: *кого Мя глаголютъ человѣцы быти?*— спрашивалъ не какъ незнающій, но зналъ то, о чемъ спрашивалъ, вѣдая, чтò хощетъ сотворити. А такимъ образомъ, ухищреніе еретиковъ немедленно ниспровергается.

Если же еще будутъ упорствовать въ разсужденіи того, что Христосъ спрашивалъ, то пусть слышатъ, что въ Божествѣ нѣтъ невѣдѣнія, а плоти, какъ сказано, свойственно невѣдать. И что сіе справедливо, то смотри, какъ Господь, вопрошавшій: *гдѣ лежитъ Лазарь?* когда не былъ еще на мѣстѣ, а находился далеко, говорилъ: *Лазарь умре* (Іоан. XI, 14), и сказывалъ, гдѣ умеръ. И Кого еретики почитаютъ невѣдущимъ, Тотъ предузнаетъ помышленія учениковъ, вѣдаетъ, чтò въ сердцѣ у каждаго и чтò въ человѣкѣ; а чтò еще важнѣе, Онъ одинъ знаетъ Отца и говоритъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. XIV, 10). Итакъ, не для всякаго ли очевидно, что невѣдѣніе свойственно плоти, Само же Слово, поколику Оно— Слово, знаетъ все и прежде событія. Оно, и когда содѣлалось человѣкомъ, не перестало быть Богомъ, и не избѣгаетъ человѣческаго, потомучто Оно—Богъ. Да не будетъ сего. Напротивъ же того, будучи Богомъ, пріяло на Себя плоть, и будучи во плоти, обожило плоть. И какъ вопрошало во плоти, такъ въ ней же и воскресило мертваго, и всѣмъ показало, что Животворящій мертвыхъ и воззывающій душу тѣмъ паче знаетъ тайны всѣхъ. Оно вѣдало, гдѣ лежитъ Лазарь, однакоже вопрошало. Поступило же такъ все ради насъ претерпѣвшее всесвятѣйшее Бо-

жіе Слово, чтобы такимъ образомъ понести на Себѣ и невѣдѣніе наше, даровать намъ познаніе единаго истиннаго Его Отца и Его Самого, ради насъ посланнаго во спасеніе всѣхъ;—а выше этой милости и быть ничего не можетъ.

Посему и объ изреченіяхъ, представляемыхъ еретиками, когда говоритъ Спаситель: *дадеся Ми власть* (Матѳ. XXVIII, 18), и: *прослави Сына Твоего* (Іоан. XVII, 1); и когда Петръ говоритъ: *дана Ему власть*, знаемъ, что все сказано въ томъ же смыслѣ, потомучто говорится все сіе по-человѣчески, по причинѣ тѣла. Ибо, хотя не имѣетъ нужды, однакоже сказуется какъ-бы Самъ пріявшимъ, что̀ пріялъ по человѣчеству, чтобы опять, такъ-какъ пріемлетъ Господь, и такъ-какъ на Немъ почиваетъ даяніе, твердою пребывала благодать. Простый человѣкъ, пріявъ, можетъ и лишиться пріятаго: и сіе видно стало на Адамѣ, потомучто онъ, пріявъ, утратилъ. Но чтобы благодать содѣлалась неотъемлемою и постоянно соблюлась у людей, для этого Онъ присвояетъ Себѣ даяніе, какъ человѣкъ, называетъ Себя пріявшимъ власть, которую всегда имѣетъ, какъ Богъ; прославляющій другихъ говоритъ: *прослави Мя*, желая показать, что имѣетъ плоть, которой нужно прославленіе. Посему, когда пріемлетъ плоть, поелику пріемлющая плоть въ Немъ, и пріявъ оную, содѣлался Онъ человѣкомъ, то Себя именуетъ какъ-бы пріявшимъ. Итакъ, если, какъ говорено было неоднократно, Слово не содѣлалось человѣкомъ, то пусть, по словамъ ва-

шимъ, Слову принадлежитъ и пріятіе, и нужда въ прославленіи, и невѣдѣніе. А если содѣлалось человѣкомъ (ибо и дѣйствительно содѣлалось), то человѣку принадлежитъ и пріять, и имѣть нужду, и не вѣдать.

Почему же Дающаго почитаемъ пріемлющимъ, о Томъ, Кто снабдѣваетъ другихъ, предполагаемъ, что имѣетъ нужду, и Слово, какъ несовершенное и имѣющее нужду, отдѣляемъ отъ Отца, а человѣчество лишаемъ благодати? Если Само Слово, поколику Оно—Слово, ради Себя и пріемлетъ и прославлено, если Оно по Божеству прославлено и воскресло, то какая надежда людямъ? Они, какъ и были, остаются нагими, и жалкими, и мертвыми, ни мало не участвующими въ дарованномъ Сыну. Для чего же Слово и приходило и *плоть бысть?* Если для пріятія того, что̀, говоритъ Оно, приняло, ежели прежде не имѣло сего, то по необходимости Оно должно благодарить тѣло, потомучто, когда стало съ тѣломъ, тогда приняло отъ Отца, чего не имѣло до снисшествія въ плоть; а изъ сего оказывается, что Оно Само паче усовершилось чрезъ тѣло, нежели тѣло чрезъ Него. Но это—іудейское мудрованіе. А если Слово приходило искупить родъ человѣческій, и чтобы людей освятить и обожить, *Слово плоть бысть* (ибо для сего и стало Оно плотію),—то кому уже не явно, что если именуетъ Себя пріявшимъ что-либо, когда стало плотію, то именуетъ относительно не къ Себѣ, но къ плоти? Во плоти былъ Именующій Себя пріявшимъ; плоти и дарованія были даны чрезъ Него Отцемъ.

Разсмотримъ же, что̀ такое было, чего просилъ Онъ Себѣ, и вообще, что̀ такое именовалъ Онъ Себя пріявшимъ, чтобы хотя этимъ могли быть пристыждены еретики. Итакъ, просилъ Себѣ славы и сказалъ: *вся Мнѣ предана быша* (Лук. X, 22). И по воскресеніи говоритъ, что пріялъ всякую власть. Но и прежде нежели сказалъ: *вся Мнѣ предана быша,* былъ Господомъ всего: ибо *вся Тѣмъ быша* (Іоан. I, 3), и *единъ Господь, Имже вся* (1 Коринѳ. VIII, 6). И прося славы, былъ и есть Господомъ славы, какъ говоритъ Павелъ: *аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Коринѳ. II, 8). Ибо имѣлъ и ту славу, о какой просилъ, говоря: *славою, юже имѣхъ у Тебе, прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII, 5). И ту власть, какую пріявшимъ Себя наименовалъ по воскресеніи, имѣлъ прежде сего пріятія и прежде воскресенія, потомучто Самъ отъ Себя запрещалъ сатанѣ, говоря: *иди за Мною, сатано* (Матѳ. IV, 10), ученикамъ же далъ надъ нимъ власть, когда возвратившимся имъ сказалъ: *видѣхъ сатану яко молнію съ небесе спадша* (Лук. X, 18). Но что̀ и еще именовалъ Себя пріявшимъ, то̀ оказывается имѣвшимъ и до пріятія, потомучто изгонялъ бѣсовъ, Самъ разрѣшалъ, что̀ было связано сатаною, какъ учинилъ сіе надъ дщерію Авраамлею (Лук. XIII, 16); отпускалъ грѣхи, говоря разслабленному и женѣ, помазавшей ноги: *отпущаются грѣси твои* (Матѳ. IX, 2. Лук. VII, 48); воскрешалъ мертвыхъ; обновилъ бытіе слѣпаго, даровавъ ему зрѣніе, и совершилъ это, не отложивъ до

того времени, когда пріиметъ, но какъ властитель. Почему и изъ сего явствуетъ, что, содѣлавшись человѣкомъ и по воскресеніи, то самое, что́ имѣлъ Онъ, какъ Слово, именуетъ Себя пріявшимъ по человѣчеству, чтобы чрезъ Него люди на землѣ, какъ содѣлавшіеся причастниками Божественнаго естества, имѣли наконецъ власть надъ бѣсами, а на небесахъ, какъ освободившіеся отъ тлѣнія, вѣчно царствовали. Вообще же надобно знать, что если именуетъ Себя пріявшимъ что-либо, не какъ неимѣвшій пріялъ Онъ сіе, потомучто Слово, будучи Богомъ, имѣло это всегда, именуется же теперь пріемлющимъ по человѣчеству, чтобы, по пріятіи сего плотію въ Немъ, отъ нея уже твердымъ пребыло и въ насъ. Такой имѣетъ смыслъ и сказанное Петромъ: *пріемь отъ Бога честь и славу* (2 Петр. I, 17), *покоршымся Ему Ангеломъ* (1 Петр. III, 22). Какъ по человѣчеству Онъ вопрошалъ и по Божеству воскресилъ Лазаря, такъ говорится по человѣчеству о Немъ: *пріемъ;* покорность же Ангеловъ доказываетъ Божество Слова.

Поэтому, умолкните, богоненавистники, и не унижайте Слова, не отъемлите у Него единаго со Отцемъ Божества, какъ у имѣющаго въ чемъ-либо нужду, или у невѣдущаго, чтобы не возвергнуть вамъ на Христа своихъ недостатковъ, какъ сдѣлали Іудеи, метавшіе тогда въ Него камнями. Все сіе принадлежитъ не Слову, какъ Слову, но свойственно человѣкамъ. И какъ слыша, что онъ *плюну* (Іоан. IX, 6),

простеръ руку (Матѳ. VIII, 3), воззвалъ Лазаря, дѣйствія сіи, хотя и совершены они съ помощію тѣла, называемъ не человѣческими, но Божіими,—такъ, если въ Евангеліи о Спасителѣ сказуется что-либо человѣческое, то вникая опять въ свойство сказуемаго и находя сіе чуждымъ Богу, приписываемъ это не Божеству Слова, но Его человѣчеству. Ибо, хотя *Слово плоть бысть,* но немощи суть собственность плоти; и хотя плоть стала богодвижима въ Словѣ, но благодать и сила принадлежатъ Слову. Дѣла Отчія совершалъ Онъ съ помощію плоти, и тѣмъ не менѣе видимы также были въ Немъ немощи плоти. Такъ Онъ вопрошалъ—и воскресилъ Лазаря; возражалъ Матери, говоря: *не у пріиде часъ Мой* (Іоан. II, 4),—и въ то же время содѣлалъ воду виномъ, потомучто во плоти былъ истинный Богъ, и Слово имѣло истинную плоть. Посему, дѣлами давалъ познавать и Себя—Сына Божія, и Отца Своего; а немощами плоти показывалъ, что носитъ на Себѣ истинное тѣло, и что оно есть Его собственное.

Поелику же приведено это въ ясность, то изслѣдуемъ и сіе изреченіе: *о дни же и о часѣ никтоже вѣсть, ни Ангели, ни Сынъ* (Марк. XIII, 32). Ибо еретики, всего болѣе оставаясь въ великомъ о семъ невѣдѣніи и омрачаясь при семъ смысломъ, думаютъ имѣть въ этомъ сильный предлогъ къ своей ереси. Но мнѣ кажется, что они, представляя сіе въ предлогъ и ища себѣ въ этомъ опоры, снова богоборствуютъ, какъ исполины. Ибо Господь неба и земли,

Имже вся быша (Іоан. I, 3), судится *о дни и часѣ,* всевѣдущее Слово обвиняется ими, какъ незнающее о днѣ, вѣдающій Отца Сынъ именуется незнающимъ часа во дни. Можно ли кому сказать что-либо сего малосмысленнѣе? Или какое безуміе можно сравнить съ ихъ безуміемъ? Словомъ произведено все, и годы, и времена, и ночь, и день, и вся тварь; и Зиждитель именуется незнающимъ созданія! Самая связь рѣчи въ представленномъ мѣстѣ показываетъ, что Сынъ Божій знаетъ *день и часъ,* хотя аріане и претыкаются о невѣдѣніе. Сказавъ: *ни Сынъ,* описываетъ ученикамъ предшествующее дню, говоря: будетъ то̀ и то̀, *и тогда кончина* (Матѳ. XXIV, 14). Но Кто говоритъ о предшествующемъ днѣ, Тотъ, конечно, знаетъ и день, который явится послѣ предсказаннаго. А если бы не зналъ часа,—не могъ бы означить и предшествующаго часу, не зная, когда будетъ часъ сей. Какъ, если кто иный, желая незнающимъ обозначить домъ или городъ, опишетъ, что̀ предъ домомъ или городомъ, обозначивъ же все это, скажетъ: «потомъ вскорѣ и городъ или домъ»,—то, безъ сомнѣнія, обозначающій знаетъ, гдѣ этотъ домъ или городъ; а если бы не зналъ, то не сталъ бы обозначать, что̀ предъ ними, чтобы по незнанію или слушающихъ не завести куда далеко, или самому, говоря это, не ошибиться и не обмануться въ обозначеніи: такъ Господь, говоря о предшествующемъ *дню и часу,* въ точности зналъ, и не можетъ не имѣть вѣдѣнія о томъ, когда настанетъ сей *часъ и день.*

Почему же, зная, не сказалъ тогда ученикамъ явно? Никто не долженъ допытываться, о чемъ Самъ Онъ умолчалъ. *Кто бо разумѣ умъ Господенъ? или кто совѣтникъ Ему бысть* (Римлян. XI, 34)? Почему же, зная, сказалъ, что не знаетъ и Сынъ? Извѣстно, думаю, всякому вѣрующему, что и сіе сказалъ не по иному чему, но какъ человѣкъ, по причинѣ плоти. Не есть это недостатокъ Слова, но человѣческому естеству свойственно и не знать. И сіе опять вполнѣ можно уразумѣть, если кто съ благою совѣстію изслѣдуетъ время, когда и кому сказалъ сіе Спаситель. Итакъ, сказалъ Онъ сіе не тогда, какъ приведено Имъ въ бытіе небо, не тогда, какъ Слово устрояло все у самого Отца, и не прежде того, какъ содѣлалось человѣкомъ, но когда *Слово плоть бысть.* Поэтому и все, что̀ Слово, послѣ того, какъ содѣлалось человѣкомъ, говоритъ по-человѣчески, справедливо относитъ къ человѣчеству. Ибо Слову свойственно знать сотворенныя вещи и не имѣть невѣдѣнія о началѣ и концѣ ихъ, потомучто твари—Его дѣло. И Слово знаетъ, сколько тварей произвело Оно, и долго ли существовать имъ. Зная же начало и конецъ каждой твари, безъ сомнѣнія, знаетъ рѣшительный и общій конецъ всего. Говоря въ Евангеліи о Себѣ по человѣчеству: *Отче, пріиде часъ: прослави Сына Твоего* (Іоан. XVII, 1), конечно, какъ Слово, знаетъ и часъ общаго конца, не знаетъ же какъ человѣкъ, потомучто человѣку свойственно не знать, особливо сего не знать. Но и это названіе усвоено Спасителемъ по

человѣколюбію; ибо, когда Господь содѣлался человѣкомъ, не стыдится, по причинѣ незнающей плоти, говорить о Себѣ: не знаю, желая показать, что, вѣдая какъ Богъ, не знаетъ по плоти. Не сказалъ: не знаетъ и Сынъ Божій, чтобы не оказалось невѣдущимъ Божество, но говоритъ просто: *ни Сынъ,* чтобы невѣдѣніе относилось къ Сыну Человѣческому. Посему, говоря объ Ангелахъ, не простирается выше, и не сказалъ: *ни Духъ Святый,* но умолчалъ, дѣлая тѣмъ двоякое указаніе, что, если знаетъ Духъ, тѣмъ паче, какъ Слово, знаетъ Слово, отъ котораго и Духъ пріемлетъ (Іоан. XVI, 14); и что, умолчавъ о Духѣ. дѣлаетъ явнымъ, что о человѣческомъ Своемъ служеніи сказалъ: *ни Сынъ.*

Въ доказательство же того, что сказанное *ни Сынъ вѣсть* относится къ человѣчеству, показываетъ вмѣстѣ, что по Божеству вѣдаетъ Онъ все. Ибо о Томъ же Сынѣ, о Которомъ сказалъ, что не знаетъ *часа,* говоритъ, что знаетъ Онъ Отца. *Ни Отца,* сказано, *кто знаетъ, токмо Сынъ* (Матѳ. XI, 27). Всякій же. кромѣ аріанъ, согласится, что знающій Отца тѣмъ паче знаетъ все касающееся твари, а въ числѣ всего и конецъ ея. И если день и часъ опредѣлены уже Отцемъ, то явно, что опредѣлены чрезъ Сына и Сынъ знаетъ опредѣленное чрезъ Него. Ибо нѣтъ ничего, что̀ пришло бы въ бытіе и опредѣлено было не чрезъ Сына. Слѣдовательно, Сынъ, будучи Творцемъ всего, знаетъ, какими, въ какомъ числѣ и надолго ли, по изволенію Отца, получили бытіе твари, въ чемъ и

когда будетъ ихъ измѣненіе. Еще же, если все, что̀ принадлежитъ Отцу, принадлежитъ и Сыну (какъ это сказалъ Самъ Сынъ,—Іоан. XVI, 15), а Отцу принадлежитъ знать день, то явно, что знаетъ и Сынъ, и сіе собственно принадлежащимъ Себѣ имѣя отъ Отца. И еще, если Сынъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ, Отецъ же знаетъ день и часъ, то явствуетъ, что и сущій во Отцѣ Сынъ и вѣдущій, что̀ во Отцѣ, Самъ знаетъ день и часъ. Если также Сынъ есть истинный образъ Отца, а Отецъ знаетъ и день и часъ, то явно, что и Сынъ знаніемъ сего уподобляется Отцу.

И неудивительно, если Тотъ, *Имже вся быша,* и въ Комъ *всяческая состоятся* (Колос. I, 17), знаетъ созданныя вещи, и когда конецъ каждой вещи и всѣхъ вообще. Но удивительно то̀, что и такую истину защищать принудило насъ сіе безразсудство, подлинно приличное только безумію аріанъ. Ибо, причисляя къ созданнымъ Сына Божія—присносущное Слово, вскорѣ обучатся они утверждать, что и Самъ Отецъ меньше твари. Если знающій Отца не знаетъ дня и часа, то боюсь, чтобы не сказали сіи безумцы, что вѣдѣніе о твари, и даже о малой части твари, важнѣе вѣдѣнія объ Отцѣ. Но они, произнося такую хулу на Духа, пусть остаются въ томъ ожиданіи, что, какъ сказалъ Господь, никогда не получатъ отпущенія въ семъ нечестіи (Матѳ. XII, 31).

Мы же, какъ христолюбивые и христоносные, знаемъ, что Слово сказало: «не знаю», не приписывая незнанія Себѣ, какъ Слову, потомучто Оно знаетъ,

но указывая на человѣчество, потомучто человѣкамъ свойственно не знать; и поелику облеклось въ невѣдущую плоть, то, въ ней пребывая, въ отношеніи къ плоти сказало: «не знаю». Такъ, сказавъ тогда: «не знаетъ и Сынъ», и представивъ въ примѣръ незнаніе людей при Ноѣ, тотчасъ присовокупилъ Господь: *бдите убо, яко не вѣсте и вы, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ* (Матѳ. XXIV, 42), и еще: *въ оньже часъ не мните, Сынъ Человѣческій пріидетъ* (44). Ради васъ, содѣлавшись подобнымъ вамъ, сказалъ Я: ни Сынъ. А если бы не зналъ по Божеству, то надлежало бы сказать: *бдите,* потомучто не знаю, и въ какой часъ не ожидаю. Но Господь не сказалъ сего; сказавъ же: *яко не вѣсте вы,* и *въ оньже не мните,* показалъ, что не знать свойственно людямъ, ради которыхъ и Онъ, имѣя подобную съ ними плоть и содѣлавшись человѣкомъ, говоритъ: не знаетъ и Сынъ; ибо не знаетъ по плоти, хотя и знаетъ, какъ Слово. И примѣръ жившихъ при Ноѣ снова обличаетъ безстыдство христоборцевъ; потомучто и здѣсь не сказалъ о Себѣ: Я не зналъ, но говоритъ: *не увѣдѣша, дондеже пріиде вода* (Матѳ. XXIV, 39). Не знали люди; а Кто навелъ потопъ (это былъ Самъ Спаситель), Тотъ зналъ день и часъ, въ который отверзъ хляби небесныя и разверзъ бездны, и сказалъ Ною: *вниди ты и сынове твои въ ковчегъ* (Быт. VI, 18; VII, 1). Если бы не зналъ, то не предсказалъ бы Ною: *еще дній седмь, Азъ наведу потопъ на землю* (Быт. VII, 4). Если же означаетъ день изображеніемъ бывшаго при Ноѣ, день

же потопа зналъ,—то знаетъ, конечно, и день Своего пришествія. И сказавъ притчу о дѣвахъ, еще яснѣе показалъ, кто суть незнающіе дня и часа, когда говоритъ: *бдите убо, яко не вѣсте дне, ни часа* (Матѳ. XXV, 13). Незадолго предъ симъ говорилъ: *никтоже вѣсть, ни Сынъ;* а теперь не сказалъ: и Я не знаю: но говоритъ: *вы не вѣсте.* Слѣдовательно, когда и ученики спрашивали о кончинѣ, сказалъ Онъ: *ни Сынъ,* по причинѣ тѣла, относительно къ плоти, желая показать, что не знаетъ, какъ человѣкъ: потомучто людямъ свойственно не знать. Если Онъ есть Слово, и Самъ имѣющій пріийти, Самъ Судія, Самъ Женихъ,—то знаетъ, когда и въ какой часъ пріидетъ и когда скажетъ: *востани, спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Хрістосъ* (Ефес. V, 14). Какъ, содѣлавшись человѣкомъ, Онъ съ человѣками алчетъ и жаждетъ и страждетъ, такъ съ человѣками и не знаетъ, какъ человѣкъ; по Божеству же, какъ во Отцѣ сущее Слово и Премудрость, знаетъ, и ничего нѣтъ сокрытаго отъ вѣдѣнія Его.

Такъ и о Лазарѣ опять по человѣчеству вопрошаетъ Тотъ, Кто пришелъ его воскресить, и знаетъ, откуда воззоветъ душу Лазаря; но знать, гдѣ была душа, важнѣе, нежели знать, гдѣ лежало тѣло. Спрашивалъ же по человѣчеству, чтобы воскресить по Божеству. Такъ спрашиваетъ учениковъ, пришедши *во страны Кесаріи,* хотя зналъ и прежде отвѣта Петрова. Ибо, если Отецъ открылъ Петру то̀, о чемъ вопрошалъ Господь,—явно, что откровеніе было чрезъ

Сына; ибо сказано: *никтоже вѣсть Сына, токмо Отецъ, ни Отца, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Матѳ. XI, 27). Если же вѣдѣніе объ Отцѣ и Сынѣ открывается чрезъ Сына, то несомнѣнно, что вопрошающій Господь, Самъ прежде открывъ Петру отъ Отца, впослѣдствіи спрашивалъ по человѣчеству, желая тѣмъ показать, что, вопрошая по плоти, знаетъ по Божеству, что̀ скажетъ Петръ. Итакъ, вѣдаетъ Сынъ, потомучто знаетъ все, знаетъ Своего Отца, а сего знанія ничто не можетъ быть выше и совершеннѣе.

Хотя и сего достаточно къ обличенію еретиковъ, но, чтобы еще болѣе чрезъ это показать въ нихъ враговъ истины и христоборцевъ, желательно мнѣ спросить въ свою очередь. Апостолъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *вѣмъ человѣка о Хрістѣ, прежде лѣтъ четыредесяти: аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть* (2 Коринѳ. XII, 2). Поэтому, что̀ же скажете? Зналъ ли Апостолъ, что̀ съ нимъ было въ видѣніи, хотя говоритъ: *не вѣмъ*, или не зналъ? Если не зналъ, то смотрите, чтобы вамъ, навыкнувъ падать, не впасть и въ беззаконіе Фриговъ, которые говорятъ, будто бы пророки и другіе служители Слова не знаютъ, ни что̀ дѣлаютъ, ни о чемъ возвѣщаютъ. Если же, говоря: *не вѣмъ*, Апостолъ зналъ, потомучто имѣлъ въ себѣ Христа, открывающаго ему все,—то, подлинно, не развращенно ли и не самоосуждено ли сердце христоборцевъ? Объ Апостолѣ, когда говоритъ: *не вѣмъ*, утверждаютъ, что знаетъ, о Господѣ же, когда гово-

ритъ: *не вѣмъ,* утверждаютъ, что не знаетъ. Если Павелъ потому, что былъ въ немъ Христосъ, знаетъ и то̀, о чемъ говоритъ: *не вѣмъ;* то не тѣмъ ли паче вѣдаетъ Самъ Христосъ, хотя и говоритъ: *не вѣмъ?* Апостолъ, поелику открываетъ ему Господь, знаетъ, что̀ было съ нимъ, потому и говоритъ: *вѣмъ человѣка о Христѣ,* зная же человѣка, знаетъ и то̀, какъ былъ восхищенъ этотъ человѣкъ. Такъ, Елисей видѣлъ и зналъ, какъ взятъ былъ Илія. Но и зная, когда сыны пророческіе стали думать, что Илія повергнутъ Духомъ *на едину отъ горъ* (4 Царств. II, 16), сначала увѣрялъ ихъ въ томъ, что̀ видѣлъ и зналъ; когда же стали принуждать его,—умолкъ и согласился, чтобы шли искать. Неужели, поелику умолкъ, то и не зналъ? Зналъ, конечно, но согласился какъ незнавшій, чтобы они, убѣдившись, не сомнѣвались болѣе о взятіи Иліи. Тѣмъ паче Павелъ, будучи самъ восхищенъ, зналъ, ка́къ онъ былъ восхищенъ; потомучто и Илія зналъ, и если бы спросилъ кто, сказалъ бы, ка́къ былъ взятъ. Однакоже, Павелъ говоритъ: *не вѣмъ,* какъ думаю, двухъ ради причинъ, во-первыхъ, какъ самъ сказалъ, *да не како за премногая откровенія* почтитъ кто его инымъ *паче, еже видитъ* (2 Коринѳ. XII, 6); а во-вторыхъ, поелику Спаситель сказалъ: *не вѣмъ,* и Павлу сказать прилично было: *не вѣмъ,* чтобы не казаться рабу выше Господина своего и ученику выше Учителя (Матѳ. X, 24).

Слѣдовательно, Давшій вѣдѣніе Павлу гораздо паче зналъ Самъ. Ибо, говоря о томъ, что̀ предшествуетъ

дню, какъ сказано выше, зналъ Онъ, когда день. и когда часъ. Однакоже, зная, говоритъ: не знаетъ и Сынъ. Для чего же тогда наименовалъ Себя незнающимъ, чтò зналъ, какъ Владыка? Сколько изслѣдователямъ нужно прибѣгать къ догадкамъ, думаю, что для нашей пользы сдѣлалъ сіе Господь. Предположенію моему Самъ Онъ даетъ значеніе истины. Въ томъ и другомъ Спаситель соблюлъ полезное для насъ; потомучто и сдѣлалъ извѣстнымъ, чтò встрѣтится прежде конца, чтобы, какъ Самъ Онъ сказалъ, не изумлялись мы симъ событіямъ и не ужасались ихъ (Матѳ. XXIV, 6), но по онымъ ожидали послѣдующаго за тѣмъ конца; о днѣ же и часѣ не благоволилъ сказать по Божеству: «знаю», но по причинѣ невѣдущей плоти, по замѣченному выше, сказалъ: *не вѣмъ,* чтобы еще не предложили Ему вопросовъ. и тогда уже Ему или не опечалить учениковъ, не сказавъ, или, сказавъ, не сдѣлать того, чтò не было бы полезно имъ и всѣмъ намъ. Ибо чтò ни дѣлаетъ Онъ, все это, безъ сомнѣнія, для насъ, такъ-какъ ради насъ *Слово плоть бысть.* Поэтому, ради насъ сказалъ: не знаетъ и Сынъ. И не солгалъ, сказавъ это, потомучто, какъ человѣкъ, по человѣчеству сказалъ: не знаю, и не допустилъ учениковъ вынуждать у Него отвѣтъ, потомучто сказаннымъ: не знаю, остановилъ ихъ вопросъ.

Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ написано, что,—когда *взыде* на Ангелы (Псал. XVII, 12), восходя какъ человѣкъ и вознося на небо плоть, которую

понесъ на Себѣ, когда и ученики, видя сіе, снова вопрошали, скоро ли будетъ конецъ и скоро ли пріидетъ?—тогда сказалъ имъ яснѣе: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти* (Дѣян. I, 7). Не сказалъ тогда: *ни Сынъ*, какъ говорилъ прежде сего по человѣчеству, но *нѣсть ваше разумѣти;* потомучто плоть Его была уже воскресшая, отложившая мертвенность и обоженная, и Ему восходящему на небеса прилично уже было отвѣчать не по плоти, но научить, наконецъ, по Божеству: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти: но пріимите силу.* Какая же Отчая сила, кромѣ Сына? Ибо Христосъ *сила Божія и Божія Премудрость* (1 Коринѳ. I, 25). Итакъ Онъ, будучи Словомъ, зналъ. Ибо, говоря сіе, давалъ разумѣть: я знаю, но *нѣсть ваше разумѣти;* для васъ, и сидя на горѣ, говорилъ Я по плоти: «не знаетъ и Сынъ», имѣя въ виду вашу и общую всѣхъ пользу. Ибо вамъ полезно слышать сіе и объ Ангелахъ и о Сынѣ по причинѣ обманщиковъ, какіе будутъ послѣ сего, чтобы вы, когда демоны преобразятся въ Ангеловъ и вознамѣрятся говорить о кончинѣ, не вѣрили имъ, потомучто они не знаютъ, и когда антихристъ, принявъ притворный видъ, скажетъ: «я Христосъ», и для обольщенія слушающихъ покусится также говорить о днѣ и о кончинѣ, и ему не повѣрили, помня Мое слово: ни Сынъ.

Сверхъ того, не знать, когда конецъ, или когда день кончины, полезно людямъ, чтобы, зная, не со-

*

дѣлаться имъ небрегущими о текущемъ времени во ожиданіи дней близкихъ къ концу, и не имѣть предлога, что тогда только позаботятся о себѣ. Поэтому умолчалъ и о смертной кончинѣ каждаго, чтобы, подъ предлогомъ знанія, люди, надмившись, не начали бо́льшую часть времени нерадѣть о себѣ. Такъ Слово сокрыло отъ насъ то и другое, и конецъ всего, и предѣлъ каждаго (потомучто съ общею кончиною соединенъ конецъ и каждаго, и кончиною каждаго приближается общій конецъ), чтобы, поелику конецъ неизвѣстенъ и непрестанно ожидается, съ каждымъ днемъ, какъ призываемые, преспѣвали мы, *въ предняя простираяся, задняя же забывая* (Филиппис. III, 13). Ибо кто, зная день кончины, не оставитъ безъ вниманія текущаго времени? Не зная же дня сего, не будетъ ли готовиться каждый день? Посему-то и присовокупилъ Спаситель къ сказанному, говоря: *бдите убо, яко не вѣсте вы, въ кій день Господь вашъ пріидетъ* (Матѳ. XXIV, 42); и: *въ оньже не мните часъ, Сынъ Человѣческій пріидетъ* (Лук. XII, 40). Слѣдовательно, сказалъ сіе по причинѣ пользы такого невѣдѣнія; ибо говоритъ сіе съ тою цѣлію, чтобы всегда были мы готовы. Вы, говоритъ, не знаете, а Я Господь знаю, когда пріиду, хотя аріане не ожидаютъ Меня, Отчее Слово. Итакъ, Господь, лучше насъ зная полезное для насъ, предостерегалъ Самъ учениковъ; и они, выразумѣвъ сіе, исправили тѣхъ Ѳессалоникійцевъ, которые готовы были погрѣшить въ этомъ.

Но поелику христоборцы и симъ не приводятся въ стыдъ, то, хотя знаю, что сердце ихъ ожесточеннѣе фараонова, хочу однакоже спросить ихъ еще и о семъ. Богъ спрашиваетъ въ раю, говоря: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. III, 9)? Вопрошаетъ и Каина: *гдѣ есть Авель, братъ твой* (Быт. IV, 9)? Поэтому, что̀ скажете о семъ? Если полагаете, что Богъ не знаетъ и потому спрашиваетъ, то вы присоединяетесь уже къ манихеямъ, потомучто имъ принадлежитъ такая дерзкая мысль. Если же, опасаясь явнаго наименованія манихеями, принудите себя сказать, что спрашиваетъ зная, то какую несообразность или странность можете примѣчать въ томъ, что Сынъ, чрезъ Котораго тогда вопрошалъ Богъ. Сей, говорю, Сынъ и нынѣ, облеченный плотію, какъ человѣкъ, вопрошаетъ учениковъ? Развѣ пожелаете, ставъ манихеями, порицать и данный тогда Адаму вопросъ, только бы имѣть вамъ случай похвалиться своимъ злоуміемъ.

Во всемъ обличаемые, еще ропщете вы по причинѣ сказаннаго у Луки, хотя и хорошо сіе сказано, вы же понимаете худо. Что̀ же это именно, необходимо предложить здѣсь, чтобы и въ этомъ виденъ былъ развращенный умъ еретиковъ. Итакъ, Лука говоритъ: *и Іисусъ преспѣваше премудростію и возрастомъ и благодатію у Бога и человѣкъ* (Лук. II, 52). Таково изреченіе. Но поелику аріане и въ семъ находятъ преткновеніе, то необходимо опять спросить ихъ, какъ саддукеевъ и фарисеевъ: о комъ говоритъ Лука? Спрашиваемъ же та́къ: Іисусъ Христосъ есть ли

человѣкъ, какъ и всѣ прочіе человѣки, или Богъ, носящій на Себѣ плоть? Если и Онъ обыкновенный человѣкъ, подобный другимъ людямъ то пусть и преуспѣваетъ такъ же, какъ человѣкъ. Это—мудрованіе Самосатскаго, котораго и вы въ сущности держитесь, по имени же только отрицаетесь ради людской молвы. А если Онъ—Богъ, носящій на Себѣ плоть (какъ и дѣйствительно), и *Слово плоть бысть,* и будучи Богомъ, снисшло на землю,—то какое преспѣяніе имѣлъ Тотъ, Кто равенъ Богу? Или, съ чего начавъ, возрасталъ Сынъ, всегда сущій во Отцѣ? Если преспѣваетъ всегда Сущій во Отцѣ,—что̀ будетъ выше Отца, въ чемъ бы преспѣвать Сыну? Потомъ, хорошо будетъ сказать здѣсь то̀ же, что̀ сказано о пріятіи и прославленіи. Если преспѣваетъ, содѣлавшись человѣкомъ, то явно, что, пока не содѣлался человѣкомъ, былъ несовершенъ, и болѣе плоть стала причиною Его совершенства, нежели Онъ причиною совершенства плоти. И еще, если, будучи Словомъ, преспѣваетъ, то чѣмъ же можетъ содѣлаться высшимъ Слова, Премудрости, Сына, Божіей силы? А Слово есть все это, и кто можетъ содѣлаться сколько-нибудь причастникомъ сего, какъ луча, тотъ дѣлается совершеннѣйшимъ человѣкомъ и равноангельнымъ. Ибо и Ангелы, и Архангелы, и господства, и всѣ силы, и престолы, по общенію съ Словомъ, *выну видятъ* лице Отца Его. Ка́къ же Дарующій совершенство другимъ Самъ преспѣваетъ послѣ нихъ? Ангелы служили и при человѣческомъ Его рожденіи, и сказан-

ное Лукою говорится послѣ служенія Ангеловъ. Ка́къ же вообще можетъ даже прійти сіе на мысль человѣку? Или, ка́къ Премудрость преспѣвала премудростію? Ка́къ Подающій благодать другимъ (о чемъ Павелъ, зная, что Имъ преподается благодать, говоритъ во всякомъ посланіи: *благодать Господа нашего Іисуса Хріста со всѣми вами*) Самъ преспѣвалъ благодатію? Или пусть скажутъ, что Апостолъ солгалъ; или пусть осмѣлятся утверждать, что Сынъ не есть Премудрость. А если Онъ—Премудрость, какъ Соломонъ сказалъ, и написалъ Павелъ: *Хрістосъ Божія сила и Божія Премудрость*,—то какое преспѣяніе допускала Премудрость? Люди, будучи тварями, могутъ простираться впередъ и преспѣвать въ добродѣтели. Такъ, Енохъ *преложенъ бысть*, и Моисей возрастая усовершался, и Исаакъ преспѣвая сталъ великъ, и Апостолъ сказалъ о себѣ, что съ каждымъ днемъ *простирается въ предняя*. Ибо каждому было въ чемъ преспѣвать, взирая на предлежащую ему степень. Но Сынъ Божій, какъ единый, къ чему могъ простираться? Все преспѣваетъ, взирая на Него, Самъ же Онъ единъ во единомъ Отцѣ, и отъ Него уже не простирается, но въ Нѐмъ всегда пребываетъ. Посему, преспѣвать свойственно людямъ; Сынъ же Божій, поелику Ему не въ чемъ преспѣвать, будучи совершеннымъ во Отцѣ, смирилъ Себя насъ ради, чтобы Его смиреніемъ мы могли паче возрастать; возрастаніе же наше не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ удаленіи отъ чувственнаго и въ приближеніи къ Самому

Слову, потомучто и Его смиреніе не иное что̀ есть, какъ воспріятіе нашей плоти. Поэтому, преспѣвало не Слово, поколику Оно—Слово, совершенное отъ совершеннаго Отца, ни въ чемъ не имѣющее нужды, но и другихъ возводящее къ преспѣянію; но и здѣсь именуется преспѣвающимъ по человѣчеству, потомучто и преспѣяніе свойственно также людямъ.

И Евангелистъ, говоря съ строгою осмотрительностію, къ преспѣянію присоединилъ и *возрастъ*. Слово и Богъ не измѣряется возрастомъ, возрасты же принадлежатъ тѣламъ; слѣдовательно и преспѣяніе принадлежитъ тѣлу. Съ преспѣяніемъ тѣла преспѣвало въ немъ для видящихъ и явленіе Божества. А въ какой мѣрѣ открывалось Божество, въ такой болѣе и болѣе для всѣхъ людей возрастала благодать, какъ въ человѣкѣ. Будучи младенцемъ, былъ Онъ носимъ; ставъ отрокомъ, остался во храмѣ и вопрошалъ священниковъ о законѣ; а по мѣрѣ того, какъ постепенно возрастало тѣло, и являло Себя въ немъ Слово, исповѣдуютъ уже сперва Петръ, а потомъ и всѣ, что *воистинну Божій Онъ Сынъ,* хотя Іудеи, и древніе и сіи новые, добровольно смежаютъ очи и не хотятъ видѣть, что преспѣвать премудростію не то значитъ, будто бы преспѣваетъ Сама Премудрость, скорѣе же то, что преспѣваетъ премудростію человѣчество.

И Іисусъ преспѣваше премудростію и благодатію. Если же надобно выразиться вмѣстѣ истинно и удобопонятно, то Іисусь преспѣвалъ Самъ въ Себѣ, потомучто *Премудрость созда Себѣ домъ* (Притч. IX, 1),

и содѣлала, что домъ преспѣвалъ Ею. О какомъ же говорится преспѣяніи? Не о томъ ли обоженіи и не о той ли благодати, какія, по замѣченному выше, послѣ уничтоженія въ людяхъ грѣха и бывшаго въ нихъ тлѣнія, по подобію и сродству съ плотію Слова, преподаются имъ Премудростію? Такъ, когда съ лѣтами возрастало тѣло, соотвѣтствовало сему въ немъ и явленіе Божества, и всѣмъ дѣлалось явно, что Божій это храмъ, и что Богъ былъ въ тѣлѣ.

Если же будутъ упорствовать, что Слово, содѣлавшееся плотію, наречено Іисусомъ, и къ Нему станутъ относить сказанное: *преспѣваше*, то пусть слышатъ, что и сіе не умаляетъ Отчаго Свѣта (потомучто Сынъ есть Отчій Свѣтъ), показываетъ же опять, что Слово содѣлалось человѣкомъ и носило на Себѣ истинную плоть. И какъ говорили мы, что Слово плотію страдало, плотію алкало и плотію утруждалось,—такъ справедливо можно сказать, что Оно плотію преспѣвало; потомучто не внѣ было Слово, когда совершалось сіе, какое бы то ни было, сказанное нами преспѣяніе. Въ Словѣ была преспѣвающая плоть и называется плотію Слова. И сіе опять для того, чтобы человѣческое преспѣяніе, по причинѣ соприсущаго Слова, пребывало непогрѣшительнымъ. Итакъ это—не преспѣяніе Слова, Премудрость не была плотію; но плоть содѣлалась тѣломъ Премудрости. Посему, какъ уже сказали мы, не Премудрость, поколику Она—Премудрость, Сама въ Себѣ преспѣвала, но человѣчество преспѣвало премудростію, постепенно

возвышаясь надъ естествомъ человѣческимъ, обожаясь, содѣлываясь и являясь для всѣхъ органомъ Премудрости для дѣйственности Божества и Его возсіянія. Потому не сказалъ Евангелистъ: преспѣвало Слово, но *Іисусъ преспѣваше*, а симъ именемъ нареченъ Господь, содѣлавшись человѣкомъ. И такимъ образомъ преспѣяніе, какъ сказали мы и выше, принадлежитъ естеству человѣческому.

Посему, какъ съ преспѣяніемъ плоти Господь Самъ именуется преспѣвающимъ, потомучто тѣло принадлежало Ему собственно: такъ и сказуемое относительно ко времени смерти, что Господь возмущался, плакалъ, надобно принимать въ томъ же смыслѣ. Ибо еретики, кидаясь туда и сюда, и на этомъ какъбы вновь созидая свою ересь, говорятъ: вотъ плакалъ и говорилъ: *нынѣ душа Моя возмутися* (Іоан. XII, 27), и молился, *да мимоидетъ чаша* (Матѳ. XXVI, 39); почему же, если говорилъ это, Онъ—Богъ и Отчее Слово? Такъ; написано, богоборцы, что плакалъ, и говорилъ: *возмутися*, и на крестѣ сказалъ: *Елоі, Елоі, ліма савахѳані? еже есть: Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* (Марк. XV, 34. Матѳ. XXVII, 46); молился и о томъ, *да мимоидетъ чаша:* и сіе написано. Но я желалъ бы также, чтобы и вы дали отвѣтъ. Ибо каждое изъ вашихъ возраженій необходимо отражать тѣмъ же. Если Глаголющій есть простой человѣкъ, то пусть плачетъ и боится смерти, какъ человѣкъ. Если же Онъ—Слово во плоти (для насъ необременительно—повторять всегда одно и то же), то

чего было бояться Ему-Богу? Или почему убоялся смерти, будучи Самъ жизнь и другихъ спасая отъ смерти? Или почему, говоря: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло* (Лук. XII, 4), Самъ убоялся? Почему Тотъ, Кто говоритъ Аврааму: *не бойся, яко съ тобою есмь* (Исаія XLIII, 5), и Моисея поощряетъ къ мужеству предъ фараономъ, и Навину говоритъ: *крѣпися и мужайся* (Іис. Навин. I, 6),—Самъ пришелъ въ боязнь отъ Ирода и Понтія? Притомъ, другимъ ставъ помощникомъ, чтобы не имѣли страха (ибо сказано: *Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ,*—Псал. CXVII, 6). Самъ устрашился игемоновъ, людей смертныхъ, и добровольно пришедши на смерть, убоялся смерти? Совмѣстно ли съ чѣмъ и не злочестиво ли—говорить, что убоялся смерти или ада Тотъ, Кого *видѣвше вратницы адовы убояшася* (Іов. XXXVIII, 17)? Если же по словамъ вашимъ убоялось Слово, то почему же незадолго предъ симъ, говоря о злоумышленіи Іудеевъ, Оно не спаслось бѣгствомъ, но когда искали, сказало: *Азъ есмь* (Іоан. XVIII, 5)? Господь могъ и не умереть, какъ говорилъ: *область имамъ положити душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю;* и: *никтоже возметъ ю отъ Мене* (Іоан. X, 18). Напротивъ того, бояться свойственно было не естеству Слова, какъ Слова, христоборцы и неблагодарные Іудеи, но Слово было во плоти, подверженной страху. И не говорилось сего о Словѣ до пріятія Имъ плоти; когда же *Слово плоть бысть,* и содѣлалось человѣкомъ, тогда написано сіе

относительно къ человѣчеству. Несомнѣнно же, что, о Комъ написано сіе, Тотъ воскресилъ Лазаря изъ мертвыхъ, воду содѣлалъ виномъ, даровалъ зрѣніе родившемуся слѣпымъ, и говорилъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30).

Итакъ, если еретики человѣческія свойства выставляютъ въ предлогъ къ тому, чтобы о Сынѣ Божіемъ думать низко, лучше же сказать, почитаютъ Его человѣкомъ совершенно земнымъ и не небеснымъ,— то почему изъ дѣлъ Божескихъ не признаютъ Слова, сущаго во Отцѣ, и не отрекутся наконецъ отъ своего злочестія? Ибо можно имъ видѣть, почему Творящій дѣла есть Тотъ же Самый, Кто являетъ и удобостраждущее тѣло, попуская ему плакать и алкать и обнаруживать въ себѣ свойственное тѣлу. Чрезъ подобное сему дѣлалъ Онъ извѣстнымъ, что Онъ— безстрастный Богъ, и пріялъ на Себя удобостраждущую плоть; а дѣлами доказывалъ о Себѣ, что Онъ есть Божіе Слово, впослѣдствіи содѣлавшееся человѣкомъ, и говорилъ: *аще и Мнѣ не вѣруете*, видя Меня облеченнымъ въ человѣческое тѣло, *дѣло́мъ Моимъ вѣруйте, да разумѣете, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. X, 38).

Но весьма великими кажутся мнѣ безстыдство и хула христоборцевъ. Слыша: *Азъ и Отецъ едино есма*, усиливаются перетолковать смыслъ и расторгнуть единство Отца и Сына; а слыша, что плакалъ, проливалъ потъ, страдалъ, не обращаютъ вниманія на тѣло, но причисляютъ за сіе къ твари Того, Кѣмъ

тварь получила бытіе. Чѣмъ же наконецъ еретики сіи отличаются отъ Іудеевъ? Какъ тѣ хульно приписывали дѣла Божіи веельзевулу, такъ и они, причисляя къ тварямъ совершившаго дѣла сіи Господа, понесутъ на себѣ и одинаковое съ Іудеями непощадное осужденіе. Но имъ, слыша: *Азъ и Отецъ едино есма,* надлежало видѣть единое Божество и свойственное Отчей сущности, а слыша: «плакалъ» и подобное тому, именовать сіе свойственнымъ тѣлу, тѣмъ паче, что въ томъ и другомъ имѣютъ основательный поводъ признавать одно написаннымъ о Немъ, какъ о Богѣ, а другое сказаннымъ по причинѣ человѣческаго Его тѣла. Въ Безплотномъ не было бы свойственнаго тѣлу, если бы не пріялъ на Себя тлѣннаго и смертнаго тѣла. Ибо смертною была святая Марія, отъ Которой было тѣло. А потому, когда былъ Онъ въ тѣлѣ страждущемъ, способномъ плакать и утомляться, тогда необходимо стало, чтобы Ему вмѣстѣ съ тѣломъ приписывалось и то, чтò собственно принадлежитъ плоти. Итакъ, если Онъ плакалъ и возмущался, то плакало и возмущалось не Слово, какъ Слово, но это свойственно было плоти; если и молился, *да мимоидетъ чаша,* то не Божество страшилось, но и сія немощь свойственна была человѣчеству.

И слова: *вскую Мя еси оставилъ,* по сказанному выше, Ему же опять, хотя ни мало не страждущему (потомучто Слово было безстрастно), приписали однакоже Евангелисты. Ибо Господь содѣлался человѣкомъ, и сіе совершается и говорится Имъ, какъ чело-

вѣкомъ, чтобы Ему Самому, облегчивъ и сіи страданія плоти, содѣлать плоть свободною отъ нихъ. Посему, не можетъ быть и оставленъ Отцемъ Господь, всегда сущій во Отцѣ, какъ и прежде нежели изрекъ сіе, такъ и по произнесеніи сихъ словъ. Но непозволительно опять сказать, будто бы убоялся Господь, Котораго убоявшись, *вратницы адовы* дали свободу содержимымъ во адѣ, *и гробы отверзошася, и многа тѣлеса святыхъ восташа и явишася своимъ* (Матө. XXVII, 52—53). Итакъ, да умолкнетъ всякій еретикъ, и да устрашится говорить, будто бы имѣлъ боязнь Господь, отъ Кого бѣжитъ смерть какъ змій, предъ Кѣмъ трепещутъ демоны, Кого страшится море, для Кого разверзаются небеса и всѣ силы колеблются. Ибо вотъ, когда говоритъ Онъ: *вскую Мя еси оставилъ,* Отецъ показываетъ, что какъ всегда, такъ и въ это время былъ Онъ въ Немъ, потомучто земля, зная вѣщающаго Владыку, немедленно потряслась, завѣса раздралась, солнце сокрылось, камни разсѣлись, гробы, какъ сказано выше, отверзлись, и бывшіе въ нихъ мертвецы возстали, и, что̀ всего удивительнѣе, предстоящіе, которые прежде отреклись отъ Него, когда увидѣли сіе, исповѣдуютъ, что *воистинну Божій Сынъ есть Сей* (Матө. XXVII, 54).

Въ разсужденіи же сказаннаго Имъ: *аще возможно есть, да мимоидетъ чаша* (Матө. XXVI, 39), обратите вниманіе на то, почему Сказавшій сіе въ иномъ случаѣ сдѣлалъ упрекъ Петру: *не мыслиши, яже Божія, но человѣческая* (Матө. XVI, 23). Объ отмѣненіи чего

просилъ, Самъ того хотѣлъ, на то и пришелъ. Но какъ Ему было свойственно хотѣть сего, потомучто на сіе и пришелъ, такъ плоти свойственно было и страшиться: почему, какъ человѣкъ, сказалъ Онъ слова сіи. И опять, то и другое сказано было Имъ въ доказательство, что Онъ—Богъ, Самъ хотѣлъ сего, но, содѣлавшись человѣкомъ, сталъ имѣть страшливую плоть и по причинѣ оной волю Свою срастворилъ человѣческою немощію, чтобы, и сіе также уничтоживъ, снова содѣлать человѣка небоящимся смерти. Вотъ подлинно необычайное дѣло! Кого христоборцы почитаютъ говорящимъ по боязни, Тотъ мнимою боязнію содѣлалъ людей отважными и небоязненными. И блаженные Апостолы, послѣ Него, вслѣдствіе словъ сихъ столько начинаютъ презирать смерть, что не обращаютъ вниманія на судей своихъ, но говорятъ: *повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ* (Дѣян. V, 29). Другіе же святые мученики до того простирали небоязненность, что скорѣе можно было почитать ихъ преходящими въ жизнь, нежели претерпѣвающими смерть. Итакъ, не явная ли несообразность—удивляться мужеству служителей Слова, и приписывать боязнь Самому Слову, силою Котораго и они презирали смерть? Самою твердою рѣшимостію и мужествомъ святыхъ мучениковъ доказывается, что не Божество имѣло боязнь, но нашу боязнь отъялъ Спаситель. Ибо, какъ смерть привелъ въ бездѣйствіе смертію и все человѣческое—Своимъ человѣчествомъ, такъ и мнимою боязнію отъялъ нашу боязнь и со-

дѣлалъ, что люди не боятся уже смерти. Поэтому и говорилъ и вмѣстѣ дѣлалъ сіе. Человѣчеству свойственно было говорить: *да мимоидетъ чаша;* и: *вскую Мя еси оставилъ;* а по Божеству содѣлалъ Онъ, что меркнетъ солнце, и возстаютъ мертвые, и опять, говоря по-человѣчески: *нынѣ душа Моя возмутися,* говорилъ Божески: *область имамъ положити душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю.* Возмущаться свойственно было плоти, а имѣть власть положить и пріять душу, когда хочетъ, не человѣкамъ уже свойственно, но возможно только силѣ Слова. Человѣкъ умираетъ не по собственной своей власти, но по необходимости природы и противъ воли: Господь же, Самъ будучи безсмертнымъ, но имѣя смертную плоть, былъ властенъ, какъ Богъ, разлучиться съ тѣломъ и снова воспріять оное, когда Ему было угодно. О семъ и Давидъ воспѣваетъ: *не оставиши душу мою во адѣ, ниже даси преподобному Твоему видѣти истлѣнія* (Псал. XV, 10). Плоти тлѣнной прилично было не оставаться болѣе смертною, сообразно съ естествомъ своимъ, но пребывать нетлѣнною по причинѣ облекшагося въ нее Слова. Какъ Оно, бывъ въ нашемъ тѣлѣ, подражало свойственному намъ, такъ мы, пріявъ Его, отъ Него пріобщаемся безсмертія.

Посему, аріане напрасно притворяются соблазняющимися и низко думаютъ о Словѣ, если написано: *возмутися,* и: *плакалъ.* Повидимому, не имѣютъ они человѣческаго чувства, не зная естества человѣческаго и свойственнаго людямъ. Надлежало болѣе

дивиться сему, что Слово было въ такой удобостраждущей плоти и не воспрепятствовало злоумышляющимъ, не показало убійцъ, хотя и могъ сіе сдѣлать Тотъ, Кто другихъ удерживалъ отъ смерти и умершихъ воскрешалъ изъ мертвыхъ. Напротивъ того, Слово попустило пострадать собственному Своему тѣлу. Для того, какъ говорилъ я прежде, и пришло Оно, дабы пострадать плотію и плоть содѣлать наконецъ безстрастною и безсмертною, и дабы чрезъ страданія и все бывшее, поколику относилось это и къ Самому Слову, содѣлать, чтобы болѣе уже не касалось это людей, но совершенно уничтожилось въ Немъ, и люди, какъ храмъ Божій, пребывали уже нетлѣнными во вѣкъ.

Если бы та́къ разсуждали о семъ христоборцы и церковное руководство признавали за якорь вѣры, то не подверглись бы крушенію въ вѣрѣ и не дошли бы до такого безстыдства, чтобы противиться желающимъ возставить ихъ отъ паденія, и лучше сказать, почитать врагами увѣщавающихъ къ благочестію. Но, какъ видно, еретикъ имѣетъ подлинно лукавое и во всемъ развращенное нечестіемъ сердце. Ибо вотъ во всемъ обличаемые, и, какъ оказывается, лишенные всякаго смысла, они не стыдятся; но какъ описываемая въ Еллинскихъ басняхъ гидра, когда умерщвляли у нея прежнихъ змѣй, пораждала новыхъ, и упорно противилась умерщвляющему, противопоставляя вновь пораждаемыхъ змѣй: такъ и сіи богоборцы и богоненавистные, подобно гидрамъ въ душѣ смертельно по-

ражаемые во всемъ, что̀ выставляютъ въ свою защиту, изобрѣтаютъ себѣ новые Іудейскіе и буіи вопросы, и, какъ-бы враждуя противъ истины, вымышляютъ новое, чтобы только во всемъ показать себя христоборцами. Ибо послѣ столь многихъ обличеній, при которыхъ и самъ отецъ ихъ—діаволъ обратился бы вспять, они снова ропщутъ, вымышляя въ ухищренномъ сердцѣ своемъ, и однимъ шепчутъ, другимъ, какъ комары, жужжатъ, говоря: «положимъ, что та́къ толкуете вы это и преодолѣваете умозаключеніями и доводами; но должно сказать, что по хотѣнію и изволенію произошелъ Сынъ отъ Отца». И ограждая себя Божіимъ хотѣніемъ и изволеніемъ, обольщаютъ симъ многихъ. Но если бы кто изъ правовѣрующихъ говорилъ сіе въ простотѣ, то не было бы ничего подозрительнаго въ сказанномъ, потомучто простодушное произнесеніе такихъ словъ превозмогалось бы православнымъ разумѣніемъ. Поелику же говорятъ это еретики, а еретическія рѣчи подозрительны, и какъ написано, *управляютъ же нечестивіи лести, и словеса* ихъ *льстива* (Притч. XII, 5—6), хотя бы сдѣлали и одинъ намекъ, потомучто имѣютъ развращенное сердце, то изслѣдуемъ сказанное ими и разыщемъ, не съ тѣмъ ли они, во всемъ обличенные, наконецъ, подобно гидрамъ, измыслили новое реченіе, чтобы, при такомъ хитрословіи и при своей вкрадчивости, снова въ иномъ видѣ посѣять свое нечестіе.

Кто говоритъ, что Сынъ произошелъ по хотѣнію, означаетъ симъ то же, что и утверждающій: «было,

когда не было Сына, и Онъ произошелъ изъ не сущаго, и есть тварь». Но поелику аріане постыждены за такія рѣчи, то хитрецы сіи вознамѣрились иначе означить то же самое, ограждаясь хотѣніемъ, какъ каракатицы черной влагой, чтобы омрачить тѣхъ людей простосердечныхъ, а самимъ не забыть своей ереси. Откуда сіе по хотѣнію и изволенію? Или изъ какого Писанія приводятъ такія слова? Пусть скажутъ сіи подозрительные въ рѣчахъ своихъ и изобрѣтатели злочестія! Отецъ, съ небеси открывая Слово Свое, изъявилъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѳ. III, 17); и чрезъ Давида сказалъ: *отрыгну сердце Мое Слово благо* (Псал. XLIV, 2); и Іоанну повелѣлъ сказать: *въ началѣ бѣ Слово;* и Давидъ воспѣвая говоритъ: *яко у Тебе источникъ живота, во свѣтѣ Твоемъ ўзримъ свѣтъ* (Псал. XXXV, 10); Апостолъ же пишетъ: *Иже сый сіяніе славы* (Евр. I, 3); и еще: *Иже во образѣ Божіи сый* (Филиппис. II, 6); и: *Иже есть образъ Бога невидимаго* (Колос. I, 15). Всѣ и вездѣ говорятъ о бытіи Слова, и нигдѣ о томъ, что Оно отъ хотѣнія, и вообще, что Оно сотворено. Гдѣ же нашли еретики хотѣніе или изволеніе, предшествующее Божію Слову? Развѣ, оставивъ Писанія, прикроются злоуміемъ Валентина. Ибо Птолемей, ученикъ Валентиновъ, говорилъ, что Нерожденный имѣетъ два рога—мысль и изволеніе, и сперва помыслилъ, потомъ изволилъ; и что̀ помыслилъ, того не могъ бы произвести, если бы не привзошли и силы воли. И научившись изъ сего, аріане хотятъ, чтобы Слову

*

предшествовали изволеніе и хотѣніе. Итакъ, пусть соревнуютъ они въ заблужденіяхъ Валентину; а мы, читая Божіи словеса, находимъ о Сынѣ: *бѣ*, и слышимъ, что Онъ одинъ во Отцѣ и есть Отчій образъ; объ одних же созданныхъ, потомучто ихъ и по естеству нѣкогда не было, привзошли же они впослѣдствіи, читаемъ, что имъ предшествовало хотѣніе и изволеніе, какъ воспѣваетъ Давидъ во сто тринадцатомъ псалмѣ: *Богъ нашъ на небеси и на земли: вся елика восхотѣ, сотвори* (Псал. CXIII, 11); и во сто десятомъ: *велія дѣла Господня, изыскана во всѣхъ воляхъ Его* (Псал. CX, 2); и еще во сто тридцать четвертомъ: *вся елика восхотѣ Господь, сотвори, на небеси и на земли, въ моряхъ и во всѣхъ безднахъ* (Псал. CXXXIV, 6). Посему, если Сынъ есть дѣло и произведеніе, одинъ изъ всего, то пусть будетъ сказано, что и Онъ произведенъ хотѣніемъ; ибо, по указанію Писанія, такъ произошли твари. И защитникъ ереси, Астерій, соглашаясь съ симъ, пишетъ такъ: «Если недостойно Создателя производить по изволенію, то пусть во всемъ также отъята будетъ у Него воля, чтобы неприкосновеннымъ сохранилось у Него достоинство. Если же прилично Богу хотѣть, то пусть и въ разсужденіи перваго рожденія принадлежитъ Ему совершеннѣйшее. Ибо невозможно, чтобы одному и тому же Богу и приписываема была воля въ разсужденіи производимаго, и приличествовало не хотѣть». Сложивъ въ словахъ своихъ величайшее, какое только возможно, злочестіе, а именно, что произведеніе и

рожденіе есть одно и то же, и что Сынъ есть одно изъ всѣхъ сущихъ рожденій, лжеумствователь заключилъ тѣмъ, что о произведеніяхъ слѣдуетъ говорить: они по хотѣнію и изволенію.

Итакъ, если Сынъ иной есть отъ всѣхъ, какъ и прежде сего было доказано, вѣрнѣе же сказать, Имъ произведены и дѣла,—то пусть не говорятъ, что и Онъ по хотѣнію, иначе и Онъ будетъ происходить такъ же, какъ состоялось все сотворенное Имъ. Ибо Павелъ, котораго прежде не было, впослѣдствіи однако *волею Божіею* сталъ Апостоломъ (1 Коринѳ. I, 1). И наше званіе, котораго не имѣли мы нѣкогда, нынѣ же получили, имѣетъ предшествовавшее ему хотѣніе, какъ опять говоритъ тотъ же Павелъ: *бысть по благоволенію хотѣнія Его* (Ефес. I, 5). Сказанное же Моисеемъ: *да будетъ свѣтъ,* и: *да изведетъ земля,* и: *сотворимъ человѣка,* думаю, какъ сказано было и выше, означаетъ хотѣніе Творящаго, потомучто Создатель совѣщаваетъ сотворить не существовавшее нѣкогда, привходящее же совнѣ. Но собственному Его Слову, рожденному отъ естества Его, не предшествуетъ совѣщаніе: потомучто Отецъ все прочее, о чемъ совѣщаваетъ, Имъ производитъ, и Имъ зиждетъ, какъ учитъ насъ и Апостолъ Іаковъ, говоря: *восхотѣвъ породи насъ Словомъ истины* (Іаков. I, 18). Посему, о всѣхъ возраждаемыхъ и единожды приводимыхъ въ бытіе есть Божіе хотѣніе въ Словѣ, Которымъ Богъ предначертанное Имъ производитъ и возраждаетъ. И сіе опять даетъ разумѣть Апостолъ, пиша въ Ѳессалонику:

сія бо есть воля Божія о Христѣ Іисусѣ въ васъ (1 Солун. V, 18). Если же, Кѣмъ творитъ, въ Томъ и хотѣніе, и во Христѣ воля Отца,—то какъ же Самъ Христосъ можетъ происходить по хотѣнію и изволенію? Если и Онъ, подобно намъ, произошелъ по хотѣнію, то необходимо и о Немъ состояться хотѣнію въ другомъ какомъ-либо словѣ, которымъ и Онъ производится. Ибо доказано, что хотѣніе Божіе не въ томъ, что̀ приводится въ бытіе, но въ Томъ, Кѣмъ и о Комъ приходятъ въ бытіе всѣ созданія.

Притомъ, поелику сказать: по хотѣнію, значитъ то же, что и: было, когда не былъ; то пусть удовольствуются симъ изреченіемъ: было, когда не былъ, и постыждаемые тѣмъ, что чрезъ сіе означаютъ время, пусть знаютъ, что, употребляя слово: по хотѣнію, опять наводятъ на мысль, что прежде Сына было время. Ибо тому, чего нѣкогда не было, какъ должно сказать о всѣхъ тваряхъ, предшествуетъ совѣщаніе. Если же Слово есть Зиждитель тварей, Само же соприсуще Отцу, то Присносущему можетъ ли, какъ не сущему, предшествовать совѣщаніе? Если предшествуетъ Ему совѣтъ, то какъ же Имъ все? Напротивъ того, одинъ изъ всѣхъ будетъ и Самъ Сынъ, рожденный по хотѣнію, подобно тому, какъ и насъ Слово истины содѣлало сынами; и необходимо уже намъ, какъ сказано, искать другаго слова, которымъ и Сынъ получилъ бытіе и рожденъ вмѣстѣ со всѣми, кого восхотѣлъ породить Богъ.

Поэтому, ежели есть иное Божіе слово, то пусть и Сынъ произведенъ будетъ словомъ. Если же нѣтъ инаго слова (какъ и дѣйствительно нѣтъ), но все, что угодно было Отцу, получило бытіе Сыномъ,—то не выказывается ли въ этомъ многоглавое коварство еретиковъ? Постыжденные за наименованіе Сына произведеніемъ и тварію и за это положеніе: не было Божія Слова, пока не рождено, снова выражаютъ иначе, что Сынъ есть тварь, ограждая себя реченіемъ: хотѣніе, и говоря: если Онъ не по хотѣнію произошелъ, то значитъ, что по необходимости и противъ воли имѣлъ Богъ Сына. Но кто же налагаетъ на Него необходимость, прелукавые еретики, старающіеся все обратить въ пользу своей ереси? Усмотрѣли вы, что̀ противоположено хотѣнію, а что̀ важнѣе и выше, того не примѣтили. Какъ хотѣнію противополагается несогласное съ волею, такъ выше и первоначальнѣе свободнаго избранія то̀, что̀ въ естествѣ. Человѣкъ строитъ домъ по свободному изволенію, а сына рождаетъ по естеству. И что̀ устроевается по хотѣнію, то̀ получило начало бытія, и оно для творящаго есть внѣшнее; а Сынъ есть собственное рожденіе Отчей сущности, не отвнѣ Отца. Поэтому, Отецъ не совѣщаваетъ о Сынѣ, иначе должно было бы заключить, что̀ Онъ совѣщаваетъ и о Себѣ Самомъ. Итакъ, въ какой мѣрѣ Сынъ выше твари, въ такой же и то̀, что̀ отъ естества, выше хотѣнія. И еретикамъ, слыша сіе, надлежало не вмѣнять хотѣнію того, что̀ отъ естества; но они, забывъ, что̀ слышатъ о Сынѣ Бо-

жіемъ, осмѣливаются употреблять о Богѣ человѣческія противоположенія: «по необходимости и противъ воли», чтобы отрицать имъ бытіе истиннаго Сына Божія.

Дѣйствительно, пусть скажутъ намъ сами: по хотѣнію ли, или не по хотѣнію у Бога тò, что Онъ благъ и милосердъ? Если по хотѣнію, то должно замѣтить, что Онъ началъ быть благимъ, и есть возможность не быть Ему благимъ; потомучто при совѣщаніи и избраніи имѣетъ мѣсто наклонность къ тому и другому, и состояніе сіе свойственно разумной природѣ. Если же, по причинѣ заключающейся въ семъ необходимости, Богъ благъ и милосердъ не по хотѣнію,—то пусть услышатъ то же, чтò сказали сами: слѣдовательно, Онъ благъ по необходимости и не по волѣ. Кто же налагаетъ на Него и сію необходимость? Если ни съ чѣмъ несообразно приписывать Богу необходимость, и поэтому, Онъ благъ по естеству, то гораздо паче и съ большею несомнѣнностію по естеству, а не по хотѣнію, Онъ—Отецъ Сына.

Но намѣреваюсь безстыдству ихъ предложить вопросъ, хотя и смѣлый, впрочемъ (да помилуетъ Владыка!) имѣющій цѣлію благочестіе; пусть еще скажутъ намъ и сіе: Самъ Отецъ, совѣщавшись прежде и потомъ возжелавъ, или и прежде совѣщанія, такъ существуетъ? Еретикамъ, дерзнувшимъ отзываться такъ о Словѣ, надлежитъ выслушать и это и изъ сего выразумѣть, что такая ихъ продерзость касается и Самого Отца. Итакъ, если, однажды навсегда рѣшившись

разсуждать о хотѣніи, скажутъ они, что и Отецъ—вслѣдствіе хотѣнія, то чѣмъ же былъ Онъ до совѣщанія? Или, что̀ большее сталъ имѣть, какъ говорите вы, по совѣщаніи? Если же такой вопросъ нелѣпъ и несостоятеленъ, и вообще, непозволительно даже и говорить что-либо подобное (ибо слыша о Богѣ, достаточно для насъ знать и представлять въ мысли только одно, что Онъ есть *Сый*), то не будетъ ли неразумно подобнымъ образомъ думать и о Словѣ и выставлять на видъ хотѣніе и изволеніе? Ибо слыша и о Словѣ, достаточно для насъ знать и представлять въ мысли только одно, что не вслѣдствіе хотѣнія Сущій Богъ, не по хотѣнію, но по естеству имѣетъ собственное Слово. Не выше ли всякаго безумія даже и помыслить только, будто бы Самъ Богъ совѣщаваетъ, размышляетъ, избираетъ и побуждаетъ Себя къ соизволенію не быть безъ Слова и Премудрости, но имѣть Слово и Премудрость? Совѣщавающій о Томъ, Кто собственно отъ Его сущности, видимо совѣщаваетъ о Себѣ Самомъ.

Поэтому, много хульнаго въ такомъ мудрованіи, благочестно же будетъ сказать, что существа созданныя пришли въ бытіе по благоволенію и хотѣнію, а Сынъ—не привзошедшее, подобно твари, созданіе воли, но собственное по естеству рожденіе сущности. Ибо, будучи собственнымъ Отчимъ Словомъ, не позволяе́тъ думать о какомъ-либо предшествовавшемъ Ему хотѣніи; потомучто Самъ Онъ есть Отчій совѣтъ, Отчая сила и Зиждитель угоднаго Отцу. И сіе Самъ

Онъ говоритъ о Себѣ въ Притчахъ: *Мой совѣтъ и утвержденіе, Мой разумъ, Моя же крѣпость* (Притч. XVIII, 14). Какъ Самъ Онъ есть разумъ, которымъ уготовалъ небеса, и Самъ есть крѣпость и сила (потомучто Христосъ *Божія сила и Божія Премудрость* 1 Коринѳ. I, 24), теперь же, превративъ рѣчь, сказалъ: *Мой разумъ и Моя крѣпость;* такъ, говоря: *Мой совѣтъ,* Самъ есть живый Отчій совѣтъ, какъ научены мы и пророкомъ, что Онъ дѣлается Ангеломъ *велика совѣта* (Исаія IX, 6), и Онъ же нареченъ *Отчею волею* (Исаія LXII, 4). Такъ надобно обличать еретиковъ, которые о Богѣ представляютъ человѣческое. Итакъ, если созданія произошли по хотѣнію и благоволенію, и вся тварь получила бытіе по волѣ, и Павелъ *волею Божіею* нареченъ *посланникъ* (Ефес. I, 1), *и званіе наше было по благоволенію и волѣ* (Ефес. I, 9), все же получило бытіе Словомъ,—то Слово состоитъ внѣ получившихъ бытіе по хотѣнію, лучше же сказать, Само Оно есть тотъ живый Отчій Совѣтъ, Которымъ *вся быша,* Которымъ и святый Давидъ, благодаря, сказалъ въ семьдесятъ второмъ псалмѣ: *удержалъ еси руку десную мою, и совѣтомъ Твоимъ наставилъ мя еси* (Псал. LXXII, 23—24). Какъ же Слово, будучи совѣтомъ и волею Отца, можетъ и Само, подобно каждой твари, прійти въ бытіе по волѣ и хотѣнію? Развѣ еретики, по сказанному прежде, въ безуміи своемъ скажутъ опять, что Слово произведено Само Собою, или другимъ какимъ словомъ. Поэтому, кѣмъ же получило Оно бытіе? Пусть измыслятъ иное слово,

и, соревнуя Валентинову ученію, наименуютъ инаго Христа. Въ Писаніи нѣтъ сего. Но если и измыслятъ иное слово, то, безъ сомнѣнія, и оно приходитъ въ бытіе кѣмъ-либо. И наконецъ, когда разсуждаемъ такимъ образомъ и доискиваемся слѣдствій, открывается предъ нами многоглавая ересь безбожниковъ, впадающая въ многобожіе и безмѣрное безуміе, по которой еретики, желая, чтобы Сынъ былъ тварію и изъ не-сущихъ, то же самое выражаютъ иначе, прикрывая себя словами: хотѣніе и изволеніе, которыя всего болѣе съ основательностію можно употреблять о вещахъ созданныхъ и о тваряхъ.

Не нечестиво ли же свойственное существамъ созданнымъ относить къ Создателю? Не богохульно ли говорить, что во Отцѣ есть хотѣніе прежде Слова? Если хотѣніе во Отцѣ предшествуетъ, то не истину говоритъ Сынъ: *Азъ во Отцѣ* (Іоан. XIV, 10). Или, если и Онъ во Отцѣ, но будетъ считаться вторымъ, то неприлично было Ему сказать о Себѣ: *Азъ во Отцѣ*, когда прежде Него было хотѣніе, которымъ, по словамъ вашимъ, *вся быша*, и состоялся Самъ Сынъ. Ибо хотя отличается Онъ славою, однакоже тѣмъ не менѣе есть одинъ изъ получившихъ бытіе по хотѣнію. Но въ такомъ случаѣ, какъ сказали мы прежде, почему Онъ—Господь, а прочіе—рабы? А Онъ есть Господь всѣхъ, потомучто въ единеніи съ господствомъ Отца; и тварь, безъ сомнѣнія, есть раба, потомучто она внѣ единства со Отцемъ, и нѣкогда не существовавъ, пришла въ бытіе.

Но еретики, говоря, что Сынъ получилъ бытіе по хотѣнію, должны были сказать: и по разумѣнію, потомучто разумѣніе и хотѣніе, какъ думаю, есть одно и то же. Кто совѣщаваетъ о чемъ, тотъ и разумѣетъ сіе, и что̀ разумѣетъ, о томъ совѣщаваетъ. Самъ Спаситель соотносительно совокупилъ между собою то и другое, какъ родственное, говоря: *Мой совѣтъ и утвержденіе, Мой разумъ, Моя же крѣпость.* Какъ крѣпость и утвержденіе есть одно и то же, потомучто это есть самая сила, такъ одно и то же значитъ сказать, что есть разумъ и совѣтъ, потомучто это есть Господь. Но нечестивые не соглашаются, что Сынъ есть Слово и Живый Совѣтъ; баснословятъ же о Богѣ, что разумъ, и совѣтъ, и премудрость бываютъ въ Немъ по-человѣчески, какъ состояніе случайное и неимѣющее иногда мѣста; и все приводя въ движеніе, выставляютъ на видъ съ Валентиномъ мысль и изволеніе, только бы разлучить Сына со Отцемъ и сказать, что Онъ—не собственное Отчее Слово, но тварь.

И они пусть услышатъ подобное тому, что̀ сказано Симону волхву: нечестіе Валентиново съ вами *да будетъ въ погибель* (Дѣян. VIII, 20). Каждый же изъ насъ да повѣритъ лучше Соломону, который говоритъ, что Слово Само есть премудрость и разумъ, ибо сказано: *Богъ премудростію основа землю, уготова же небеса разумомъ* (Притч. III, 19). И какъ здѣсь сказано: разумомъ, такъ во Псалмахъ: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася* (Псал. XXXII, 6). И какъ

небеса Словомъ, такъ и *вся елика восхотѣ, сотвори* (Псал. CXXXIV, 6); какъ и Апостолъ пишетъ Ѳессалоникійцамъ: *есть воля Божія о Христѣ Іисусѣ* (1 Солун. V, 18). Посему, Сынъ Божій Самъ есть Слово и Премудрость, Самъ—разумъ и живый совѣтъ; въ Немъ воля Отчая, Онъ есть истина, свѣтъ и сила Отчая. Если же хотѣніе Божіе есть премудрость и разумъ, также и Сынъ есть Премудрость, то утверждающій, что Сынъ получилъ бытіе по хотѣнію, утверждаетъ съ симъ вмѣстѣ, что Премудрость произведена премудростію, Сынъ сотворенъ сыномъ, Слово создано словомъ. А сіе прекословно Богу и противно Его Писаніямъ. Ибо Апостолъ проповѣдуетъ, что Сынъ есть собственное сіяніе и образъ не хотѣнія, но самой Отчей сущности, говоря: *Иже сый сіяніе славы и образъ ѵпостаси Его* (Евр. I, 3). Если же, какъ сказали мы выше, Отчая сущность и ѵпостась не отъ хотѣнія, то явно, не отъ хотѣнія также и то̀, что̀ составляетъ собственность Отчей ѵпостаси. Ибо какова есть и какъ есть оная блаженная ѵпостась, такимъ и такъ должно быть и собственное Ея рожденіе. И Самъ Отецъ не сказалъ: Сей есть по хотѣнію Моему происшедшій Сынъ, или: Сынъ, Котораго имѣю по благоволенію, но просто говоритъ: *Сынъ Мой,* и сверхъ того: *о Немже благоволихъ,* показывая тѣмъ, что Онъ есть Сынъ по естеству, но въ Немъ Мое хотѣніе угоднаго Мнѣ.

Поелику же Сынъ по естеству, а не по хотѣнію, то ужели Онъ есть нежеланный Отцу и противный

Отчему хотѣнію? Никакъ; напротивъ того, и желателенъ Сынъ Отцу, и, какъ Самъ говоритъ, *Отецъ любитъ Сына и вся показуетъ Ему* (Іоан. V, 20). Какъ Богъ, хотя не по хотѣнію началъ быть благимъ, однакоже, благъ не противъ хотѣнія и воли, ибо каковъ Онъ есть, тò и желательно Ему,—такъ и сіе, что есть Сынъ, хотя не по хотѣнію началось, однакоже не противъ желанія и воли Божіей. Какъ желательна Богу собственная Своя ѵпостась, такъ не нежелателенъ Ему и собственный Сынъ, сущій отъ Его сущности. Итакъ, желателенъ и возлюбленъ Отцу да будетъ Сынъ. Такъ да разсуждаютъ благочестно о волѣ Божіей и о томъ, чтò непротивно Божію хотѣнію. Ибо Сынъ тѣмъ же изволеніемъ, какимъ изволяетъ Его Отецъ, и Самъ любитъ, и изволяетъ, и чтитъ Отца, и единая есть воля, сущая въ Сынѣ отъ Отца; почему, и изъ сего усматривается, что Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ.

Посему никто, согласно съ Валентиномъ, да не вводитъ предшествующаго хотѣнія и, подъ предлогомъ хотѣнія, да не ставитъ себя посредникомъ между единымъ Отцемъ и единымъ Словомъ. Ибо безумствуетъ, кто между Отцемъ и Сыномъ поставляетъ хотѣніе и совѣщаніе. Иное дѣло—говорить: произошелъ по хотѣнію, иное же—сказать: любитъ и желаетъ Сына, какъ собственнаго Своего по естеству. Сказать: произошелъ по хотѣнію, значитъ во-первыхъ предположить, что нѣкогда Онъ не былъ; а потомъ, по сказанному, допустить, что возможна наклонность

къ тому и другому; почему, иный можетъ подумать, что Богъ могъ и не похотѣть Сына. Но сказать о Сынѣ: могъ и не быть, есть злочестивая дерзость, простирающаяся и на Отчую сущность. Если сказать, что могло не быть собственно принадлежащее сей сущности, то сіе значитъ то же, какъ и сказать, что Отецъ могъ не быть благимъ. Но какъ Отецъ всегда по естеству благъ, такъ всегда по естеству Родитель. Слова же: Отецъ хощетъ Сына, и Слово хощетъ Отца, не на предшествующее указываютъ хотѣніе, но даютъ разумѣть преискренность естества, свойство и подобіе сущности. Какъ можно о сіяніи и свѣтѣ сказать, что сіяніе не имѣетъ въ свѣтѣ предшествующаго хотѣнія, но есть по естеству рожденіе, изволяемое породившимъ его свѣтомъ, не по совѣщанію воли, но по естеству и въ дѣйствительности: такъ правильно будетъ сказать объ Отцѣ и Сынѣ, что Отецъ любитъ и хощетъ Сына, а Сынъ любитъ и хощетъ Отца. Посему, да не именуется Сынъ созданіемъ воли, и да не вводятся въ Церковь Валентиновы понятія, да именуется же Сынъ живымъ свѣтомъ и истинно рожденіемъ по естеству, подобно сіянію свѣта. Такъ и Отецъ сказалъ: *отрыгну сердце Мое Слово благо;* и согласно съ симъ говоритъ Сынъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ.* Если же слово въ сердцѣ, то гдѣ хотѣніе? И если Сынъ во Отцѣ, то гдѣ изволеніе? И если хотѣніе есть Самъ Онъ, то какъ совѣтъ въ хотѣніи? Это нелѣпо: иначе, какъ говорено было неоднократно, будетъ Слово въ Словѣ, Сынъ въ Сынѣ, Премудрость въ

Премудрости, потомучто Отчій Сынъ есть все это. И ничего нѣтъ въ Отцѣ прежде Слова, но въ Словѣ и хотѣніе, и Имъ изволенія Отчаго хотѣнія совершаются на дѣлѣ, какъ показываютъ Божественныя Писанія.

Но желалъ бы я, чтобы злочестивые, до такой мѣры ниспадшіе въ неразуміе и разсуждающіе о хотѣніи, не спрашивали уже болѣе раждающихъ женъ своихъ, какъ спрашивали ихъ прежде, говоря: «имѣла ли ты сына, пока не родила?»—но чтобы спросили отцевъ: «отъ своей ли только воли бываете вы отцами, или по естеству вашего хотѣнія?» еще: «дѣти ваши подобны ли естеству вашему и сущности вашей?» Тогда, можетъ быть, пристыдили бы ихъ родители, у которыхъ искали рѣшенія задачи о рожденіи и отъ которыхъ надѣялись получить вѣдѣніе. Родители отвѣтили бы имъ: «что̀ раждаемъ, то̀ не волѣ, а намъ подобно; и бываемъ родителями не вслѣдствіе только своего преднамѣренія, но раждать свойственно естеству, какъ и мы сами—образъ родившихъ насъ». Посему пусть еретики или осудятъ сами себя и перестанутъ спрашивать у женъ о Божіемъ Сынѣ, или вразумятся отъ нихъ, что сынъ раждается не по хотѣнію, но по естеству и дѣйствительности. Прилично же симъ зломудреннымъ такое обличеніе, взятое съ людей, потомучто и о Божествѣ разсуждаютъ они по-человѣчески.

Поэтому, что же еще безумствуютъ христоборцы? И о семъ, какъ и о другихъ возраженіяхъ ихъ,

доказано и обнаружено, что это только мечта и баснотворство. И потому, хотя поздно усмотрѣвъ, въ какую стремнину неразумія впали они, должны, по увѣщанію нашему, обратиться вспять и бѣжать отъ діавольской сѣти. Ибо человѣколюбивая Истина всегда взываетъ: *аще и Мнѣ не вѣруете,* по причинѣ тѣлеснаго покрова, *дѣло́мъ вѣруйте, да разумѣете, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ,* и: *Азъ и Отецъ едино есма,* и: *видѣвый Мене видѣ Отца.* Но, хотя Господу и свойственно человѣколюбіе и желаетъ Онъ *возводити* вся *низверженныя* (Псал. CXLV, 8), какъ говоритъ Давидъ въ своемъ хваленіи, однакоже злочестивые, не хотя слышать Господняго гласа и не терпя видѣть (о, жалкіе!), что Господь отъ всѣхъ исповѣдуется Богомъ и Божіимъ Сыномъ, подобно *хрущамъ* (Аввак. II, 11), обходятъ всюду, съ отцемъ своимъ діаволомъ ища предлоговъ къ злочестію. Какіе же предлоги, или гдѣ возмогутъ найти еще послѣ сего? Развѣ у Іудеевъ и у Каіафы займутъ хулы, а у язычниковъ возьмутъ безбожіе? Божественныя же Писанія для нихъ заключены; въ нихъ все обличаетъ сихъ несмысленныхъ, какъ и христоборныхъ.

Изъ бесѣды «о слѣпорожденномъ».

Въ прошедшую недѣлю ты слышалъ, возлюбленный, что̀ говорилъ Евангелистъ Іоаннъ: «и мимоидый Іисусъ, видѣ человѣка слѣпа отъ рождества, и во-

просиша Его ученицы Его, глаголюще: Равви, кто согрѣши, сей ли, или родителя его, яко слѣпъ родися?» Господь отвѣчалъ имъ: «ни сей согрѣши, ни родителя его, но да явятся дѣла Божія на немъ». «Сія рекъ плюну на землю, и сотвори бреніе отъ плюновенія, и помаза очи бреніемъ слѣпому», и послалъ его въ Силоамъ. Слѣпой пошелъ, умылся и прозрѣлъ, и прозрѣвши увѣровалъ въ Пославшаго. Слушай со вниманіемъ. Ученики спрашивали Господа: «Учителю, кто согрѣши, сей ли, или родителя его?» Вопросъ Апостоловъ имѣлъ основаніе. Уже видно, что Апостолы предстояли предъ Господомъ Іисусомъ, какъ предъ Богомъ. Ибо кто знаетъ сокровенное въ человѣкахъ, кромѣ Сердцевѣдца? Посему и Господь не отвергъ ихъ вопроса, но чтобы и удовлетворить желанію Апостоловъ, и вмѣстѣ утвердить вѣру въ Свою божественность, отвѣчалъ имъ: «ни сей согрѣши, ни родителя его, но да явятся дѣла Божія на немъ»,—т. е. настоящая слѣпота его не есть наказаніе за грѣхи, но недостатокъ природный. Но поврежденной природы никто не можетъ исправить, кромѣ Самого Творца природы. Посему-то Господь и говоритъ: «ни сей согрѣши, ни родителя его, но да явятся дѣла Божія на немъ». Сказавъ сіе, тотчасъ показываетъ самымъ дѣломъ, что Онъ есть Творецъ природы, и что Онъ о Себѣ Самомъ сказалъ: «да явятся дѣла Божія на немъ», т. е. чтобы узнали чрезъ него, что Я не простой человѣкъ, но всемогущій Богъ. Ибо Господь, утвердившій небеса словомъ, какъ говоритъ Св. Писаніе: *словомъ Господ-*

нимъ небеса утвердишася (Псал. XXXII, 6), въ другомъ случаѣ (Лук. XVIII, 41—42) однимъ словомъ исцѣлилъ слѣпаго. Слѣдовательно и сего слѣпаго отъ рожденія могъ также исцѣлить однимъ словомъ. Но Онъ теперь не дѣлаетъ сего, а помазываетъ слѣпому глаза бреніемъ, чтобы всѣ видѣли, что Онъ есть Художникъ и Адамова тѣла, и теперь подобное совершаетъ бреніемъ. Не измѣняетъ образа дѣйствованія, дабы не разнообразилось чудотвореніе. Помазывая бреніе бреніемъ, совершаетъ подобное подобнымъ. Но скажутъ: «если Господь для того помазалъ слѣпому глаза бреніемъ, чтобы показать, что Онъ же составилъ и тѣло Адамово изъ бренія, то для чего Онъ посылалъ слѣпаго въ Силоамъ? или и Адама туда же посылалъ?» Слушай со вниманіемъ. Когда Господь творилъ тѣло Адамово, въ то время не было противорѣчущаго Іудея. Итакъ, поелику тогда никто не противорѣчилъ, то Господь и устроилъ сей разумный слѣпокъ въ скорѣйшее время; но какъ нынѣ много противорѣчущихъ, то и совершаетъ Онъ сіе дѣло продолжительнѣе, дабы и противниковъ заставить невольно убѣдиться въ чудѣ. По сей-то причинѣ Господь, помазавъ бреніемъ очи слѣпому, посылаетъ его въ Силоамъ умыться, не потому, что Господь Силоама имѣлъ нужду въ Силоамѣ, но для того, чтобы за слѣпымъ послѣдовали видящіе и невидящій сдѣлался вождемъ для видящихъ, чтобы они, идя съ нимъ, содѣлались свидѣтелями чуда. Ибо въ то время, когда Господь совершалъ сіе и посылалъ слѣпаго въ

Силоамъ, стеклось безчисленное множество свидѣтелей онаго чуда. — Но фарисеи еще не переставали разсуждать о настоящемъ дѣлѣ съ утонченною недовѣрчивостію и кричали, что сіе чудо—мечта! Чтò было бы, если бы Господь не продолжилъ дѣйствія чудотворенія? Впрочемъ ты не погрѣшишь, если Силоамъ примешь за образъ купѣли крещенія, въ которой всѣ омываются отъ мрака невѣдѣнія и получаютъ свѣтъ благочестія.—А что и послѣ таковой продолжительности чудодѣйствія еще многіе изъ Іудеевъ противорѣчили оному, о семъ ты слышалъ Евангелиста, который говоритъ: «сосѣди же, и иже бяху видѣли его прежде, яко слѣпъ бѣ, глаголаху: не сей ли есть сѣдяй и просяй? Овіи глаголаху, яко сей есть; иніи же глаголаху, яко подобенъ ему есть. Онъ же глаголаше, яко азъ есмь». Видишь ли слѣпоту, возстающую на прозрѣніе? Слѣпой прозрѣлъ, а видящіе ослѣпли злобою, ибо злоба всегда слѣпа. Посему Іудеи, обладаемые злобою, такъ научали слѣпаго отъ рожденія: «скажи намъ, за чтò ты такъ превозносишь сего плотникова сына и прославляешь Его, какъ Бога? вѣдь, не ты слѣпой отъ рожденія? Мы того знаемъ; мы часто подавали ему милостыню. Что же ты славишь Іисуса и говоришь, будто Онъ открылъ тебѣ глаза? Если тебѣ нужны деньги, и для нихъ теперь лжешь, то бери у насъ, сколько хочешь, только говори правду». Итакъ они не упустили ничего, чтобы какъ-нибудь скрыть чудо.—«Чтò вы клевещете на меня?—отвѣчалъ прозрѣвшій Іудеямъ,—

чтὸ вы стараетесь ослѣпить мои душевныя очи? Я прозрѣлъ и больше не слѣпъ. Напрасно вы прахомъ хулы осыпаете меня. Одинъ оказалъ мнѣ благодѣяніе, а вы возстаете на Него, не прославляете, а злословите Его. Впрочемъ вы прилично называете Его сыномъ плотника, ибо Онъ перестроилъ окна моихъ глазъ. Извините, что я не могу теперь много говорить вамъ. Дайте мнѣ сперва насмотрѣться на красоту небесную, на кругъ солнечный и блистательную луну—предѣлъ дня и мѣру ночи, на сонмы звѣздъ, на разбѣгающіяся облака, на равнину земли и углубленіе морей, на безслѣдный путь кораблей, на округлость холмовъ, на цѣпи горъ, на быстрину рѣкъ и стремительность потоковъ, на водоемы источниковъ, на бѣганіе скотовъ, на разнообразіе звѣрей, на разноцвѣтное убранство птицъ, на различныя породы рыбъ, на высоту деревъ, на пріятный видъ плодовъ».

Слыша сіе и видя, что слѣпой не только исцѣлился, но и проповѣдуетъ чудо, Іудеи опять приступили къ нему съ вопросомъ: «какъ ты прозрѣлъ? Чтὸ сдѣлалъ съ тобою Этотъ Человѣкъ, что ты такъ твердо защищаешь Его дѣло?»—На это прозрѣвшій отвѣчалъ ослѣпшимъ: «вы спрашиваете, какъ я прозрѣлъ? О томъ ли говорите, какъ Богъ дѣйствуетъ на природу? Если вы спрашиваете: какъ?—то и я спрошу васъ: какъ Онъ претворилъ воду въ вино? Естественнымъ или чудеснымъ образомъ? Какъ воскресилъ дщерь Іаира? Естественною или Божествен-

ною силою? Какъ прокаженнаго очистилъ отъ болѣзни? Врачевствомъ какимъ, или одною волею? Какъ оную кровоточивую жену, какъ-бы волнами своей крови обуреваемую, избавилъ отъ сей бури? Изслѣдовалъ ли Онъ для сего ея болѣзнь, или узналъ только ея вѣру?»—Іудеи, видя его непреклонность, съ яростію схватили его и насильно повлекли въ судилище фарисейское съ сими словами: «тебя надобно лучше вразумить, чтобы ты помнилъ свое рабство, а не училъ; ты не молчишь, а всенародно проповѣдуешь, и хочешь, чтобы этого Іосифова сына признали Богомъ? По какому-то случаю прозрѣлъ, да и увѣряешь насъ, будто слѣпъ родился, и указываешь на этого плотникова сына? Ты все не молчишь, а кричишь?» Но прозрѣвшій сказалъ имъ: «если не хотите, чтобы я кричалъ, то зачѣмъ меня столько разъ спрашиваете? Сами себя безчестите, а вину возлагаете на меня. Если, какъ говорите вы, я прозрѣлъ случайно, то зачѣмъ было призывать моихъ родителей? Напрасно дѣлаете столько шуму: вы не можете скрыть чуда; хотя я и буду молчать, но будутъ говорить мои глаза. Нѣкто, называемый Іисусъ, Коего самое имя означаетъ спасеніе, бреніемъ помазалъ мнѣ глаза и сказалъ мнѣ: иди, умыйся въ купѣли Силоамстѣ; я пошелъ, умылся, бреніе отпало, и—я увидѣлъ свѣтъ».

Слово на слова: «вся Мнѣ предана суть отцемъ Моимъ: и никтоже знаетъ, кто есть Сынъ, токмо Отецъ: и кто есть Отецъ, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти (Матѳ. XI, 27).

И сего не уразумѣвъ, держащіеся Аріевой ереси, Евсевій и сообщники его, нечестиво говорятъ о Господѣ: «Если *вся предана* (и подъ словомъ *вся* разумѣютъ они господство надъ тварію), то было, когда не имѣлъ сего. Еслибъ не имѣлъ, то Онъ не отъ Отца, потомучто, если бы отъ Отца былъ, то, какъ Сущій отъ Него, всегда имѣлъ бы сіе, и не было бы Ему нужды принимать это». Но сими-то словами изобличается наиболѣе ихъ неразуміе: потомучто изреченіе сіе означаетъ не начальство надъ тварію, или господство надъ вещами сотворенными, но имѣетъ въ виду дать нѣкоторое понятіе о домостроительствѣ.

Если тогда *предана* Ему *вся*, когда сказалъ сіе, то явно, что, прежде пріятія Имъ всего, тварь не имѣла въ себѣ Слова. Какъ же сказано: *всяческая въ Немъ состоятся* (Колос. I, 17)? Если же вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ произошла тварь, вся она предана Ему, то не было нужды предавать, потомучто *вся Тѣмъ быша* (Іоан. I, 3), и излишне было бы предавать Господу тѡ, чему Самъ Онъ—Создатель. Онъ былъ Господь сотвореннаго по тому самому, что сотворилъ сіе. Но если уже по сотвореніи *вся предана* Ему, то

вникни въ несообразность. Ибо если *предана,* и по принятіи Имъ, Отецъ устранился, то подвергаемся опасности впасть съ иными въ баснословіе, будто бы Отецъ, предавъ Сыну, Самъ отступился отъ міра. Или если, когда содержитъ все Сынъ, содержитъ также и Отецъ, то надлежало бы сказать не *предана,* но—Отецъ принялъ въ общеніе, какъ Павелъ Силуана. А въ семъ еще болѣе несообразности. Богъ ни въ комъ не имѣетъ нужды, и не по необходимости принялъ въ помощь Сына, но, будучи Отцемъ Сыну, чрезъ Него все творитъ, и не предаетъ Ему твари, но чрезъ Него и въ Немъ промышляетъ о твари, такъ-что и воробей не падетъ на землю безъ воли Отца, и трава не одѣнется безъ Бога. Впрочемъ, тогда какъ дѣлаетъ Отецъ, и Сынъ дѣлаетъ доселѣ (Іоан. V, 17).

Итакъ суетно мудрованіе нечестивыхъ. Приведенное изреченіе не то̀ значитъ, что̀ они думаютъ; указываетъ же на Господне во плоти домостроительство. Когда человѣкъ согрѣшилъ и палъ, а съ паденіемъ его все пришло въ смятеніе, усилилась смерть *отъ Адама даже до Моѵсеа* (Римлян. V, 14), земля подверглась проклятію, отверзся адъ, заключился рай, раздражилось небо, человѣкъ въ конецъ развратился и уподобился скотамъ, діаволъ же поругался надъ нами; тогда Богъ, Который человѣколюбивъ и не хочетъ, чтобы погибъ созданный по образу Его человѣкъ, изрекъ: *кого послю, и кто пойдетъ?* Всѣ безмолвствовали, и Сынъ сказалъ: *се Азъ, посли Мя.* То-

гда-то, конечно, Отецъ, сказавъ Ему: *иди* (Исаія VI, 8—9), предалъ Ему человѣка, чтобы Само Слово стало плотію, и принявъ на Себя плоть, во всемъ обновило его. Ибо Слову преданъ человѣкъ, какъ Врачу, чтобы уврачевать отъ угрызенія змія; какъ жизни, чтобы воскресить мертваго; какъ Свѣту, чтобы озарить тьму; и сущему Слову, чтобы обновить словесную тварь. Посему, какъ скоро *вся предана* Слову, и Оно стало человѣкомъ,—тотчасъ все обновлено и усовершено: земля вмѣсто проклятія пріемлетъ благословеніе, рай отверзтъ разбойнику, адъ ужаснулся, гробы отверзлись, когда мертвецы воскрешены, взялись врата небесныя, *да внидетъ грядущій отъ Едома* (Псал. XXIII, 9). Самъ Спаситель, чтобы показать, какимъ именно образомъ *вся предана* Ему, какъ говоритъ Матѳей, немедленно присовокупилъ: *пріидите ко Мнѣ, вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. XI, 28). Мнѣ вы преданы, да упокою утружденныхъ и оживотворю умерщвленныхъ. Согласно съ симъ—и читаемое у Іоанна: *Отецъ любитъ Сына и вся даде въ рўцѣ Его* (Іоан. III, 35). Далъ для того, чтобы, какъ все Имъ сотворено, такъ все о Немъ же могло и обновиться Ибо не для того, чтобы изъ бѣднаго сталъ Онъ богатымъ, предается Ему, не для того, чтобы, не имѣя власти, пріять власть, пріемлетъ Онъ все,—да не будетъ сего!—а напротивъ того, чтобы Ему, какъ Спасителю, все обновить: ибо прилично было какъ въ началѣ созданія Имъ, такъ и при исправленіи,

о Немъ же придти сему въ бытіе, съ тою разностію въ реченіяхъ, что въ началѣ Имъ пришло въ бытіе, а впослѣдствіи,—когда все пало, Слово стало плотію и облеклось въ плоть,—въ Немъ все обновилось. Ибо Само страдая, насъ упокоило; Само алча, насъ напитало, и, нисходя во адъ, насъ возвело изъ ада. Тогда, при сотвореніи всего, было повелѣніе придти въ бытіе, напр. *да произведетъ, да будетъ* (Быт. I, 3, 20); при исправленіи же прилично было, чтобы Ему было предано, да Само Слово содѣлается человѣкомъ, и все въ Немъ обновится. Ибо оживотворился сущій о Немъ человѣкъ. Для того Слово и соединилось съ человѣкомъ, чтобы клятва не имѣла болѣе силы надъ человѣкомъ. Для того въ 71-мъ псалмѣ умоляющіе Бога о человѣческомъ родѣ говорятъ: *Боже, судъ Твой цареви даждь* (ст. 1), чтобы смертное наше осужденіе, которое было противъ насъ, предано было Сыну, и Онъ уже въ Себѣ уничтожилъ сіе осужденіе, умерши за насъ. Сіе разумѣя, и Самъ Онъ сказалъ въ 87-мъ псалмѣ: *на мнѣ утвердися ярость Твоя* (8); потомучто Самъ понесъ на Себѣ гнѣвъ, который лежалъ на насъ, какъ говоритъ и въ 137 псалмѣ: *Господь воздастъ за Мя* (8).

Посему такъ должно понимать сказанное: *вся предана* Спасителю; и въ этомъ смыслѣ, можно сказать, предается Ему тò, чего не имѣлъ. Ибо прежде сего не былъ Онъ человѣкомъ; сталъ же человѣкомъ, чтобы спасти человѣка. Въ началѣ не было плотію Слово, но впослѣдствіи стало плотію, и ею, по слову

Апостола, примирило вражду съ нами, и *законъ заповѣдій ученьми* упразднило, *да оба созиждетъ во единаго новаго человѣка, творя миръ, и примиритъ обойхъ во единѣмъ тѣлѣ* Отцу (Ефес. II, 15—16).

Чтò имѣетъ Отецъ, тò принадлежитъ и Сыну, какъ говоритъ у Іоанна: *вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть* (Іоан. XVI, 15); и весьма выразительны слова сіи. Ибо когда содѣлался тѣмъ, чѣмъ не былъ, тогда все предается Ему. А когда хочетъ указать на Свое единство съ Отцемъ, тогда не скрываетъ и учитъ, говоря: *вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть*. И подивиться должно точности слова. Не сказалъ: *вся елика иматъ Отецъ*, далъ Мнѣ, чтобы не заключили, будто бы не имѣлъ когда-то сего, но говоритъ: *Моя суть*, ибо сіе, состоя во власти Отца, также и во власти Сына.

Но должно еще изслѣдовать: чтò *иматъ Отецъ?* Если означается симъ тварь, то прежде твари ничего не имѣлъ Отецъ, и чтò имѣетъ, оказывается заимствующимъ сіе у твари. Да не подумаемъ сего! Ибо какъ Самъ Онъ—прежде твари, такъ прежде же твари имѣетъ все, чтò ни имѣетъ, и сіе, какъ вѣруемъ, принадлежитъ и Сыну. Ибо если Сынъ въ Отцѣ (Іоан. XIV, 10), то все, чтò имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Сыну.

Но симъ изреченіемъ низлагается лукавство неправомыслящихъ, которые говорятъ: «если все предается Сыну, то Отецъ прекращаетъ власть Свою надъ тѣмъ, чтò предано Сыну, потомучто вмѣсто

Себя поставляетъ Сына: *Отецъ бо не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови* (Іоан. V, 52)». Но *да заградятся уста глаголющихъ неправедная* (Псал. LXII, 12)! Ибо Самъ Отецъ не лишился владычества потому, что судъ весь даде Сынови. И если сказано, что Отцемъ предано все Сыну, то посему не перестаетъ Самъ быть надъ всѣмъ.

Поелику же явнымъ образомъ отдѣляютъ отъ Отца Единороднаго Божія, неотдѣльнаго по естеству, хотя сіи злочестивцы въ безуміи своемъ стараются отдѣлить Его на словахъ, не разумѣя, что свѣтъ никакъ не отдѣлимъ отъ солнца, но естественно въ немъ пребываетъ,—то (хотя и дерзко входить въ изслѣдованіе о недомыслимомъ естествѣ), воспользовавшись скуднымъ подобіемъ, заимствованнымъ отъ того, что̀—обыкновенно и у насъ подъ руками, должно намъ объяснить мысленное словомъ. Посему, какъ имѣющему здравый умъ не возможно представить, что солнечный свѣтъ, озаряющій вселенную, сіяетъ безъ солнца, потомучто солнечный свѣтъ соединенъ съ естествомъ солнца; и если бы свѣтъ сказалъ: «отъ солнца заимствую то̀, что все озаряю, что все растетъ и укрѣпляется моею теплотою»,—то ни одинъ безумецъ не подумаетъ именованіе солнца отдѣлять отъ естества, которое отъ него происходитъ и которое есть свѣтъ: такъ, благочестиво думать, что божественная сущность Слова соединена по естеству съ Отцемъ Своимъ. Ибо разсматриваемое нами изреченіе представляетъ самое ясное истолкованіе искомаго, такъ

какъ Спаситель сказалъ: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть*. Сіе означаетъ, что всегда пребываетъ Онъ съ Отцемъ. Ибо слова: *елика имать* даютъ разумѣть, что Отецъ имѣетъ владычество; а слова: *Моя суть* показываютъ нераздѣльное единеніе. Посему необходимо должны мы представлять, что въ Отцѣ есть нескончаемость бытія, вѣчность, безсмертіе, и сіе пребываетъ въ Немъ не какъ что-либо Ему чуждое, но, какъ въ источникѣ, покоится въ Немъ и въ Сынѣ. И когда хочешь представить что̀ о Сынѣ, тогда познай прежде, что̀ есть въ Отцѣ, и потомъ вѣруй, что то же самое есть и въ Сынѣ. Если Отецъ есть тварь, или произведеніе, то и Сынъ—то же. И если позволительно сказать объ Отцѣ, что было, когда Онъ не былъ, или что Онъ—изъ не сущаго,—то пусть будетъ сіе сказано о Сынѣ. Но если нечестиво утверждать, что есть это въ Отцѣ, то да будетъ нечестиво представлять сіе и въ Сынѣ. Ибо что̀ принадлежитъ Отцу, то̀ принадлежитъ и Сыну: кто чтитъ Сына, тотъ чтитъ пославшаго Его Отца (Іоан. V, 23); кто пріемлетъ Сына, тотъ съ Нимъ пріемлетъ и Отца (Іоан. XIII, 20); кто видѣлъ Сына, тотъ видѣлъ и Отца (Іоан. XIV, 9). Поэтому какъ Отецъ—не тварь, такъ не тварь и Сынъ, и какъ невозможно сказать объ Отцѣ, что было, когда Онъ не былъ, или что Онъ—изъ не сущаго, такъ неприлично говорить сіе о Сынѣ. Напротивъ же того, какъ въ Отцѣ—нескончаемость бытія, безсмертіе, вѣчность, несозданность, такъ точно слѣдуетъ думать намъ и о Сынѣ, по написанному: *якоже Отецъ имать*

животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ Себѣ (Іоан. V, 26). Сказано же *даде*, чтобы указать на дающаго Отца; но какъ въ Отцѣ, такъ и въ Сынѣ, есть жизнь; изъ чего заключай о нераздѣльности и вѣчности бытія. И посему-то съ такою точностію Спаситель сказалъ: *елика иматъ Отецъ*, чтобы и здѣсь, говоря объ Отцѣ, не быть признаннымъ за Самого Отца. Не сказалъ Онъ: «Я—Отецъ»; но: *елика иматъ Отецъ*.

И Единородный Отчій Сынъ отъ Отца именуется Отцемъ же, впрочемъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ, можетъ быть, приняли бы вы, заблуждающіеся аріане; напротивъ того, Онъ—Сынъ родившаго Его Отца, Отецъ же будущаго вѣка. Ибо должно отнять у васъ всѣ ваши предположенія. У пророка сказано: *родися намъ Сынъ, и дадеся намъ, Егоже началство бысть на рамѣ Его: и нарицается имя Его велика совѣта Ангелъ, Богъ крѣпкій, Властитель, Отецъ будущаго вѣка* (Исаія IX, 6). Итакъ Единородный есть и Отецъ будущаго вѣка, и Сынъ Божій есть Богъ крѣпкій и Властитель, и ясно доказано, что *вся елика иматъ Отецъ*, суть и у Сына, и, какъ Отецъ даетъ жизнь, такъ и Сыну равно возможно живить, *ихже хощетъ* (Іоан. V, 21). Ибо сказано: *мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и оживутъ* (Іоан. V, 25). Одна воля, одно хотѣніе у Отца и Сына, потомучто и естество у ихъ одно и нераздѣльно.

Напрасно утруждаютъ себя аріане, не понимая сказаннаго Спасителемъ нашимъ: *вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть*. Сими словами и Савелліево низла-

гается заблужденіе, и обличается неразуміе нынѣшнихъ Іудеевъ. Ибо, по разуму сихъ словъ, Единородный имѣетъ жизнь въ Себѣ, какъ имѣетъ Отецъ, и Онъ одинъ знаетъ, кто есть Отецъ, потомучто во Отцѣ пребываетъ и Отца имѣетъ въ Себѣ. Онъ есть Отчій образъ; слѣдовательно въ Немъ, какъ въ образѣ, есть все тò, чтò принадлежитъ Отцу. Онъ есть равнообразная печать, показывающая въ Себѣ Отца; Онъ— живое, истинное слово, сила, премудрость, освященіе и избавленіе наше. *О Немъ бо живемъ и движемся и есмы* (Дѣян. XVII, 28), *и никтоже знаетъ, кто есть Отецъ, токмо Сынъ, и кто есть Сынъ, токмо Отецъ.* Какъ же нечестивые осмѣливаются суесловить о томъ, о чемъ непозволительно умствовать, когда они—люди, и не въ состояніи объяснить и того, чтò на землѣ? И что говорю о томъ, чтò на землѣ? Пусть скажутъ намъ о себѣ самихъ, если въ состояніи будутъ изслѣдовать собственную свою природу подлинно дерзкіе и самонадѣянные эти люди, не трепещущіе славы, *въ нюже желаютъ приникнути* Ангелы (1 Петр. I, 12), которые столько выше насъ и природою и чиномъ. Ибо чтò ближе къ Богу херувимовъ и серафимовъ? Но и они не только не смѣютъ взирать, или предстоять въ прямомъ положеніи, но даже не съ обнаженными, но какъ-бы съ прикровенными лицами, произносятъ славословіе, немолчными устами въ трисвятой пѣсни прославляя не иное чтò, а только Божіе неизреченное естество. И никто изъ богомудрыхъ пророковъ, особенно сподобившихся сего вѣдѣнія, не

возвѣщалъ намъ, что, произнося первое *святъ*, серафимы восклицаютъ громкимъ голосомъ, а второе произносятъ тише, а третіе же еще слабѣе, и потому собственно величаютъ только первую Святыню, вторую же подчиняютъ ей и третью поставляютъ еще ниже. Да не приближается къ намъ сіе безуміе богомерзкихъ и безразсудныхъ еретиковъ! Всепѣтая, досточтимая и достопокланяемая Троица есть единая, нераздѣльная и неописуемая. Сочетавается же неслитно, и какъ Единица, дѣлится несѣкомо. Почему, досточтимыя сіи живыя существа троекратнымъ возношеніемъ славословія, взывая: *святъ, святъ, святъ,* показываютъ три совершенныя Ѵпостаси, а единымъ произношеніемъ слова: *Господь* выражаютъ единую сущность.

Посему умаляющіе Единороднаго Сына Божія хулятъ Бога, имѣя ложное понятіе о совершенствѣ, и, несправедливо называя Его несовершеннымъ, дѣлаютъ себя достойными самаго жестокаго наказанія, потомучто произносящіе хулу на одну изъ Божественныхъ Ѵпостасей не получатъ отпущенія грѣховъ ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Но Богъ—силенъ отверзть сердечныя очи ихъ къ познанію Солнца правды, да, познавъ Того, Кого прежде отвергали, вмѣстѣ съ нами и они прославятъ Его неослабно благочестивымъ разумомъ; потомучто Его есть Царство,—Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и во вѣки. Аминь.

Отрывокъ изъ 39-го праздничнаго посланія.

Но поелику объ еретикахъ упомянули мы, какъ о мертвыхъ, а о себѣ какъ объ имѣющихъ для спасенія Божественныя Писанія, боюсь же, чтобы иные изъ людей простыхъ, какъ писалъ Павелъ къ Коринѳянамъ, по ухищренію нѣкоторыхъ, не уклонились отъ простоты и чистоты и не стали уже читать другихъ книгъ, называемыхъ апокрифическими, будучи обмануты сходствомъ ихъ именованія съ книгами истинными, то умоляю васъ перенести терпѣливо, если, о чемъ сами знаете, о томъ же и я напишу въ напоминаніе вамъ, какъ по надобности, такъ и для пользы Церкви. Намѣреваясь же написать сіе напоминаніе, для утвержденія своего въ дерзновеніи моемъ, воспользуюсь примѣромъ Евангелиста Луки, говоря и самъ: *понеже* нѣкіи *начаша чинити* себѣ такъ называемыя апокрифическія книги и смѣшивать ихъ съ несомнѣнно богодухновеннымъ Писаніемъ, *якоже предаша* отцамъ, *иже исперва самовидцы и слуги бывшіи Словесе: изволися и мнѣ*, убѣжденному и наученному искренними братіями, исчислить сначала по порядку всѣ книги, внесенныя въ канонъ, преданныя намъ какъ Божественныя, и таковыми признанныя, чтобы всякій, если вовлеченъ въ обманъ, осудилъ предавшихся заблужденію, а если пребылъ чистымъ, порадовался при новомъ семъ напоминаніи. Итакъ, всѣхъ книгъ Ветхаго Завѣта числомъ двадцать двѣ (а по преданію, какъ слышалъ я, у Евреевъ

столько же и буквъ). Книги сіи слѣдуютъ каждая въ такомъ порядкѣ и подъ такимъ именованіемъ: во-первыхъ Бытіе, потомъ Исходъ, потомъ Левитъ, за нею Числа, и наконецъ Второзаконіе; вслѣдъ за сими Іисусъ Навинъ и Судіи. Послѣ книги Судей Руѳь, и опять вслѣдъ за симъ четыре книги Царствъ и изъ нихъ первая и вторая считаются за одну книгу, а подобно третія и четвертая также за одну; послѣ нихъ первая и вторая книга Паралипоменонъ, считаемыя также опять за одну книгу, потомъ первая и вторая книга Ездры, принимаемыя также за одну книгу. Послѣ сихъ книга Псалмовъ, и вслѣдъ за нею Притчи, потомъ Екклесіастъ и Пѣснь Пѣсней. Сверхъ сего есть книги: Іовъ и наконецъ Пророки, и именно двѣнадцать, считаемые за одну книгу, а потомъ Исаія, Іеремія и съ нимъ вмѣстѣ Варухъ, Плачъ и Посланіе, и послѣ Іереміи Іезекіиль и Даніилъ. Доселѣ поименованы книги Ветхаго Завѣта. Но не полѣнимся сказать и о книгахъ Новаго Завѣта; онѣ суть слѣдующія. Четыре Евангелія: отъ Матѳея, отъ Марка, отъ Луки, отъ Іоанна; потомъ послѣ нихъ Дѣянія Апостольскія и семь Апостольскихъ Посланій, называемыя Соборными, именно: одно Іаковлево, два Петровы, потомъ три Іоанновы и послѣ нихъ одно Іудино. Сверхъ сего, есть четырнадцать Посланій Апостола Павла, перечисляемыя въ такомъ порядкѣ: первое къ Римлянамъ, потомъ два къ Коринѳянамъ, послѣ нихъ къ Галатамъ, и вслѣдъ затѣмъ къ Ефесянамъ, потомъ къ Филиппій-

цамъ и къ Колоссянамъ, а послѣ сихъ два къ Өессалоникійцамъ и Посланіе къ Евреямъ и непосредственно затѣмъ два къ Тимоѳею, одно къ Титу и послѣднее къ Филимону, и еще Апокалипсисъ Іоанновъ. Вотъ источники спасенія, чтобы заключающимися въ нихъ словесами напоеваться жаждущему. Въ нихъ однихъ благовѣствуется ученіе благочестія. Никто да не прилагаетъ къ нимъ и не отъемлетъ отъ нихъ чего-либо. Сіи-то Писанія разумѣя, Господь пристыждалъ саддукеевъ, говоря: *прельщаетеся, не вѣдуще Писанія* (Матѳ. XXII. 29), и увѣщевалъ Іудеевъ: *испытайте Писаній, яко та суть свидѣтелствующая о Мнѣ* (Іоан. V, 39). Но для большей точности (пиша и это по необходимости) присовокупляю, что кромѣ сихъ книгъ есть и другія, не внесенныя въ канонъ, которыя однакоже установлено отцами читать вновь приходящимъ и желающимъ огласиться словомъ благочестія, таковы: Премудрость Соломонова, Премудрость Сирахова, Есѳирь, Іудиѳь, Товія, такъ называемое Апостольское наставленіе (διδαχή), и Пастырь. Впрочемъ, возлюбленные, тогдакакъ однѣ книги внесены въ канонъ, а другія предлагаются для чтенія, нигдѣ не упоминается о книгахъ апокрифическихъ; онѣ суть выдумки еретиковъ, которые пишутъ ихъ, когда хотятъ, но приписываютъ имъ давность и прибавляютъ лѣтъ, чтобы, выдавая ихъ за древнія, имѣть случай къ обольщенію тѣмъ людей простодушныхъ.

———ooo———

*

Сказаніе объ аввахъ Ѳеодорѣ и Паммонѣ блаженнаго Аѳанасія, епископа Александрійскаго, Аммону, епископу Елеархіи, и Ермону, епископу Вумастикъ.

Въ сіи времена видѣлъ я великихъ Божіихъ человѣковъ, Ѳеодора, начальника монаховъ Тавеннисійотскихъ, и отца монаховъ Антинойскихъ, по имени авву Паммона, которые недавно почили. Поелику гонимъ я былъ Іуліаномъ и ждалъ, что буду умерщвленъ, о чемъ извѣщали меня искренніе друзья, то въ одинъ день пришли они оба ко мнѣ въ Антиной, и, по общему совѣту—скрыться мнѣ у Ѳеодора, вступилъ я на корабль его со всѣхъ сторонъ закрытый, въ сопровожденіи аввы Паммона. Вѣтеръ былъ неблагопріятный; я, болѣзнуя сердцемъ, молился; Ѳеодоровы монахи, сошедши съ корабля, тянули оный волокомъ; авва Паммонъ утѣшалъ меня; и я отвѣчалъ: «повѣрь словамъ моимъ, что̀ сердце мое исполнено твердой вѣры не столько во время мира, сколько во время гоненій. Ибо несомнѣнно увѣренъ, что, страдая за Христа и укрѣпляемый Его милостію, если буду умерщвленъ, то тѣмъ паче обрѣту у Него милость». Еще не выговорилъ я этого, какъ Ѳеодоръ, устремивъ взоръ на авву Паммона, улыбнулся. Поелику же и авва Паммонъ почти засмѣялся, то я сказалъ имъ: «для чего смѣетесь, когда говорю это? Неужели осуждаете меня въ боязни?» Но Ѳеодоръ говоритъ аввѣ Паммону: «скажи ему, почему улыбнулись мы». И поелику авва Паммонъ

отвѣчалъ: «ты долженъ сказать это», Θеодоръ продолжалъ: «въ сей самый часъ умерщвленъ въ Персіи Іуліанъ. Ибо такъ предрекъ о немъ Богъ: *презорливый и обидливый мужъ и величавый ничесоже скончаетъ* (Аввак. II, 5). Возстанетъ же царь христіанинъ, который будетъ славенъ, но недолговѣченъ. Поэтому, нѣтъ тебѣ нужды трудить себя и уходить въ Θиваиду, но лучше тайно вступить въ свиту, потомучто, встрѣтившись съ нею на пути и искренно принятый ею, возвратишься въ Церковь. А Юліанъ скоро поятъ будетъ Богомъ». Такъ и сбылось. Посему думаю, что многіе благоугождающіе Богу въ монашествѣ по большей части остаются въ сокровенности, потомучто не знаютъ ихъ люди; таковы были и блаженный Амунъ и святый Θеодоръ въ горѣ Нитрійской, и рабъ Божій маститый старецъ Паммонъ.

Житіе преподобнаго отца нашего Антонія, описанное святымъ Аθанасіемъ въ посланіи къ инокамъ, пребывающимъ въ чужихъ странахъ.

Въ доброе соревнованіе съ Египетскими иноками вступили вы, пожелавъ или сравниться съ ними, или даже превзойти ихъ своими подвигами въ добродѣтели. Ибо и у васъ уже появляются монастыри, и водворяются иноки. Посему, такое расположеніе ваше достойно похвалы и того, чтобы усовершилъ оное Богъ по молитвамъ вашимъ.

Поелику же и у меня требовали вы свѣдѣній о житіи блаженнаго Антонія, и, чтобы самимъ вамъ

пріобрѣсти его ревность, пожелали вы знать, какъ началъ онъ свою подвижническую жизнь, каковъ былъ до вступленія въ оную, какой имѣлъ конецъ жизни, и справедливо ли все о немъ разсказываемое,— то съ великою готовностію принялъ я ваше требованіе, потомучто и для меня много пользы въ одномъ воспоминаніи объ Антоніи, да и вы, какъ увѣренъ я, услышавъ о немъ и подивившись ему, пожелаете устремиться къ тойже цѣли, какая и имъ была предположена. Ибо жизнь Антонія для иноковъ достаточный образецъ подвижничества. Я, получивъ посланіе ваше, намѣревался вызвать нѣкоторыхъ иноковъ, особливо же тѣхъ, которые чаще другихъ бывали при немъ, чтобы, получивъ болѣе свѣдѣній, и вамъ сообщить что-либо болѣе полное. Но поелику время плаванія приходило къ концу и отправляющійся съ письмами спѣшилъ, то потщился я написать вашему благоговѣнію, чтò знаю объ Антоніи самъ, многократно видѣвъ его, и какія свѣдѣнія могъ пріобрѣсти о немъ, когда былъ его ученикомъ и возливалъ воду на руки ему. Во всемъ же заботился я объ истинѣ, чтобы иный, услышавъ больше надлежащаго, не впалъ въ невѣріе, или также узнавъ меньше должнаго, не сталъ съ неуваженіемъ думать объ Антоніи.

Антоній родомъ былъ Египтянинъ. Поелику родители его, люди благородные, довольно богатые, были христіане, то и онъ воспитанъ былъ по-христіански, и въ дѣтствѣ росъ у родителей, не зная ничего инаго,

кромѣ ихъ и своего дома. Когда же сталъ отрокомъ и преспѣвалъ уже возрастомъ, не захотѣлъ учиться грамотѣ, ни сближаться съ другими отроками, но имѣлъ единственное желаніе, какъ *человѣкъ нелукавъ*, по написанному объ Іаковѣ, жить въ дому своемъ (Быт. XXV, 27). Между-тѣмъ ходилъ онъ съ родителями въ храмъ Господень; и не лѣнился, когда былъ малымъ отрокомъ, не сдѣлался небрежнымъ, когда сталъ уже возрастать, но покоренъ былъ родителямъ, и внимательно слушая читаемое въ храмѣ, соблюдалъ въ себѣ извлекаемую отъ того пользу. Воспитываемый въ умѣренномъ достаткѣ, онъ не безпокоилъ родителей требованіемъ разныхъ и дорогихъ яствъ, не искалъ услажденія въ снѣдяхъ, но довольствовался тѣмъ, что̀ было, и ничего больше не требовалъ.

По смерти родителей, остался онъ съ одною малолѣтнею сестрою, и будучи восемнадцати или двадцати лѣтъ отъ роду, самъ имѣлъ попеченіе и о домѣ и о сестрѣ. Но не минуло еще шести мѣсяцевъ по смерти его родителей, онъ, идя по обычаю въ храмъ Господень и собирая во едино мысли свои, на пути сталъ размышлять, ка́къ Апостолы, оставивъ все, пошли во слѣдъ Спасителю, ка́къ упоминаемые въ Дѣяніяхъ вѣрующіе, продавая все свое, приносили и полагали къ ногамъ Апостольскимъ для раздаянія нуждающимся, какое имѣли они упованіе, и какія воздаянія уготованы имъ на небесахъ. Съ такими мыслями входитъ онъ въ храмъ; въ чтенномъ тогда Евангеліи слышитъ онъ слова Господа къ богатому: *аще хощеши*

совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищымъ, и гряди вслѣдъ Мене, и имѣти имаши сокровище на небеси (Матѳ. XIX, 21). Антоній, пріявъ сіе за напоминаніе свыше, такъ какъ-бы для него собственно было сіе чтеніе, выходитъ немедленно изъ храма, и что̀ имѣлъ во владѣніи отъ предковъ (было же у него триста аруръ [1]) весьма хорошей, плодоносной земли), даритъ жителямъ своей веси, чтобы ни въ чемъ не безпокоили ни его, ни сестру; а все прочее движимое имущество продаетъ, и собравъ довольно денегъ, раздаетъ ихъ нищимъ, оставивъ нѣсколько для сестры. Но какъ-скоро, вошедши опять въ храмъ, услышалъ, что Господь говоритъ въ Евангеліи: *не пецытеся на утрей* (Матѳ. VI, 34),—ни на минуту не остается въ храмѣ, идетъ вонъ и остальное отдаетъ людямъ недостаточнымъ, сестру, поручивъ извѣстнымъ ему и вѣрнымъ дѣвственницамъ, отдаетъ на воспитаніе въ ихъ обитель, а самъ передъ домомъ своимъ начинаетъ наконецъ упражняться въ подвижничествѣ, внимая себѣ и пребывая въ терпѣніи.

Въ Египтѣ немногочисленны еще были монастыри, и инокъ вовсе не зналъ великой пустыни, всякій же изъ намѣревавшихся внимать себѣ подвизался, уединившись не вдали отъ своего селенія. Поэтому, въ одномъ ближнемъ селеніи былъ тогда старецъ, съ молодыхъ лѣтъ проводившій уединенную жизнь. Антоній, увидѣвъ его, поревновалъ ему въ

---

[1]) Арура—Египетская мѣра земли во сто лактей.

добромъ дѣлѣ, и прежде всего началъ уединяться въ мѣстахъ, лежавшихъ передъ селеніемъ. И если слышалъ тамъ о какомъ рачителѣ добродѣтели, шелъ, отыскивалъ его, какъ мудрая пчела, и не прежде возвращался въ мѣсто свое, какъ увидѣвшись съ нимъ. Когда же получалъ отъ него какъ-бы напутствіе какое для шествованія стезею добродѣтели, уходилъ назадъ.

Такъ проводя тамъ первоначально жизнь, Антоній наблюдалъ за своими помыслами, чтобы не возвращались къ воспоминанію о родительскомъ имуществѣ и о сродникахъ. Все желаніе устремлялъ, все тщаніе прилагалъ къ трудамъ подвижническимъ. Работалъ собственными своими руками, слыша, что праздный *нижè да ястъ* (2 Солун. III, 10), и иное издерживалъ на хлѣбъ себѣ, иное же на нуждающихся. Молился онъ часто, зная, что должно наединѣ *молиться непрестанно* (1 Солун. V, 17); и столько былъ внимателенъ къ читаемому, что ни одно слово Писанія не падало у него на землю, но все удерживалъ онъ въ себѣ; почему, наконецъ, память замѣнила ему книги. Такъ велъ себя Антоній, и былъ любимъ всѣми.

Ревнителямъ же добродѣтели, къ которымъ ходилъ онъ, искренно подчинялся, и въ каждомъ изучалъ, чѣмъ особенно преимуществовалъ онъ въ тщательности и въ подвигѣ: въ одномъ наблюдалъ его привѣтливость, въ другомъ неутомимость въ молитвахъ; въ иномъ замѣчалъ его безгнѣвіе, въ другомъ человѣколюбіе; въ одномъ обращалъ вниманіе

на его неусыпность, въ другомъ на его любовь къ ученію; кому удивлялся за его терпѣніе, а кому за посты и возлежанія на голой землѣ; не оставлялъ безъ наблюденія и кротости одного и великодушія другаго; во всѣхъ же обращалъ вниманіе на благочестивую вѣру во Христа и на любовь другъ къ другу. Такъ, съ обильнымъ пріобрѣтеніемъ возвращался въ мѣсто собственнаго своего подвижничества, самъ въ себѣ сочетавая во едино, что̀ заимствовалъ у каждаго, и стараясь въ себѣ одномъ явить преимущества всѣхъ. А съ равными ему по возрасту не входилъ въ состязаніе, развѣ только чтобы не быть вторымъ послѣ нихъ въ совершенствѣ. И дѣлалъ сіе такъ, что никого не оскорблялъ, но и тѣ, съ кѣмъ состязался, радовались о немъ. Поэтому, всѣ жители селенія и всѣ добротолюбцы, съ которыми былъ онъ знакомъ, видя такую жизнь его, называли его боголюбивымъ, и любили его, одни—какъ сына, другіе—какъ брата.

Но ненавистникъ добра завистливый діаволъ, видя такое расположеніе въ юномъ Антоніи, не потерпѣлъ сего, но какъ привыкъ дѣйствовать, такъ намѣревается поступить и съ нимъ. Сперва покушается онъ отвлечь Антонія отъ подвижнической жизни, приводя ему на мысль то воспоминаніе объ имуществѣ, то заботливость о сестрѣ, то родственныя связи, то сребролюбіе, славолюбіе, услажденіе разными яствами и другія удобства жизни, и наконецъ жестокій путь добродѣтели и ея многотрудность, пред-

ставляетъ ему мысленно и немощь тѣла, и продолжительность времени, и вообще возбуждаетъ въ умѣ его сильную бурю помысловъ, желая отвратить его отъ праваго произволенія. Когда же врагъ увидѣлъ немощь свою противъ Антоніева намѣренія, паче же увидѣлъ, что самъ побораетcя твердостію Антонія, то, какъ-бы изъявляя покорность, не нападаетъ уже помыслами, но говоритъ человѣческимъ голосомъ: «многихъ обольстилъ я, и еще большее число низложилъ, но, въ числѣ многихъ напавъ теперь на тебя и на труды твои, изнемогъ. Многократно смущалъ я и тебя, но всякій разъ былъ низложенъ тобою». Антоній, возблагодаривъ Господа, небоязненно сказалъ врагу: «поэтому и достоинъ ты великаго презрѣнія. Ибо черенъ ты умомъ и безсиленъ. У меня нѣтъ уже и заботы о тебѣ. *Господь мнѣ помощникъ, и азъ воззрю на враги моя»* (Псал. CXVII, 7).

Но Антоній не пришелъ въ нерадѣніе и небреженіе о себѣ потому, что демонъ уже побѣжденъ. И врагъ не пересталъ разставлять ему сѣти, какъ побѣжденный, но снова ходилъ какъ левъ, ища удобнаго случая напасть на подвижника. Антоній же, зная изъ Писанія, что много козней у врага (Ефес. VI, 11), неослабно упражнялся въ подвигахъ, разсуждая, что, если врагъ и не могъ обольстить сердце его плотскимъ удовольствіемъ, то, безъ сомнѣнія, покусится уловить инымъ способомъ, потомучто демонъ грѣхолюбивъ. Посему-то Антоній паче и паче умерщвлялъ и порабощалъ тѣло, чтобы, побѣдивъ въ

одномъ, не уступить надъ собою побѣды въ другомъ. Поэтому пріемлетъ онъ намѣреніе пріобучить себя къ болѣе суровому житію; и многіе приходили въ удивленіе, видя трудъ его, а онъ переносилъ оный легко. Душевная его ревность своею долговременностію производила въ немъ добрый навыкъ, и потому, къ чему хотя малый поводъ подавали ему другіе, въ томъ оказывалъ онъ великую тщательность. Столько неутомимъ былъ во бдѣніи, что часто цѣлую ночь проводилъ безъ сна, и, повторяя это не разъ, но многократно, возбуждалъ тѣмъ удивленіе. Пищу вкушалъ однажды въ день по захожденіи солнца, иногда принималъ ее и черезъ два дня, а нерѣдко и черезъ четыре. Пищею же служили ему хлѣбъ и соль, и питіемъ одна вода. О мясахъ и винѣ не нужно и говорить, потомучто и у другихъ рачительныхъ подвижниковъ едва ли встрѣтишь что-либо подобное. Во время сна Антоній довольствовался рогожею, а большею частію возлегалъ на голой землѣ. Никакъ не соглашался умащать себя елеемъ, говоря, что юнымъ всего приличнѣе быть ревностными къ подвигу и не искать того, что̀ разслабляетъ тѣло, но пріучать оное къ трудамъ, содержа въ мысляхъ Апостольское изреченіе: *егда немощствую, тогда силенъ есмь* (2 Коринѳ. XII, 10). Душевныя силы, говаривалъ онъ, тогда бываютъ крѣпки, когда ослабѣваютъ тѣлесныя удовольствія.

Изнуряя себя, Антоній удалился въ бывшія недалеко отъ селенія гробницы и сдѣлалъ порученіе

одному знакомому, чтобы, по прошествіи многихъ дней, приносилъ ему хлѣбъ; самъ же, войдя въ одну изъ гробницъ и заключивъ за собою дверь, остался въ ней одинъ. Тогда врагъ, не стерпя сего, даже боясь, что Антоній въ короткое время наполнитъ пустыню подвижничествомъ, приходитъ къ нему въ одну ночь со множествомъ демоновъ и наноситъ ему столько ударовъ, что отъ боли остается онъ безгласно лежащимъ на землѣ. Отъ нанесенныхъ ему ударовъ не въ силахъ онъ еще стоять на ногахъ, и молится лежа; по молитвѣ же громко взываетъ: «здѣсь я, Антоній, не бѣгаю отъ вашихъ ударовъ. Если нанесете мнѣ и еще большее число, ничто не отлучитъ меня отъ любви Христовой». Потомъ начинаетъ пѣть: *аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое* (Псал. XXVI, 3).

А діаволъ не затрудняется въ способахъ изъявить свою злобу. Такъ и теперь ночью демоны производятъ такой громъ, что, по-видимому, все то мѣсто пришло въ колебаніе, и какъ-бы разоривъ четыре стѣны Антоніева жилища, вторгаются, преобразившись въ звѣрей и пресмыкающихся. Все мѣсто мгновенно наполнилось призраками львовъ, медвѣдей, леопардовъ, воловъ, змѣй, аспидовъ, скорпіоновъ, волковъ. Каждый изъ сихъ призраковъ дѣйствуетъ соотвѣтственно наружному своему виду. Левъ, готовясь напасть, рыкаетъ; волъ хочетъ, по-видимому, бодать; змѣя не перестаетъ извиваться, волкъ напрягаетъ силы броситься. И всѣ сіи привидѣнія производятъ

страшный шумъ, обнаруживаютъ лютую ярость. Антоній, поражаемый и уязвляемый ими, чувствуетъ ужасную тѣлесную боль, но тѣмъ паче, бодрствуя душею, лежитъ безъ трепета, и, хотя стонетъ отъ тѣлесной боли, однакоже, трезвясь умомъ и какъ-бы посмѣваясь, говоритъ: «ежели есть у васъ сколько-нибудь силы, то достаточно было придти и одному изъ васъ. Но поелику Господь отнялъ у васъ силу, то пытаетесь устрашить множествомъ. Но и то служитъ признакомъ вашей немощи, что обращаетесь въ безсловесныхъ».

Господь же не забылъ при семъ Антоніева подвига и пришелъ на помощь къ подвижнику. Возведя взоръ, видитъ Антоній, что кровля надъ нимъ какъ-бы раскрылась, и нисходитъ къ нему лучъ свѣта. Демоны внезапно стали невидимы; тѣлесная боль мгновенно прекратилась; жилище его оказалось ни въ чемъ неповрежденнымъ. Было же ему тогда около тридцати пяти лѣтъ.

Въ слѣдующій день, вышедши изъ гробницы и исполнившись еще большей ревности къ благочестію, приходитъ онъ къ упомянутому выше древнему старцу и проситъ его жить съ нимъ въ пустынѣ. Поелику же старецъ отказался и по лѣтамъ и по непривычкѣ къ пустынной жизни, то Антоній немедля уходитъ одинъ въ гору. Нашедши по другую сторону рѣки пустое огражденное мѣсто, отъ давняго запустѣнія наполнившееся пресмыкающимися, переселяется туда и начинаетъ тамъ обитать. Пресмыкаю-

щіяся, какъ будто гонимыя кѣмъ, тотчасъ удаляются. Антоній же, заградивъ входъ и запасши на шесть мѣсяцевъ хлѣбовъ (такъ запасаютъ Ѳивяне, и хлѣбъ у нихъ нерѣдко впродолженіе цѣлаго года сохраняется невредимымъ), воду же имѣя внутри ограды, какъ-бы укрывшись въ какое недоступное мѣсто, пребываетъ тамъ одинъ, и самъ не выходя, и не видя никого изъ приходящихъ. Такъ подвизаясь, провелъ онъ долгое время, два раза только въ годъ принимая хлѣбы черезъ ограду.

Приходящіе къ нему знакомые, поелику не позволялъ имъ входить внутрь ограды, нерѣдко дни и ночи проводили внѣ оной; и слышатъ они, что въ оградѣ какъ-бы цѣлыя толпы мятутся, стучатъ, жалобно вопятъ и взываютъ: «удались изъ нашихъ мѣстъ: что̀ тебѣ въ этой пустынѣ? не перенесешь нашихъ козней». Стоящіе внѣ подумали сначала, что съ Антоніемъ препираются какіе-то люди, вошедшіе къ нему по лѣстницамъ; когда же, проникнувъ въ одну скважину, не увидѣли никого, тогда заключивъ, что это демоны, объятые страхомъ, начинаютъ звать Антонія. И онъ скорѣе услышалъ слова послѣднихъ, нежели позаботился о демонскихъ вопляхъ. Подойдя къ двери, умоляетъ пришедшихъ удалиться и не бояться. «Демоны, говоритъ онъ, производятъ мечтанія для устрашенія боязливыхъ. Посему, запечатлѣйте себя крестнымъ знаменіемъ и идите назадъ смѣло, демонамъ же предоставьте дѣлать изъ себя посмѣшище». И пришедшіе, оградившись знаме-

ніемъ креста, удаляются; а Антоній остается, и не терпитъ ни малаго вреда отъ демоновъ, даже не утомляется въ подвигѣ, потомучто учащеніе бывшихъ ему горнихъ видѣній и немощь враговъ доставляютъ ему великое облегченіе въ трудахъ и возбуждаютъ усердіе къ бóльшимъ трудамъ. Знакомые часто заходили къ нему, думая найдти его уже мертвымъ, но заставали поющимъ: *да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его вси ненавидящіи Его. Яко изчезаетъ дымъ, да изчезнутъ: яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія* (Псал. LXVII, 2—3); и еще: *вси языцы обыдоша мя, и именемъ Господнимъ противляхся имъ* (Псал. CXVII, 10). Около двадцати лѣтъ провелъ такъ Антоній, подвизаясь въ уединеніи, никуда не выходя, и во все сіе время никѣмъ невидимый.

Послѣ сего, поелику многіе домогались и желали подражать его подвижнической жизни, нѣкоторые же изъ знакомыхъ пришли и силою разломали и отворили дверь, исходитъ Антоній, какъ таинникъ и богоносецъ изъ нѣкоего святилища, и приходящимъ къ нему въ первый разъ показывается изъ своей ограды. И они, увидѣвъ Антонія, исполняются удивленія, что тѣло его сохранило прежній видъ, не утучнѣло отъ недостатка движенія, не изсохло отъ постовъ и борьбы съ демонами. Антоній былъ таковъ же, какимъ знали его до отшельничества. Въ душѣ его таже была опять чистота нрава; ни скорбію не былъ онъ подавленъ, ни пришелъ въ восхищеніе отъ удовольствія, не пре-

дался ни смѣху, ни грусти, не смутился, увидѣвъ толпу людей, не обрадовался, когда всѣ стали его привѣтствовать, но пребылъ равнодушнымъ, потому-что управлялъ имъ разумъ, и ничто не могло вывести его изъ обыкновеннаго естественнаго состоянія. Господь исцѣлилъ чрезъ него многихъ бывшихъ тутъ страждущихъ тѣлесными болѣзнями, иныхъ освободилъ отъ бѣсовъ, даровалъ Антонію и благодать слова; утѣшилъ онъ многихъ скорбящихъ, примирилъ бывшихъ въ ссорѣ, внушая всѣмъ,—ничего въ мірѣ не предпочитать любви ко Христу, и увѣщавая содержать въ памяти будущія блага и человѣколюбіе къ намъ Бога, *Иже Своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его* (Римл. VIII, 32); убѣдилъ многихъ избрать иноческую жизнь, и такимъ образомъ, въ горахъ явились наконецъ монастыри; пустыня населена иноками, оставившими свою собственность и вписавшимися въ число жительствующихъ на небесахъ.

Когда настояла нужда переходить водопроводный ровъ въ Арсеноѣ, и именно для посѣщенія братіи, а ровъ полонъ былъ крокодиловъ,—Антоній совершаетъ только молитву, потомъ самъ и всѣ бывшіе съ нимъ входятъ въ ровъ и переходятъ его невредимо. Возвратившись же въ монастырь, упражняется онъ въ прежнихъ строгихъ трудахъ съ юношескою бодростію и часто бесѣдуя, въ монашествующихъ уже увеличиваетъ ревность, въ другихъ же, и весьма многихъ, возбуждаетъ любовь къ подвижничеству. И вскорѣ, по силѣ удивительнаго слова его, возникаютъ много-

численные монастыри, и во всѣхъ нихъ Антоній, какъ отецъ, дѣлается руководителемъ. Въ одинъ день онъ выходитъ, собираются къ нему всѣ монахи и желаютъ слышать отъ него слово; Антоній же Египетскимъ языкомъ говоритъ имъ слѣдующее:

«Къ наученію достаточно и Писаній; однакоже намъ прилично утѣшать другъ друга вѣрою и умащать словомъ. Поэтому и вы, какъ дѣти, говорите отцу, что̀ знаете; и я, какъ старшій васъ возрастомъ, сообщу вамъ, что̀ знаю и что̀ извѣдалъ опытомъ».

«Паче всего да будетъ у васъ всѣхъ общее попеченіе о томъ, чтобы, начавъ, не ослабѣвать въ дѣлѣ, въ трудахъ не унывать, не говорить: давно мы подвизаемся. Лучше, какъ начинающіе только, будемъ съ каждымъ днемъ пріумножать свое усердіе, потомучто цѣлая жизнь человѣческая весьма коротка въ сравненіи съ будущими вѣками; почему и все время жизни нашей предъ жизнію вѣчною ничто».

«И взирая на міръ, не будемъ думать, что отреклись мы отъ чего-либо великаго. Ибо и вся земля эта очень мала предъ цѣлымъ небомъ. Поэтому, если бы мы были господами надъ всею землею и отреклись отъ всей земли, то и это не было бы еще равноцѣнно Небесному Царству».

«Поэтому, никто изъ насъ да не питаетъ въ себѣ пожеланія пріобрѣтать. Ибо какая выгода пріобрѣсти то, чего не возьмемъ съ собою? Не лучше ли пріобрѣсти то, что̀ можемъ взять и съ собою, какъ-то: благо-

разуміе, справедливость, цѣломудріе, мужество, разсудительность, любовь, нищелюбіе, вѣру во Христа, безгнѣвіе, страннолюбіе? Сіи пріобрѣтенія уготовятъ намъ пристанища въ землѣ кроткихъ прежде, нежели придемъ туда».

«Еллины, чтобы обучиться словеснымъ наукамъ, предпринимаютъ дальнія путешествія, переплываютъ моря; а намъ нѣтъ нужды ходить далеко ради Царствія Небеснаго, или переплывать море ради добродѣтели. Господь еще прежде сказалъ: *Царствіе* Небесное *внутрь васъ есть* (Лук. XVII, 21). Поэтому, добродѣтель имѣетъ потребность въ нашей только волѣ, потомучто добродѣтель въ насъ, и изъ насъ образуется. Она образуется въ душѣ, у которой разумныя силы дѣйствуютъ согласно съ ея естествомъ. А сего достигаетъ душа, когда пребываетъ, какою сотворена; сотворена же она доброю и совершенно правою. Если бы добродѣтель была чѣмъ-либо пріобрѣтаемымъ отвнѣ, то, безъ сомнѣнія, трудно было бы стать добродѣтельнымъ. Если же она въ насъ, то будемъ охранять себя отъ нечистыхъ помысловъ, и соблюдемъ Господу душу, какъ пріятый отъ Него залогъ, чтобы призналъ Онъ въ ней твореніе Свое, когда душа точно такова, какою сотворилъ ее Богъ. Будемъ же домогаться, чтобы не властвовала надъ нами раздражительность, и не преобладала нами похоть; ибо написано: *гнѣвъ мужа правды Божія не содѣловаетъ. Похоть же зачenши раждаетъ грѣхъ, грѣхъ же содѣянъ раждаетъ смертъ*» (Іак. I, 20, 15).

*

«А при такомъ образѣ жизни будемъ постоянно трезвиться и, какъ написано, *всяцѣмъ храненіемъ блюсти сердце* (Притч. IV, 23). Ибо имѣемъ у себя страшныхъ и коварныхъ враговъ, лукавыхъ демоновъ; съ ними у насъ брань, какъ сказалъ Апостолъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. VI, 12). Великое ихъ множество въ окружающемъ насъ воздухѣ, и они недалеко отъ насъ».

«Посему, потребны намъ усильная молитва и подвиги, чтобы, пріявъ отъ Духа дарованіе *разсужденія духовóмъ* (1 Коринѳ. XII, 10), можно было человѣку узнать о демонахъ, которые изъ нихъ менѣе худы, и которые хуже другихъ, какой цѣли старается достигнуть каждый изъ нихъ, и какъ можно низложить и изгнать каждаго. Ибо много у нихъ ухищреній и злокозненныхъ устремленій. Блаженному Апостолу и послѣдователямъ его извѣстны были козни сіи, и они говорятъ: *не неразумѣваемъ умышленій его* (2 Коринѳ. II, 11). А мы, сколько опытомъ извѣдали о сихъ козняхъ, столько обязаны предохранять отъ нихъ другъ друга. Пріобрѣтя отчасти опытное о нихъ вѣдѣніе, сообщаю это вамъ, какъ дѣтямъ».

«Итакъ, демоны всякому христіанину, наипаче же монаху, какъ-скоро увидятъ, что онъ трудолюбивъ и преуспѣваетъ, прежде всего предпріемлютъ и покушаются положить на пути соблазны. Соблазны же ихъ суть лукавые помыслы. Но мы не должны устра-

шаться таковыхъ внушеній. Молитвою, постами и вѣрою въ Господа враги немедленно низлагаются. Впрочемъ и по низложеніи они не успокоиваются, но вскорѣ снова наступаютъ коварно и съ хитростію. И когда не могутъ обольстить сердце явнымъ и нечистымъ сластолюбіемъ, тогда снова нападаютъ инымъ образомъ и стараются уже устрашить мечтательными привидѣніями, претворяясь въ разные виды и принимая на себя подобія женщинъ, звѣрей, пресмыкающихся, великановъ, множества воиновъ. Но и въ такомъ случаѣ не должно приходить въ боязнь отъ сихъ привидѣній, потомучто они суть ничто и скоро исчезаютъ, особливо если кто оградитъ себя вѣрою и крестнымъ знаменіемъ. Впрочемъ, демоны дерзки и крайне безстыдны. Если и въ этомъ бываютъ они побѣждены, то нападаютъ инымъ еще способомъ: принимаютъ на себя видъ прорицателей, предсказываютъ, что̀ будетъ черезъ нѣсколько времени; представляются или высокорослыми, достающими головою до кровли, или имѣющими чрезмѣрную толстоту, чтобы тѣхъ, кого не могли обольстить помыслами, уловить такими призраками. Если же и въ этомъ случаѣ найдутъ, что душа ограждена сердечною вѣрою и упованіемъ, то приводятъ уже съ собою князя своего».

«Но не должно намъ бояться демоновъ,—хотя, по-видимому, нападаютъ на насъ, даже угрожаютъ намъ смертію,—потомучто они безсильны и не могутъ ничего болѣе сдѣлать, какъ только угрожать».

«Должно бояться только Бога, а демоновъ презирать и нимало не страшиться ихъ. Даже чѣмъ больше страхованій производятъ они, тѣмъ усильнѣе будемъ подвизаться противъ нихъ. Ибо сильное на нихъ орудіе—правая жизнь и вѣра въ Бога. Боятся они подвижническаго поста, бдѣнія, молитвъ, кротости, безмолвія, несребролюбія, нетщеславія, смиренномудрія, нищелюбія, милостынь, безгнѣвія, преимущественно же благочестивой вѣры во Христа. Посему-то и употребляютъ всѣ мѣры, чтобы не было кому попирать ихъ. Знаютъ они, какую благодать противъ нихъ далъ вѣрующимъ Спаситель, Который сказалъ: *се, даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію, и на всю силу вражію*» (Лук. X, 19).

«Поэтому, если выдаютъ они себя за предсказателей, никто да не прилѣпляется къ нимъ. Нерѣдко сказываютъ они за нѣсколько дней, что придутъ братія, и тѣ дѣйствительно приходятъ. Дѣлаютъ же сіе демоны не по заботливости о внимающихъ имъ, но чтобы возбудить въ нихъ вѣру къ себѣ, и потомъ, подчинивъ уже ихъ себѣ, погубить. Посему, не должно слушать демоновъ, а надобно возражать на слова ихъ, что не имѣемъ въ нихъ нужды. Ибо что̀ удивительнаго, если кто, имѣя тѣло тончайшее тѣла человѣческаго и увидѣвъ вступившихъ въ путь, предваряетъ ихъ въ шествіи и извѣщаетъ о нихъ? То̀ же предсказываетъ и сидящій на конѣ, предваривъ идущаго пѣшкомъ. Посему и въ этомъ не надобно удивляться демонамъ. Они не имѣютъ предвѣдѣнія о томъ, чего

еще нѣтъ. Единый Богъ есть *вѣдый вся прежде бытія ихъ* (Дан. XIII, 42). Демоны же, какъ тати, забѣжавъ напередъ, чтò видятъ, о томъ и извѣщаютъ. Такъ, иногда велерѣчиво объявляютъ они о водѣ въ рѣкѣ Нилѣ, увидѣвъ, что много было дождей въ странахъ Ееіопскихъ и зная, что отъ нихъ бываетъ наводненіе въ рѣкѣ; прежде нежели вода придетъ въ Египетъ, прибѣгаютъ туда и предсказываютъ. Но тò же сказали бы и люди, если бы могли такъ скоро переходить съ мѣста на мѣсто, какъ демоны. Тáкъ произошли языческія прорицалища, тáкъ издавна люди вводимы были въ заблужденіе демонами. Но обольщеніе сіе наконецъ прекратилось. Ибо пришелъ Господь, и привелъ въ бездѣйствіе демоновъ и коварство ихъ. Они ничего не знаютъ сами собою, но, какъ тати, чтò видятъ у другихъ, тò и разглашаютъ, и болѣе угадываютъ, нежели знаютъ по предвѣдѣнію. Посему, если предсказываютъ и правду, никто да не дивится имъ въ этомъ. Ибо и врачи, опытомъ дознавшіе свойства болѣзней, какъ-скоро видятъ ту же болѣзнь въ другихъ, нерѣдко, угадывая по навыку, предсказываютъ».

«При Божіей помощи, возможно и нетрудно распознавать присутствіе Ангеловъ добрыхъ и злыхъ».

«Видѣніе святыхъ бываетъ невозмутительно. Не будутъ они ни спорить, ни вопіять, *ниже услышитъ кто гласа ихъ* (Исаія XLII, 2). Являются они безмолвно и кротко, почему въ душѣ немедленно раждаются радость, веселіе и дерзновеніе, потомучто со

святыми Господь, Который есть наша радость и сила Бога Отца. Душевные помыслы пребываютъ невозмутимыми и неволненными, и душа, озаряемая видѣніемъ, созерцаетъ явившихся. Въ ней возникаетъ желаніе божественныхъ и будущихъ благъ, и, конечно, возжелаетъ она быть въ соединеніи со святыми и отойти съ ними. Если же иные, какъ люди, приводятся въ страхъ видѣніемъ добрыхъ Ангеловъ, то явившіеся въ то же мгновеніе уничтожаютъ этотъ страхъ своею любовію, какъ поступили Гавріилъ съ Захаріею, и Ангелъ, явившійся женамъ во гробѣ Господнемъ, и еще Ангелъ, упоминаемый въ Евангеліи и сказавшій пастырямъ: *не бойтеся* (Лук. II, 10). Ощущается же страхъ не отъ душевной боязни, но отъ сознанія присутствія высшихъ силъ. Таково видѣніе святыхъ».

«А нашествіе и видѣніе духовъ злыхъ бываетъ возмутительно, съ шумомъ, гласами и воплями, подобно буйному движенію худо воспитанныхъ молодыхъ людей, или разбойниковъ. Отъ сего въ душѣ немедленно происходятъ боязнь, смятеніе, безпорядокъ помысловъ, грусть, ненависть къ подвижникамъ, уныніе, печаль, воспоминаніе о сродникахъ, страхъ смертный, и наконецъ худое пожеланіе, нерадѣніе о добродѣтели, нравственное разстройство».

«Да служитъ вамъ и то̀ еще признакомъ: когда душа продолжаетъ ощущать боязнь,—явившійся есть врагъ, потомучто демоны не уничтожаютъ боязни, какъ въ Маріи и Захаріи—великій Архангелъ Гаврі-

илъ, и въ женахъ явившійся во гробѣ Ангелъ. Напротивъ того, демоны, когда видятъ людей въ боязни, тѣмъ паче умножаютъ призраки, чтобы привести ихъ въ большій ужасъ, и наступая, уже ругаются, говоря: *падше поклонитеся* (Матѳ. IV, 9). Такъ обольщали они язычниковъ, и тѣ лженменно признавали ихъ богами».

«Но насъ не оставилъ Господь быть въ обольщеніи отъ діавола, когда, запрещая ему производить такіе призраки, сказалъ: *иди за Мною, сатано. Писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и Тому единому послужиши* (Матѳ. IV, 10). Посему, паче и паче да будетъ за сіе презираемъ нами этотъ коварный. Что̀ сказалъ ему Господь, то̀ сказалъ ради насъ, чтобы демоны, слыша и отъ насъ подобное сему, обращались въ бѣгство ради Господа, воспретившаго имъ это».

«Но не должно хвалиться силою изгонять бѣсовъ и превозноситься даромъ исцѣленій; не должно дивиться тому только, кто изгоняетъ бѣсовъ, и уничижать того, кто не изгоняетъ. Пусть каждый поучается подвижничеству другаго; пусть или подражаетъ, соревнуетъ ему, или исправляетъ его. Творить знаменія не отъ насъ зависитъ, но есть дѣло Спасителя. Онъ сказалъ ученикамъ: *не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются, но яко имена ваша написана суть на небесѣхъ*» (Лук. X, 20).

«Намѣревался-было я смолчать и ничего не говорить отъ себя, удовольствовавшись однимъ сказан-

нымъ; но, чтобы не подумали вы, будто бы говорю сіе просто, а напротивъ того увѣрились, что сказываю вамъ извѣданную по опыту и сущую правду, то скажу еще, что̀ дозналъ я о демонскихъ начинаніяхъ. Много разъ ублажали меня демоны, а я заклиналъ ихъ именемъ Господнимъ. Много разъ предсказывали они мнѣ о разливѣ рѣки, а я спрашивалъ ихъ: вамъ какое до сего дѣло? Иногда приходили съ угрозами и окружали меня, какъ вооруженные воины. Въ иное время наполняли домъ конями, звѣрями и пресмыкающимися; а я воспѣвалъ: *сіи на колесницѣхъ и сіи на ко́нехъ: мы же во имя Господа Бога нашего* возвеличимся (Псал. XIX, 8—9), и по молитвамъ Господь обращалъ ихъ въ бѣгство. Иногда приходили во тьмѣ, имѣя призракъ свѣта, и говорили: мы пришли озарить тебя, Антоній. Но я, смеживъ глаза, молился, и тотчасъ угасалъ свѣтъ нечестивыхъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришли, и будто воспѣвали псалмы и произносили мѣста изъ Писаній: *азъ же яко глухъ не слышахъ* (Псал. XXXVII, 14). Иногда приводили въ колебаніе монастырь; но я молился, пребывая неподвиженъ мыслію. Послѣ сего, еще пришли и стали рукоплескать, свистѣть, плясать; но я молился и лежа пѣлъ самъ въ себѣ псалмы. Вскорѣ начали они плакать и рыдать, какъ изнемогшіе; а я прославлялъ Господа, сокрушившаго и посрамившаго ихъ дерзость и безуміе. Однажды явился съ многочисленнымъ сопровожденіемъ демонъ весьма высокій ростомъ и осмѣлился сказать: я—Божія сила, я—Промыслъ; чего

хочешь, все дарую тебѣ.—Тогда дунулъ я на него, произнеся имя Христово, занесъ руку ударить его, и, какъ показалось, ударилъ, и при имени Христовомъ тотчасъ исчезъ великанъ этотъ со всѣми его демонами. Однажды, когда я постился, пришелъ этотъ коварный въ видѣ монаха, имѣя у себя призракъ хлѣба, и давалъ мнѣ такой совѣтъ: ѣшь и отдохни послѣ многихъ трудовъ; и ты—человѣкъ, можешь занемочь.—Но я, уразумѣвъ козни его, возсталъ на молитву, и демонъ не стерпѣлъ сего, скрылся и, изшедши въ дверь, исчезъ какъ дымъ. Много разъ въ пустынѣ мечтательно показывалъ мнѣ врагъ золото, чтобы только прикоснулся я къ нему и взглянулъ на него; но я отражалъ врага пѣніемъ псалмовъ, и онъ исчезалъ Часто демоны наносили мнѣ удары, но я говорилъ: ничто не отлучитъ меня отъ любви Христовой.—И послѣ сего начинали они наносить сильнѣйшіе удары другъ другу. Впрочемъ, не я удерживалъ и приводилъ ихъ въ бездѣйствіе, но Господь, Который сказалъ: *видѣхъ сатану, яко молнію съ небесе спадша* (Лук. X, 18). А я, дѣти, помня изреченіе Апостольское, *преобразихъ* то *на себе* (1 Коринѳ. IV, 6), да научитесь не унывать въ подвижничествѣ и не страшиться привидѣній діавола и демоновъ его».

«Паче же, будемъ благодушествовать и радоваться всегда, какъ спасаемые; будемъ содержать въ мысли, что съ нами Господь, Который низложилъ и привелъ въ бездѣйствіе демоновъ. Будемъ предста-

влять и помышлять всегда, что, поелику съ нами Господь, то ничего не сдѣлаютъ намъ враги».

Когда бесѣдовалъ такъ Антоній,—всѣ тому радовались; въ одномъ возрастала любовь къ добродѣтели, въ другомъ искоренялось нерадѣніе, въ иныхъ прекращалось самомнѣніе, всѣ же, дивясь данной отъ Господа Антонію благодати къ различенію духовъ, убѣждались въ томъ, что должно презирать демонскіе навѣты.

Монастыри въ горахъ подобны были скиніямъ, наполненнымъ божественными ликами псалмопѣвцевъ, любителей ученія, постниковъ, молитвенниковъ, которыхъ радовало упованіе будущихъ благъ, и которые занимались рукодѣліями для подаянія милостыни, имѣли между собою взаимную любовь и согласіе. Подлинно представлялась тамъ какъ-бы особая нѣкая область богочестія и правды. Не было тамъ ни притѣснителя, ни притѣсненнаго; не было укоризнъ отъ сборщика податей; подвижниковъ было много, но у всѣхъ одна мысль—подвизаться въ добродѣтели. А потому, кто видѣлъ монастыри сіи и такое благочиніе иноковъ, тотъ долженъ былъ снова воскликнуть и сказать: *коль добри доми твои, Іакове, и кущы твоя, Ісраилю! яко дубравы осѣняющыя, и яко садъ при рѣцѣ, и яко кущы, яже водрузи Господь, и яко кедри при водахъ* (Числ. XXIV, 5—6).

А самъ Антоній, по обычаю уединяясь особо въ монастырѣ своемъ, усиливалъ подвиги, и ежедневно воздыхалъ, помышляя о небесныхъ обителяхъ, во-

ждел҃ѣвая оныхъ и обращая взоръ на кратковременность человѣческой жизни. Когда хотѣлъ вкушать пищу, ложился спать, приступалъ къ исполненію другихъ тѣлесныхъ потребностей,—чувствовалъ онъ стыдъ, представляя себѣ разумность души. Нерѣдко, со многими другими иноками приступая ко вкушенію пищи и вспомнивъ о пищѣ духовной, отказывался отъ вкушенія и уходилъ отъ нихъ далеко, почитая для себя за стыдъ, если увидятъ другіе, что онъ ѣстъ. По необходимому же требованію тѣла, вкушалъ пищу, но особо, а нерѣдко и вмѣстѣ съ братіею, сколько стыдясь ихъ, столько уповая предложить имъ слово на пользу.

Онъ говаривалъ: «все попеченіе прилагать надобно болѣе о душѣ, а не о тѣлѣ, и тѣлу уступать по необходимости малое время, все же остальное посвящать наипаче душѣ и искать ея пользы, чтобы не увлекалась она тѣлесными удовольствіями, но паче ей порабощалось тѣло. Сіе-то и значитъ сказанное Спасителемъ: *не пецытеся душею вашею, что̀ ясте, ни тѣломъ, во что̀ облечетеся*» (Матѳ. VI, 25).

Посемъ постигло Церковь бывшее въ то время Максиминово гоненіе. И когда святые мученики ведены были въ Александрію,—послѣдовалъ за ними и Антоній, оставивъ свой монастырь и говоря: «пойдемъ и мы, чтобы или подвизаться, если будемъ призваны, или видѣть подвизающихся». Было у него желаніе пріять мученичество; но, не хотя предать самъ себя, прислуживалъ онъ исповѣдникамъ въ рудо-

копняхъ и въ темницахъ. Много было у него попеченія—позванныхъ въ судилище подвижниковъ поощрять къ ревности, и принимать участіе въ тѣхъ, которые вступили въ мученическій подвигъ, и сопровождать ихъ до самой кончины. Судія, видя безстрашіе Антонія и бывшихъ съ нимъ и ихъ попечительность, приказалъ, чтобы никто изъ иноковъ не показывался въ судилищѣ, и чтобы вовсе не оставались они въ городѣ. Всѣ прочіе въ этотъ день почли за лучшее скрываться. Антоній же столько озаботился, что даже вымылъ верхнюю свою одежду, и на слѣдующій день, ставъ впереди всѣхъ на высокомъ мѣстѣ, явился предъ игемономъ въ чистой одеждѣ. Когда всѣ дивились сему, даже видѣлъ его и игемонъ, и съ своими воинами проходилъ мимо его,—стоялъ онъ безтрепетный, показывая тѣмъ христіанскую нашу ревность. Ибо, какъ сказалъ уже я, ему желательно было стать мученикомъ. И самъ онъ, казалось, печалился о томъ, что не сподобился мученичества; но Господь хранилъ его на пользу намъ и другимъ, чтобы содѣлаться ему учителемъ многихъ въ подвижнической жизни, какой научился онъ изъ Писаній. Ибо многіе, взирая только на образъ его жизни, потщились стать ревнителями его житія. Итакъ, снова сталъ онъ, по обычаю, прислуживать исповѣдникамъ, и какъ бы связанный вмѣстѣ съ ними, трудился въ служеніи имъ.

А когда гоненіе уже прекратилось, и пріялъ мученичество блаженной памяти епископъ Петръ,

тогда Антоній оставилъ Александрію и уединился снова въ монастырѣ своемъ, гдѣ ежедневно былъ мученикомъ въ совѣсти своей и подвизался въ подвигахъ вѣры. Труды его многочисленны и велики: непрестанно постился онъ; одежду нижнюю—волосяную и верхнюю—кожаную соблюдалъ до самой кончины; не смывалъ водою нечистотъ съ тѣла; никогда не обмывалъ себѣ ногъ, даже и просто не погружалъ ихъ въ воду, кромѣ крайней необходимости. Никто не видѣлъ его раздѣтымъ; никто не могъ видѣть обнаженнаго Антоніева тѣла до того времени, какъ Антоній скончался, и стали предавать его погребенію.

Когда пребывалъ онъ въ уединеніи, и рѣшился проводить время, и самъ не выходя, и къ себѣ никого не принимая,—тогда пришелъ и обезпокоилъ его одинъ военачальникъ Мартиніанъ. У него была дочь, мучимая бѣсомъ. Долгое время продолжалъ онъ стучать въ дверь и просить Антонія, чтобы вышелъ и помолился Богу о дочери его. Антоній не соглашался отворить двери и, выглянувъ сверху, сказалъ: «что вопіешь ко мнѣ? И я такой же человѣкъ, какъ и ты. Если вѣруешь во Христа, Которому служу я, то поди, и, какъ вѣруешь, помолись Богу, и прошеніе твое будетъ исполнено». Мартиніанъ немедленно увѣровалъ и, призвавъ имя Христово, удалился съ дочерью, освобожденною уже отъ демона. Много и другихъ знаменій сотворилъ чрезъ Антонія Господь, Который сказалъ: *просите и дастся вамъ* (Лук. XI, 9). Ибо многіе страждущіе отъ демоновъ, поелику Анто-

ній не отворялъ двери своей, посидѣвъ только внѣ монастыря, по вѣрѣ и по искренней молитвѣ, получали исцѣленіе.

Когда же Антоній увидѣлъ, что многіе безпокоятъ его и не даютъ пребывать ему въ избранномъ имъ уединеніи, какъ бы желалось,—тогда, опасаясь, чтобы или самому не превознестись тѣмъ, что̀ творитъ чрезъ него Господь, или чтобы другой кто не подумалъ о немъ выше того, что̀ онъ есть, заблагоразсудилъ и рѣшился уйдти въ верхнюю Ѳиваиду, гдѣ не знали его. И, взявъ у братіи хлѣбовъ, сѣлъ онъ на берегу рѣки, смотря, не пойдетъ ли какой корабль, чтобы, войдя въ него, удалиться. Когда же дожидался онъ корабля, былъ къ нему свыше голосъ: «куда и за чѣмъ идешь, Антоній?» Онъ не смутился, но какъ привыкъ уже часто слышать такія воззванія, выслушавъ сіе, сказалъ въ отвѣтъ: «поелику народъ не даетъ пребывать мнѣ въ покоѣ, то хочу идти въ верхнюю Ѳиваиду, по причинѣ многихъ мнѣ здѣсь безпокойствъ, и особенно потому, что требуютъ у меня того, что̀ свыше силъ моихъ». Голосъ сказалъ ему: «если уйдешь въ Ѳиваиду и даже, какъ намѣреваешься, къ пасущимъ стада воловъ, то еще большіе и сугубые труды понесешь. Если же дѣйствительно хочешь пребыть на покоѣ, то иди теперь во внутреннюю пустыню». На вопросъ же Антонія: «кто укажетъ мнѣ путь, потомучто неизвѣстенъ мнѣ оный?» голосъ немедленно указалъ ему Сарацынъ, которымъ надлежало идти симъ путемъ.

Антоній, подойдя къ нимъ, сталъ просить позволенія идти съ ними въ пустыню. Сарацыны, какъ-бы по велѣнію Промысла, охотно приняли его. Три дня и три ночи проведя съ ними въ пути, онъ приходитъ на одну весьма высокую гору. Изъ-подъ горы текла прозрачная, сладкая и довольно холодная вода; вокругъ была равнина и нѣсколько дикихъ пальмъ. Антоній, какъ-бы по внушенію свыше, возлюбилъ мѣсто сіе; оно было то самое, какое указывалъ ему голосъ, вѣщавшій на берегу рѣки. Итакъ, взявъ хлѣбы у спутниковъ, сталъ онъ пребывать на горѣ сперва одинъ, не имѣя при себѣ никого другаго, и мѣсто сіе признавалъ уже какъ-бы собственнымъ своимъ домомъ. Сарацыны же, увидѣвъ ревность его, съ намѣреніемъ стали проходить путемъ симъ и съ радостію приносили ему хлѣбы; иногда и отъ пальмъ имѣлъ онъ малое нѣкое и скудное утѣшеніе. Впослѣдствіи же и братія, узнавъ его мѣстопребываніе, какъ дѣти, помня отца, заботились присылать ему потребное.

Но Антоній, видя, что, подъ предлогомъ доставлять ему туда хлѣбъ, иные утомляются и несутъ труды, щадя и въ этомъ монаховъ, придумываетъ самъ съ собою средство, и нѣкоторыхъ изъ пришедшихъ къ нему упрашиваетъ принести ему заступъ, топоръ и нѣсколько пшеницы. Когда же было это принесено, обошедши гору, находитъ одно весьма необширное удобное мѣсто, воздѣлываетъ оное, и, поелику достаточно было воды для орошенія поля, засѣваетъ его.

Дѣлая же это ежегодно, получаетъ себѣ отсюда хлѣбъ, радуясь, что никого не будетъ самъ безпокоить и соблюдетъ себя отъ необходимости чѣмъ-либо быть кому въ тягость. Но послѣ сего, видя опять, что нѣкоторые приходятъ къ нему, разводитъ онъ у себя нѣсколько овощей, чтобы и приходящій къ нему имѣлъ хотя малое утѣшеніе послѣ трудовъ такого тяжкаго пути. Вначалѣ звѣри, обитавшіе въ пустынѣ, приходя пить воду, наносили нерѣдко вредъ его посѣву и земледѣлію. Онъ, съ ласкою поймавъ одного звѣря, сказалъ чрезъ него всѣмъ: «для чего дѣлаете вредъ мнѣ, который не дѣлаю никакого вреда вамъ? Идите прочь и во имя Господа не приближайтесь сюда болѣе». Съ сего времени звѣри, какъ-бы боясь запрещенія, не приближались уже къ тому мѣсту. Такъ Антоній пребывалъ одинъ на внутренней горѣ, проводя время въ молитвахъ и въ подвигахъ. Служившіе ему братія упросили его, чтобы позволилъ имъ приходить черезъ мѣсяцъ и приносить маслинъ, овощей и елея, потомучто онъ былъ уже старъ.

Сколько же, живя тамъ, выдержалъ онъ браней, по написанному (Ефес. VI, 12), не съ плотію и кровію, но съ сопротивными демонами, о томъ знаемъ отъ приходившихъ къ нему.

Хотя діаволъ наблюдалъ за Антоніемъ и, какъ воспѣваетъ Давидъ, скрежеталъ на него *зубы своими* (Псал. XXXIV, 16), но Антоній, утѣшаемый Спасителемъ, пребывалъ невредимымъ отъ коварства и многоразличныхъ козней діавола. Такъ въ одну ночь,

когда Антоній проводилъ время во бдѣніи, врагъ посылаетъ на него звѣрей. Всѣ почти гіены, бывшія въ этой пустынѣ, вышедши изъ норъ, окружаютъ его; Антоній стоялъ посреди ихъ, и каждая зіяла на него и угрожала ему угрызеніемъ. Уразумѣвъ въ этомъ хитрость врага, онъ сказалъ гіенамъ: «если имѣете власть надо мною, то я готовъ быть пожранъ вами. А если посланы вы демонами, то не медлите и удалитесь, потомучто я—рабъ Христовъ». Едва Антоній сказалъ это, гіены бѣжали, какъ-бы гонимыя бичемъ слова.

Однажды, по просьбѣ монаховъ придти къ нимъ и на время посѣтить ихъ и мѣсто ихъ жительства, отправился онъ въ путь вмѣстѣ съ пришедшими къ нему монахами. Верблюдъ несъ для нихъ хлѣбы и воду, потомучто пустыня эта безводна, и воды, годной къ питію, вовсе нѣтъ въ ней нигдѣ, кромѣ той одной горы, на которой былъ монастырь Антоніевъ, гдѣ и запаслись они водою. Когда же на пути вода у нихъ истощилась, а зной былъ весьма сильный, тогда всѣ были въ опасности лишиться жизни. Обойдя окрестности и не нашедши воды, не въ силахъ уже были продолжать пути, легли на землѣ и, отчаявшись въ жизни своей, пустили верблюда идти, куда хочетъ. Старецъ видя, что всѣ бѣдствуютъ, весьма опечалившись и воздохнувъ, отходитъ отъ нихъ недалеко и, преклонивъ колѣна и воздѣвъ руки, начинаетъ молиться; и Господь вскорѣ содѣлалъ, что потекла вода на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ на молитвѣ; и та-

кимъ образомъ утолили всѣ жажду и оживились, наполнили мѣхи водою и продолжали путь безбѣдно. Когда же Антоній дошелъ до первыхъ на пути монастырей,—всѣ привѣтствовали его, смотрѣли на него, какъ на отца, а онъ, какъ-бы принеся напутствіе съ горы, угощалъ ихъ словомъ и преподавалъ имъ, что̀ было на пользу. Снова на горахъ были радость, соревнованіе о преспѣяніи и утѣшеніе взаимною другъ друга вѣрою. Радовался и самъ Антоній, увидѣвъ ревность иноковъ, и сестру состарѣвшуюся въ дѣвствѣ и уже настоятельницу другихъ дѣвственницъ.

Чрезъ нѣсколько дней опять ушелъ онъ на свою гору. И тогда стали уже приходить къ нему многіе, осмѣливались даже приходить иные и страждущіе. Всякому приходящему къ нему иноку давалъ онъ постоянно такую заповѣдь: «вѣруй въ Господа и люби Его, храни себя отъ нечистыхъ помысловъ и плотскихъ удовольствій и, какъ написано въ Притчахъ, *не прельщайся насыщеніемъ чрева* (Притч. XXIV, 15), бѣгай тщеславія, молись непрестанно, пой псалмы передъ сномъ и послѣ сна, тверди заповѣди, данныя тебѣ въ Писаніи, содержи въ памяти дѣянія святыхъ, чтобы памятующая заповѣди душа твоя ревность святыхъ имѣла для себя образцемъ». Особливо же совѣтовалъ Антоній непрестанно размышлять объ Апостольскомъ изреченіи: *солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ* (Ефес. IV, 26), и думать, что сказано сіе вообще относительно ко всякой заповѣди, чтобы не заходило солнце не только въ гнѣвѣ, но и въ дру-

гомъ грѣхѣ нашемъ. Пусть каждый ежедневно даетъ себѣ отчетъ въ дневныхъ и ночныхъ своихъ поступкахъ. И если согрѣшилъ, да перестанетъ грѣшить: если не согрѣшилъ, да не хвалится тѣмъ, но да пребываетъ въ добрѣ, и не предается нерадѣнію, и ближняго не осуждаетъ, и себя не почитаетъ праведнымъ. *дондеже,* какъ сказалъ блаженный Апостолъ Павелъ, *пріидетъ Господь* (1 Коринѳ. IV, 5), испытующій тайное. Пусть каждый изъ насъ замѣчаетъ и записываетъ свои поступки и душевныя движенія, какъ-бы съ намѣреніемъ сообщать это другъ другу; и будьте увѣрены, что, стыдясь извѣстности, непремѣнно перестанемъ грѣшить и даже содержать въ мысляхъ что-либо худое.

Такія наставленія давалъ Антоній приходящимъ; къ страждущимъ же былъ сострадателенъ и молился вмѣстѣ съ ними. И Господь часто внималъ молитвамъ его о многихъ.

Нѣкто, по имени Фронтонъ, изъ царедворцевъ, страдая жестокою болѣзнію, кусалъ себѣ языкъ и готовъ былъ лишить себя зрѣнія. Пришедши въ гору, просилъ онъ Антонія помолиться о немъ. Антоній, помолившись, сказалъ Фронтону: «иди и исцѣлѣешь». А когда больный упорствовалъ и оставался въ монастырѣ нѣсколько дней,—Антоній стоялъ въ своемъ словѣ, говоря: «не можешь ты исцѣлиться, пока здѣсь; иди и, достигнувъ Египта, увидишь совершившееся на тебѣ знаменіе». Фронтонъ повѣрилъ, ушелъ, и, какъ-скоро увидѣлъ Египетъ, болѣзнь его минова-

лась, и сталъ онъ здоровъ по слову Антонія, какъ во время молитвы открылъ ему Спаситель.

Еще однажды, пребывая въ горѣ и возведя взоръ, видитъ Антоній, что возносится нѣкто по воздуху, къ великой радости встрѣчающихъ его. Потомъ, дивясь и ублажая таковый сонмъ, начинаетъ онъ молиться, чтобы открыто ему было, чтò сіе значитъ. И вдругъ приходитъ къ нему гласъ: «это душа Амуна, Нитрійскаго инока». Амунъ же до старости пребылъ подвижникомъ. А разстояніе отъ Нитріи до горы, гдѣ жилъ Антоній, было тринадцати дней пути. Поэтому бывшіе съ Антоніемъ, видя дивящагося старца, пожелали знать причину, и услышали, что скончался Амунъ; а онъ былъ извѣстенъ имъ, потомучто часто бывалъ тамъ и притомъ много совершено было имъ знаменій. Монахи, которымъ Антоній сказалъ о смерти Амуна, замѣтили день. И когда, черезъ тридцать дней, пришли братія изъ Нитріи, спрашиваютъ ихъ и узнаютъ, что Амунъ почилъ въ тотъ самый день и часъ, въ который старецъ видѣлъ возносимую душу его. Тѣ и другіе много дивились чистотѣ души у Антонія и тому, какъ онъ совершившееся на разстояніи тринадцатидневнаго пути узналъ въ то же самое мгновеніе и видѣлъ возносимую душу.

Однажды комитъ Архелай, нашедши Антонія на внѣшней горѣ, проситъ его только помолиться о Поликратіи, чудной и христоносной дѣвственницѣ въ Лаодикіи. Страдала же она отъ чрезвычайныхъ

подвиговъ жестокою болью въ чревѣ и боку, и вся изнемогла тѣлесно. Антоній помолился; а комитъ замѣтилъ день, въ который принесена была молитва, и возвратясь въ Лаодикію, находитъ дѣвственницу здоровою. Спросивъ же, когда и въ какой день освободилась отъ болѣзни, вынимаетъ хартію, на которой записалъ время молитвы, и послѣ отвѣта исцѣленной, самъ въ то же время показываетъ запись: и всѣ удивились, узнавъ, что̀ тогда Господь избавилъ ее отъ страданій, когда молился о ней и призывалъ на помощь Спасителеву благость Антоній.

Часто и объ идущихъ къ нему, за нѣсколько дней, даже за мѣсяцъ, предсказывалъ Антоній, по какой причинѣ идутъ они. Ибо одни приходили единственно для того, чтобы видѣть его, другіе по причинѣ болѣзни, а иные потому, что страдали отъ бѣсовъ. И трудность путешествія никто не почиталъ для себя бременемъ и не жалѣлъ о трудахъ, потому что каждый возвращался, чувствуя пользу. Когда же было Антонію подобное видѣніе, и разсказывалъ онъ о семъ,—всегда просилъ, чтобы никто не удивлялся ему въ томъ, дивился же бы паче Господу, Который намъ человѣкамъ даровалъ возможность познавать Его по мѣрѣ силъ нашихъ.

Весьма многіе изъ монаховъ согласно и одинаково разсказывали, что совершено Антоніемъ много и инаго сему подобнаго. Но это еще не столько чудно, сколько предъ всѣмъ инымъ наиболѣе чуднымъ кажется слѣдующее. Однажды, предъ вкуше-

ніемъ пищи около девятаго часа вставъ помолиться, Антоній ощущаетъ въ себѣ, что онъ восхищенъ умомъ, а что̀ всего удивительнѣе, видитъ самъ себя, будто бы онъ внѣ себя, и кто-то какъ-бы возводитъ его по воздуху; въ воздухѣ же стоятъ какія-то угрюмыя и страшныя лица, которыя хотятъ преградить ему путь къ восхожденію. Поелику же путеводители Антоніевы сопротивлялись имъ, то требуютъ они отчета, не подлежитъ ли Антоній какой-либо отвѣтственности предъ ними, а поэтому хотятъ вести счетъ съ самаго его рожденія; но путеводители Антоніевы воспрепятствовали тому, говоря: «что̀ было отъ рожденія его, то̀ изгладилъ Господь; ведите счетъ съ того времени, какъ сдѣлался онъ инокомъ и далъ обѣтъ Богу». Тогда, поелику обвинители не могли уличить его, свободенъ и невозбраненъ сдѣлался ему путь. И вдругъ видитъ онъ, что какъ-бы возвращается и входитъ самъ въ себя, и снова дѣлается прежнимъ Антоніемъ. Въ сіе время, забывъ о вкушеніи пищи, остатокъ дня и цѣлую ночь проводитъ онъ въ воздыханіяхъ и молитвѣ; ибо удивлялся, видя, съ сколь многими врагами предстоитъ намъ брань, и съ какими трудами должно человѣку проходить по воздуху. И тогда пришло ему на память, что въ семъ именно смыслѣ сказалъ Апостолъ: *по князю власти воздушныя* (Ефес. II, 2). Ибо врагъ имѣетъ въ воздухѣ власть вступать въ борьбу съ проходящими по оному, покушается преграждать имъ путь. Почему наипаче и совѣтовалъ Апостолъ: *пріимите вся оружія*

Божія, да возможете противитися въ день лютъ (Ефес. VI, 13).

Антоній имѣлъ еще и сіе дарованіе. Во время пребыванія своего на горѣ въ уединеніи, если иногда, предложивъ самъ себѣ какой-либо вопросъ, приходилъ въ недоумѣніе,—то, по Божію промышленію, во время молитвы бывало ему о томъ откровеніе, и блаженный, по написанному, *былъ научаемъ Богомъ* (Исаія LIV, 13). Такъ однажды велъ онъ разговоръ съ пришедшими къ нему о состояніи души по смерти и о томъ, гдѣ будетъ ея мѣстопребываніе. Въ слѣдующую ночь зоветъ его нѣкто свыше, говоря: «встань, Антоній, выйди и посмотри». Антоній выходитъ (ибо зналъ, кому должно повиноваться), и возведя взоръ, видитъ, что стоитъ кто-то высокій, безобразный и страшный, и касается главою облаковъ, и что восходятъ еще нѣкіе какъ-бы окрыленные, и первый простираетъ къ послѣднимъ руки, и однимъ преграждаетъ путь, другіе же перелетаютъ чрезъ него, и миновавъ его, безбѣдно уже возносятся вверхъ; на послѣднихъ великанъ сей скрежещетъ зубами, о тѣхъ же, которые падаютъ внизъ, радуется. Вдругъ Антонію говоритъ голосъ: «уразумѣй видимое». Тогда отверзся умъ его, и уразумѣлъ онъ, что это есть прехожденіе душъ, что стоящій великанъ есть врагъ завидующій вѣрнымъ, и онъ подпадшихъ власти его удерживаетъ и возбраняетъ имъ идти далѣе; но не можетъ задержать непокорившихся ему, потомучто они проходятъ выше его. Увидѣвъ сіе, и такое видѣніе пріявъ

какъ-бы за напоминаніе себѣ, Антоній сталъ прилагать еще вящшее стараніе, чтобы ежедневно преуспѣвать въ прежнихъ подвигахъ. Объявлялъ же онъ о такихъ видѣніяхъ неохотно. Но поелику бывшіе съ нимъ, когда видѣли, что онъ долѣе обыкновеннаго молится и представляется удивленнымъ, спрашивали его и докучали ему своими вопросами,—то принужденъ бывалъ сказывать имъ, какъ отецъ, который ничего не можетъ скрыть отъ дѣтей; притомъ разсуждалъ онъ, что совѣсть его останется чиста, а имъ разсказъ его послужитъ на пользу, когда узнаютъ, что подвижничество имѣетъ благіе плоды, и видѣнія нерѣдко бываютъ утѣшеніемъ въ трудахъ.

Антоній былъ терпѣливаго нрава и имѣлъ смиренномудрое сердце. При всей духовной чистотѣ своей, чрезвычайно уважалъ церковное правило и всякому церковнослужителю готовъ былъ отдавать предъ собою предпочтеніе. Не стыдился преклонять главу предъ епископами и пресвитерами. Если когда приходилъ къ нему какой діаконъ ради пользы своей,—онъ предлагалъ ему слово на пользу, но совершеніе молитвъ предоставлялъ діакону, не стыдясь учиться и самъ. Нерѣдко предлагалъ вопросы и желалъ слушать пребывающихъ съ нимъ; сознавался, что и самъ получаетъ пользу, если кто скажетъ что-либо полезное. И лице его имѣло великую и необычайную пріятность. Пріялъ же Антоній отъ Спасителя и сіе дарованіе: если бывалъ онъ окруженъ множествомъ монаховъ, и кому-нибудь, незнавшему его прежде, же-

лательно было видѣть его,—то желающій, миновавъ другихъ, прямо подходилъ къ Антонію, какъ-бы привлекаемый взоромъ его. Отъ другихъ же отличался Антоній не высотою и взрачностію, но благонравіемъ и чистотою души. Поелику душа была безмятежна, то и внѣшнія чувства оставались невозмущаемыми, а потому отъ душевной радости весело было и лице, и по движеніямъ тѣлеснымъ можно было ощущать и уразумѣвать спокойствіе души, согласно съ написаннымъ: *сердцу веселящуся, лице цвѣтетъ, въ печалехъ же сущу, сѣтуетъ* (Притч. XV, 13).

Весьма чуденъ былъ онъ по вѣрѣ и благочестивъ. Никогда не имѣлъ общенія съ отщепенцами мелетіанами, зная давнее ихъ лукавство и отступничество; не бесѣдовалъ дружески съ манихеями, или съ другими еретиками, развѣ только для вразумленія, чтобы обратились къ благочестію. И самъ такъ думалъ, и другимъ внушалъ, что дружба и бесѣда съ еретиками—вредъ и погибель душѣ. Гнушался также и аріанскою ересію, и всякому давалъ заповѣдь не сближаться съ аріанами и не имѣть ихъ зловѣрія. Когда приходили къ нему нѣкоторые изъ аріанъ, то испытавъ и извѣдавъ, что они нечествуютъ, прогонялъ въ горы, говоря, что рѣчи ихъ хуже змѣинаго яда.

Однажды аріане распустили ложный слухъ, будто и Антоній одинаковыхъ съ ними мыслей,—тогда вознегодовалъ онъ и раздражился противъ нихъ; а потомъ, по просьбѣ епископовъ и всей братіи, прибывъ въ Александрію, осудилъ аріанъ, сказавъ, что аріан-

ство есть послѣдняя ересь и предтеча антихриста. Народъ же училъ, что «Сынъ Божій не тварь и не изъ не-сущихъ, но есть вѣчное Слово и Премудрость Отчей сущности. А посему, нечестиво—говорить о Сынѣ: было, когда Его не было. Ибо Слово всегда соприсуще Отцу. Поэтому, не имѣйте никакого общенія съ нечестивѣйшими аріанами. Ибо нѣтъ никакого общенія *свѣту ко тмѣ* (2 Коринѳ. VI, 14). Какъ вы, благочестиво вѣрующіе, именуетесь христіанами, такъ они, именующіе тварію сущаго отъ Отца Божія Сына и Отчее Слово, ничѣмъ не отличаются отъ язычниковъ, служа твари паче сотворшаго Бога. Вѣрьте же, что даже и вся тварь негодуетъ на нихъ за то, что Творца и Господа вселенной, *Имже вся быша,* сопричисляютъ къ существамъ сотвореннымъ». Весь народъ радовался, слыша, что такимъ мужемъ анаѳематствуется христоборная ересь. Всѣ жители города сбѣгались видѣть Антонія. Даже язычники и такъ называемые ихъ жрецы приходили въ храмъ Господень, говоря: «желаемъ видѣть человѣка Божія». Ибо такъ называли его всѣ. И здѣсь Господь чрезъ него освободилъ многихъ отъ бѣсовъ и исцѣлилъ повредившихся въ умѣ. Многіе даже изъ язычниковъ желали хотя прикоснуться только къ старцу, въ той увѣренности, что получатъ отъ сего пользу. И дѣйствительно, въ сіи немногіе дни столько обратилось въ христіанство, сколько въ иныя времена обращалось въ продолженіе года. Иные думали, что стеченіе народа безпокоитъ его, и потому отгоняли

отъ него всѣхъ приходящихъ; но невозмущаемый ничѣмъ Антоній сказалъ: «число приходящихъ не больше числа демоновъ, съ которыми ведемъ брань въ горѣ».

Когда же Антоній отходилъ, и мы сопровождали его,—тогда, какъ-скоро дошли до городскихъ воротъ, одна женщина воскликнула позади насъ: «остановись, человѣкъ Божій! Дочь мою жестоко мучитъ бѣсъ. Остановись, умоляю тебя, чтобы и мнѣ. бѣжа за тобою, не потерпѣть бѣды». Старецъ, услышавъ это и упрошенный нами, охотно остановился. И какъ-скоро женщина приблизилась, дочь ея повергнута была на землю; но Антоній помолился и призвалъ имя Христово; тогда отроковица возстала здравою. потомучто вышелъ изъ нея нечистый духъ. Матерь благословляла Бога, и всѣ воздавали Ему благодареніе. Самъ же Антоній радовался, возвращаясь въ гору, какъ въ собственный свой домъ.

Былъ же онъ весьма разуменъ. и что̀ удивительно, не учась грамотѣ, отличался тонкостію и проницательностію ума. Однажды пришли къ нему два языческіе философа, думая, что могутъ искусить Антонія. Былъ же онъ на внѣшней горѣ и, догадавшись по лицу шедшихъ, какіе это люди, вышелъ къ нимъ и сказалъ черезъ переводчика: «почему столько безпокоитесь вы, философы, для человѣка несмысленнаго?» Когда же отвѣтили они, что Антоній человѣкъ вовсе не несмысленный, а напротивъ того, весьма умный, тогда продолжалъ онъ: «если шли вы

къ человѣку несмысленному, то напрасенъ трудъ вашъ. А если почитаете меня разумнымъ, то будьте такими же, каковъ я, потомучто хорошему должно подражать. Если бы и я пришелъ къ вамъ, то вамъ сталъ бы подражать. Если же вы ко мнѣ пришли, то будьте такими же, каковъ я, а я—христіанинъ». Философы удалились съ удивленіемъ. Они видѣли, что и демоны боятся Антонія. Когда еще встрѣтились съ нимъ на внѣшней горѣ иные подобные симъ философамъ и думали осмѣять его въ томъ, что не учился онъ грамотѣ,—тогда Антоній спрашиваетъ ихъ: «какъ скажете: что̀ первоначальнѣе—умъ, или письмена? И что̀ чему причиною: умъ ли письменамъ, или письмена уму?» Поелику же отвѣтили они: умъ первоначальнѣе, и онъ изобрѣтатель письменъ,—то Антоній сказалъ: «поэтому, въ комъ здравый умъ, тому ненужны письмена». Отвѣтъ сей поразилъ и философовъ и всѣхъ бывшихъ при семъ, и они ушли, дивясь, что въ неученомъ нашли такую проницательность. Ибо Антоній не грубый имѣлъ нравъ, какъ возросшій и состарѣвшійся на горѣ, а напротивъ того, былъ пріятенъ и обходителенъ. Слово его растворено было Божественною солію, а потому никто не имѣлъ къ нему ненависти, всѣ же приходившіе къ нему паче о немъ радовались.

И дѣйствительно, когда послѣ сего пришло къ нему еще нѣсколько человѣкъ язычниковъ, почитавшихся мудрецами, и потребовали у него слова о вѣрѣ нашей во Христа, имѣли же намѣреніе войти въ

разсужденіе о проповѣди Божественнаго креста. чтобы посмѣяться,—тогда Антоній, помолчавъ немного и сперва пожалѣвъ о ихъ невѣжествѣ, сказалъ имъ чрезъ переводчика, вѣрно передававшаго слова его: «что̀ лучше, исповѣдывать ли крестъ, или такъ называемымъ у васъ богамъ приписывать блудодѣянія и дѣторастлѣніе? А если говорить о крестѣ, что̀ признаете лучшимъ: претерпѣть ли крестъ по злоумышленію людей лукавыхъ и не ужасаться какого бы то ни было рода смерти, или слагать басни о странствіяхъ Озириса и Изиды, о козняхъ Тифона, о бѣгствѣ Крона, о поглощеніи дѣтей и объ отцеубійствахъ? Ибо это—ваши мудрованія. Почему же, посмѣваясь кресту, не удивляетесь воскресенію? Ибо сказавшіе одно написали и другое. Или почему, упоминая о крестѣ, умалчиваете о воскрешенныхъ мертвецахъ, о прозрѣвшихъ слѣпцахъ, объ исцѣленныхъ разслабленныхъ, объ очищенныхъ прокаженныхъ, о хожденіи по морю и другихъ знаменіяхъ и чудесахъ, показывающихъ, что Христосъ не человѣкъ, но Богъ? Мнѣ кажется, что вы весьма несправедливы сами къ себѣ и не читали съ искреннимъ расположеніемъ нашихъ Писаній. Прочтите же, и увидите: дѣла, совершенныя Христомъ, доказываютъ, что Онъ Богъ, пришедшій для спасенія человѣковъ».

Поелику же они были въ недоумѣніи и обращались туда и сюда, то Антоній, улыбнувшись, сказалъ еще чрезъ переводчика: «хотя съ перваго взгляда видно сіе само собою, однакоже, поелику опираетесь

вы болѣе на доказательство изъ разума и, владѣя симъ искусствомъ, требуете, чтобы и наше богочестіе было не безъ доказательствъ отъ разума, то скажите мнѣ прежде всего: какимъ образомъ пріобрѣтается точное познаніе о вещахъ, и преимущественно вѣдѣніе о Богѣ, посредствомъ ли доказательствъ отъ разума, или посредствомъ дѣйственности вѣры? И что̀ первоначальнѣе: дѣйственная ли вѣра, или разумное доказательство?» Когда же отвѣтили они, что дѣйственная вѣра первоначальнѣе и что она есть точное вѣдѣніе, тогда сказалъ Антоній: «хорошо говорите вы. Вѣра происходитъ отъ душевнаго расположенія, а діалектика отъ искусства ея составителей. Поэтому, въ комъ есть дѣйственность вѣры, для того не необходимы, а скорѣе излишни, доказательства отъ разума. Ибо что̀ уразумѣваемъ мы вѣрою, то̀ вы пытаетесь утверждать изъ разума, и часто бываете не въ состояніи выразить то̀ словомъ, что̀ мы разумѣемъ ясно; а посему дѣйственность вѣры лучше и тверже вашихъ великомудрыхъ умозаключеній. Итакъ, у насъ христіанъ таинство боговѣдѣнія не въ мудрости языческихъ умствованій, но въ силѣ вѣры, даруемой намъ отъ Бога Іисусомъ Христомъ. И истинно слово мое; ибо вотъ нынѣ мы, не учившись письменамъ, вѣруемъ въ Бога, изъ твореній познавая Его о всемъ промышленіе. И дѣйственна вѣра наша; ибо вотъ нынѣ мы утверждаемся на вѣрѣ во Христа, а вы на велемудрыхъ словопреніяхъ, и ваши идолы не чудодѣйствуютъ болѣе, а наша вѣра распространяется

повсюду; и вы своими умозаключеніями и своимъ велемудріемъ никого не совращаете изъ христіанства въ язычество, а мы, уча вѣрѣ во Христа, отвращаемъ людей отъ вашего суевѣрія, потомучто всѣ признаютъ Христа Богомъ и Сыномъ Божіимъ; вы своимъ краснорѣчіемъ не можете положить преградъ ученію Христову, а мы именемъ Христа распятаго прогоняемъ всѣхъ демоновъ, которыхъ страшитесь вы, какъ боговъ, и гдѣ знаменіе крестное, тамъ изнемогаетъ чародѣйство, бездѣйственно волшебство. И то еще удивительно, что ваша вѣра никогда не была гонима, но чествуется людьми въ городахъ; исповѣдники же Христовы гонимы, и однакоже наша вѣра паче вашей цвѣтетъ и распространяется. И ваша вѣра, хвалимая и прославляемая, гибнетъ; а вѣра христіанская и ученіе Христово, вами осмѣиваемыя и часто гонимыя царями, наполнили собою вселенную. Ибо когда просіяло такъ Боговѣдѣніе? Или когда появились въ такой силѣ цѣломудріе и добродѣтель дѣвства? И когда люди въ такой мѣрѣ стали презирать смерть? Не со времени ли креста Христова? Никто не усумнится въ томъ, видя мучениковъ, ради Христа презирающихъ смерть, видя дѣвъ церковныхъ, ради Христа сохраняющихъ тѣла свои чистыми и неоскверненными. И сихъ доводовъ достаточно въ доказательство, что вѣра Христова есть единое истинное богочестіе. Донынѣ еще нѣтъ вѣры у васъ, ищущихъ доказательствъ отъ разума. А мы, какъ сказалъ учитель нашъ, *не въ препрѣтелныхъ языческія*

премудрости словесѣхъ (1 Коринѳ. II, 4) ищемъ доказательствъ, но ясно убѣждаемъ вѣрою, предваряющею построенія разума. Вотъ и здѣсь находятся страждущіе отъ демоновъ» (въ числѣ пришедшихъ къ Антонію были и мучимые бѣсами). И Антоній, изведя ихъ на средину, сказалъ: «или вы своими умозаключеніями и какимъ угодно искусствомъ и чародѣйствомъ, призвавъ идоловъ вашихъ, изгоните изъ нихъ бѣсовъ, или, если не можете, перестаньте препираться съ нами, и увидите силу креста Христова». Сказавъ сіе, призвалъ онъ имя Христово, въ другой и въ третій разъ запечатлѣлъ страждущихъ крестнымъ знаменіемъ, и вдругъ они избавились отъ страданій, стали здравы умомъ, и возблагодарили наконецъ Господа. А такъ называемые философы дивились и подлинно изумлялись, видя и благоразуміе Антонія и совершенное имъ чудо. Антоній же сказалъ имъ: «что дивитесь сему? Не мы дѣлаемъ это, творитъ же сіе Христосъ чрезъ вѣрующихъ въ Него. Посему и вы увѣруйте; тогда увидите, что у насъ не искусство владѣть словомъ, но вѣра, сильная дѣйственною ко Христу любовію. Если бы и вы имѣли вѣру сію, то не стали бы искать доказательствъ отъ разума, но почли бы достаточною для себя вѣру во Христа». Такъ говорилъ Антоній. Они же съ удивленіемъ удалялись, лобзая Антонія и сознаваясь, что пріобрѣли отъ него пользу.

Слухъ объ Антоніи дошелъ и до царей. Константинъ Августъ и сыновья его Констанцій и Констансъ Августы по слуху сему писали къ нему, какъ отцу,

и желали получить отъ него отвѣтъ. Но для Антонія немного значили и царскія письма, не восхитился онъ сими посланіями, но пребылъ такимъ же, какимъ былъ и прежде, нежели писали къ нему цари. А когда принесли ему сіи посланія, созвалъ онъ монаховъ и сказалъ: «не дивитесь, если пишетъ къ намъ царь, потомучто и онъ человѣкъ; но дивитесь паче тому, что Богъ написалъ людямъ законъ и глаголалъ къ нимъ чрезъ собственнаго Сына Своего». Поэтому думалъ онъ не принять писемъ, говоря: «не умѣю отвѣчать на подобныя писанія». Но монахи представляли, что цари сіи суть христіане и могутъ соблазниться, если письма будутъ отринуты; посему дозволилъ прочесть и отвѣтствовалъ на сіи посланія, восхваляя царей за то, что покланяются Христу, и далъ имъ спасительные совѣты не высоко цѣнить настоящее, но памятовать паче о будущемъ судѣ и вѣдать, что Христосъ есть единый истинный и вѣчный Царь; просилъ также царей быть человѣколюбивыми, заботиться о правдѣ и о нищихъ. И они съ радостію приняли отвѣтъ. Такъ былъ онъ возлюбленъ всѣми, такъ всѣ желали имѣть его отцемъ.

Сдѣлавшись уже столько извѣстнымъ, и послѣ того, какъ давалъ такіе отвѣты приходившимъ, снова возвратился онъ во внутреннюю гору и проводилъ время въ обычныхъ своихъ подвигахъ. Нерѣдко, сидя или ходя съ пришедшими къ нему, бывалъ въ ужасѣ, какъ пишется о Даніилѣ (Дан. IV, 16), и, по прошествіи нѣкотораго времени, продолжалъ бесѣду свою

съ бывшими при немъ братіями. И они догадывались, что Антонію было какое-либо видѣніе. Ибо нерѣдко, пребывая въ горѣ, видѣлъ онъ, что̀ дѣлалось въ Египтѣ, и пересказывалъ сіе епископу Серапіону, который тогда былъ при Антоніи и примѣчалъ, что Антонію было видѣніе. Однажды, сидя и занимаясь рукодѣльемъ, Антоній пришелъ какъ-бы въ восхищеніе, и во время видѣнія сильно вздыхалъ. Потомъ, чрезъ нѣсколько времени обратясь къ бывшимъ при немъ, воздохнулъ и, трепеща всѣмъ тѣломъ, началъ молиться, преклонивъ колѣна, и долго оставался въ такомъ положеніи. Вставъ же, старецъ сталъ плакать. Поэтому, бывшіе при немъ, приведенные въ трепетъ и великій страхъ, изъявили желаніе узнать его видѣніе и долго утруждали его просьбами, пока не вынудили сказать. И сильно воздохнувъ, произнесъ онъ: «лучше, дѣти, умереть, пока не исполнилось видѣніе». Поелику же они снова стали упрашивать, то, залившись слезами, сказалъ: «гнѣвъ постигнетъ Церковь, будетъ она предана людямъ, которые подобны скотамъ безсловеснымъ. Ибо видѣлъ я трапезу храма Господня и кругомъ ея отвсюду стоящихъ мсковъ, которые бьютъ въ нее ногами, какъ обыкновенно дѣлаютъ безчинно прыгающіе и лягающіеся скоты. Конечно вы примѣтили, продолжалъ онъ, какъ воздыхалъ я; ибо слышалъ голосъ, говорящій: оскверненъ будетъ жертвенникъ Мой». Такое видѣніе было старцу. И чрезъ два года открылось у насъ нынѣшнее нашествіе аріанъ и расхищеніе церквей, когда

аріане, съ насиліемъ похищая церковную утварь, носить ее заставляли язычниковъ, когда язычники принуждаемы были оставлять свои работы и идти въ собранія аріанъ, гдѣ они, въ присутствіи язычниковъ, дѣлали на святыхъ трапезахъ, что̀ хотѣли. Тогда-то всѣ мы поняли, что ляганіемъ мсковъ предуказано было Антонію то̀ именно, что̀ теперь, какъ скоты, неразумно дѣлаютъ аріане. Послѣ же того, какъ было Антонію сіе видѣніе, утѣшалъ онъ бывшихъ при немъ, говоря: «не унывайте, дѣти; какъ прогнѣвался Господь, такъ и исцѣлитъ опять. И Церковь вскорѣ воспріиметъ снова благолѣпіе свое и обычную ей свѣтозарность. Тогда увидите, что гонимые будутъ возставлены, нечестіе снова удалится въ норы свои, а благочестивая вѣра повсюду возвѣщаема будетъ со всею свободою. Не оскверняйте только себя съ аріанами, потомучто не Апостольское это ученіе, но бѣсовское, ведетъ начало отъ отца ихъ діавола и, лучше сказать, такъ же безплодно, неразумно, лишено праваго смысла, какъ и безсловесные мски».

Таковы-то Антоніевы дѣянія, и не должно повергать насъ въ невѣріе то, что столько чудесъ произведено человѣкомъ. Ибо Спаситель далъ обѣтованіе, говоря: *аще имате вѣру яко зе̂рно горушно, речете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ, и ничтоже невозможно будетъ вамъ* (Матѳ. XVII, 20); и еще: *аминь, аминь глаголю вамъ, аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Просите и пріимете* (Іоан. XVI, 23—24). Самъ Господь говоритъ ученикамъ и

всѣмъ вѣрующимъ въ Него: *болящыя изцѣляйте, бѣсы изгоняйте. Туне пріясте, туне дадите* (Матѳ. X, 8).

Антоній исцѣлялъ не повелительнымъ словомъ, но молитвою и призываніемъ имени Христова. желая для всѣхъ содѣлать явственнымъ, что творитъ сіе не онъ, но Господь чрезъ Антонія являетъ Свое человѣколюбіе и исцѣляетъ страждущихъ; Антонію же принадлежатъ только молитва и подвиги, ради которыхъ, пребывая въ горѣ, утѣшаемъ онъ былъ Божественными видѣніями. Онъ скорбѣлъ, что многіе безпокоятъ и принуждаютъ его оставлять гору.

Однажды, когда сильно побуждали его сойти съ горы имѣющіе въ немъ нужду, и долго просилъ о томъ одинъ военачальникъ, Антоній пришелъ, и кратко побесѣдовавъ о томъ, что̀ служитъ ко спасенію, и о потребностяхъ нуждающихся, спѣшилъ идти назадъ. Поелику же упомянутый военачальникъ сталъ просить, чтобы помедлилъ,—сказалъ онъ, что не можетъ долѣе оставаться съ ними. и убѣдилъ въ этомъ военачальника такимъ остроумнымъ сравненіемъ: «какъ рыбы, оставаясь долго на сухой землѣ, умираютъ, такъ и монахи, замедляя съ вами и проводя время въ вашемъ обществѣ, разслабѣваютъ. Поэтому, какъ рыбѣ должно спѣшить въ море, такъ намъ въ гору, чтобы, промедливъ у васъ, не забыть того, что̀ внутри». Военачальникъ, выслушавъ отъ него это и многое другое, въ удивленіи сказалъ: «подлинно онъ Божій рабъ. Ибо откуда у человѣка некнижнаго быть такому великому уму, если бы не былъ онъ возлюбленъ Богомъ?»

Одинъ же военачальникъ, по имени Валакій, немилосердо гналъ насъ христіанъ изъ усердія къ злоименнымъ аріанамъ. Онъ былъ до того жестокъ, что билъ дѣвъ, обнажалъ и наказывалъ бичами монаховъ. Антоній посылаетъ къ нему и пишетъ письмо въ такомъ смыслѣ: «вижу грядущій на тебя гнѣвъ Божій. Перестань гнать христіанъ; иначе, гнѣвъ постигнетъ тебя. Ибо онъ готовъ уже поразить тебя». Валакій, разсмѣявшись, бросилъ письмо на землю и оплевалъ оное, принесшимъ же нанесъ оскорбленіе, и велѣлъ сказать Антонію слѣдующее: «поелику заботишься о монахахъ, то дойду и до тебя». Но не прошло пяти дней, какъ постигъ его гнѣвъ Божій. Валакій съ Несторіемъ, эпархомъ Египетскимъ, отправился на первый ночлегъ отъ Александріи, именуемый Хереусъ; оба ѣхали на коняхъ, принадлежавшихъ Валакію, и кони сіи были смирнѣе всѣхъ, какихъ только держалъ онъ у себя. Не успѣли добраться до мѣста, какъ начали кони по обычаю играть между собою, и самый смирный изъ нихъ, на которомъ ѣхалъ Несторій, вдругъ началъ кусать Валакія, и до того зубами изгрызъ ногу его, что немедленно отнесли его въ городъ, а на третій день онъ умеръ. Тогда всѣ удивились, что такъ скоро исполнилось Антоніево предсказаніе.

Такъ вразумлялъ Антоній людей жестокосердыхъ, другихъ же, приходившихъ къ нему, приводилъ въ такое умиленіе, что немедленно забывали они о дѣлахъ судебныхъ и начинали ублажать отрекшихся

отъ мірской жизни. За обиженныхъ же Антоній предстательствовалъ съ такою силою, что можно было подумать, будто бы терпитъ обиду самъ онъ, а не другой кто. Притомъ, въ такой мѣрѣ умѣлъ онъ говорить на пользу каждому, что многіе изъ людей военныхъ и имѣющихъ большой достатокъ слагали съ себя житейскія тяготы и дѣлались наконецъ монахами. Однимъ словомъ, какъ врачъ, дарованъ онъ былъ Богомъ Египту.

Приходили къ нему и изъ чужихъ земель. и вмѣстѣ со всѣми получивъ пользу, возвращались, какъ-бы разставаясь съ отцемъ. И теперь, по его успеніи, всѣ, ставъ, какъ сироты послѣ отца, утѣшаются однимъ воспоминаніемъ о немъ, храня въ сердцѣ его наставленія и увѣщанія.

А каковъ былъ конецъ жизни его, сіе достойно того, чтобы и мнѣ напомянуть, и вамъ выслушать съ любовію, потомучто и въ этомъ должно соревновать ему. Посѣщалъ онъ по обычаю монаховъ, живущихъ на внѣшней горѣ, и предувѣдомленный Промысломъ о кончинѣ своей, сказалъ братіи такъ: «послѣднее это мое посѣщеніе вамъ; и удивительно будетъ, если удивимся еще въ жизни сей. И мнѣ время уже разрѣшиться, потомучто близъ ста пяти лѣтъ имѣю себѣ отъ роду». Братія, слыша сіе, плакали, обнимали и лобызали старца. А онъ, какъ-бы изъ чужаго города возвращаясь въ свой, бесѣдовалъ съ ними весело и заповѣдалъ имъ трудиться нелѣностно и не унывать въ подвигѣ, но жить, какъ-бы ежедневно

умирая, и, по сказанному выше, стараться охранять душу свою отъ нечистыхъ помысловъ, соревновать святымъ, не сближаться съ отщепенцами мелетіанами, зная лукавое и мерзкое ихъ произволеніе, не имѣть никакого общенія съ аріанами, потомучто ихъ нечестіе всякому явно: «и если видите, что имъ покровительствуютъ судіи, не смущайтесь, потомучто лжемудріе ихъ прекратится, оно временно и непродолжительно. Посему, храните себя паче чистыми отъ онаго, соблюдайте преданіе отцевъ, предпочтительно же всему благочестную вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа, какой научились вы изъ Писанія и о какой часто напоминалъ я вамъ».

Когда же братія неотступно стали просить, чтобы у нихъ остался и скончался, онъ не согласился на сіе, какъ по многимъ причинамъ, какія, даже умалчивая о нихъ, давалъ однакоже выразумѣть, такъ особенно по слѣдующей. Египтяне имѣютъ обычай, хотя совершать чинъ погребенія надъ тѣлами скончавшихся уважаемыхъ ими людей и особенно святыхъ мучениковъ, и обвивать ихъ пеленами, но не предавать ихъ землѣ, а возлагать на ложахъ и хоронить у себя въ домахъ, думая, что симъ воздаютъ чествованіе отшедшимъ. Антоній многократно просилъ епископовъ запретить сіе мірянамъ, также и самъ убѣждалъ мірянъ и дѣлалъ выговоры женщинамъ, говоря: «незаконно сіе и вовсе неблагочестно. Ибо тѣла патріарховъ и пророковъ донынѣ хранятся въ гробницахъ, и самое тѣло Господне положено было

во гробъ, и приваленный камень скрывалъ оное, пока не воскресло въ третій день». Говоря же сіе, показывалъ онъ, что незаконно поступаетъ, кто тѣла скончавшихся, даже и святыя, не предаетъ по смерти землѣ. Ибо чтò досточестнѣе и святѣе Господня тѣла? Посему многіе, выслушавъ это, стали потомъ тѣла умершихъ предавать землѣ, и научившись у Антонія, благодарили за сіе Господа.

Антоній же, зная сей обычай и опасаясь, чтобы не поступили такъ и съ его тѣломъ, простившись съ монахами, пребывавшими на внѣшней горѣ, поспѣшилъ отшествіемъ, и пришедши во внутреннюю гору, гдѣ обыкновенно пребывалъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ впалъ въ болѣзнь. Тогда, призвавъ бывшихъ при немъ (было же ихъ двое: они жили съ нимъ на внутренней горѣ, подвизаясь уже пятнадцать лѣтъ и прислуживая Антонію по причинѣ старости его), сказалъ имъ: «*азъ*, какъ написано, *отхожду въ путь отцевъ* (Іис. Навин. XXIII, 14). Ибо вижу, что зоветъ меня Господь. А вы трезвитесь и не погубите многолѣтнихъ вашихъ подвиговъ, но какъ начали теперь, такъ и старайтесь соблюсти свое усердіе. Знаете злокозненность демоновъ, знаете, какъ они жестоки, но немощны въ силахъ. Поэтому не бойтесь ихъ, но паче укрѣпляйтесь всегда о Христѣ и вѣруйте въ Него; живите, какъ-бы ежедневно умирая; будьте внимательны къ себѣ самимъ; помните наставленія, какія слышали отъ меня. И если имѣете попеченіе о мнѣ и помните, какъ объ отцѣ, то пре-

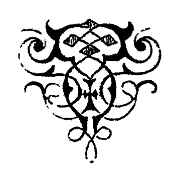
дайте тѣло мое погребенію и скройте подъ землею. Да соблюдено будетъ вами сіе мое слово, чтобы никто не зналъ мѣста погребенія тѣла моего, кромѣ васъ однихъ, потомучто въ воскресеніе мертвыхъ пріиму оное отъ Спасителя нетлѣннымъ. Раздѣлите одежды мои: епископу Аѳанасію отдайте одну милоть и подостланную подо мною одежду,—она имъ мнѣ дана новая и у меня обветшала; а епископу Серапіону отдайте другую милоть; власяницу возьмите себѣ. Прощайте, чада; Антоній преселяется, и не будетъ его болѣе съ вами!» Сказавъ это, когда облобызали его бывшіе при немъ, Антоній протянулъ ноги, и какъ-бы видя пришедшихъ къ нему друзей и обрадованный прибытіемъ ихъ (ибо возлежалъ съ веселымъ лицемъ), скончался и приложился къ отцамъ. Они же, какъ далъ имъ заповѣдь, совершивъ чинъ погребенія, обвивъ тѣло, предали оное землѣ, и кромѣ ихъ двоихъ, донынѣ никто не знаетъ, гдѣ оно погребено.

Таковъ былъ конецъ Антоніевой жизни въ тѣлѣ и таково начало его подвижничества. И хотя повѣствованіе сіе малозначительно въ сравненіи съ Антоніевыми добродѣтелями, однакоже и изъ сего заключайте, каковъ былъ Божій человѣкъ Антоній. Съ юныхъ лѣтъ и до такого возраста соблюдавшій равное усердіе къ подвижничеству, ни по старости не обольщавшійся дорогими снѣдями, ни по немощи тѣла своего не измѣнявшій вида своей одежды, или даже не обмывавшій ногъ водою, ни въ чемъ однакоже не потерпѣлъ онъ вреда. Глаза у него были

здоровы и невредимы, и видѣлъ онъ хорошо. Не выпало у него ни одного зуба, а только ослабли они въ деснахъ отъ преклонныхъ лѣтъ старца. Здоровъ онъ былъ руками и ногами. Однимъ словомъ, казался бодрѣе и крѣпче всякаго, пользующагося разнообразными снѣдями, омовеніями и различными одеждами. А что всюду говорили о немъ, всѣ удивлялись ему, даже невидавшіе любили его, это служитъ доказательствомъ его добродѣтели и боголюбивой души. Ибо не сочиненіями и внѣшнею мудростію, не искусствомъ какимъ, но единымъ богочестіемъ сталъ извѣстенъ Антоній. И никто не станетъ отрицать, что это былъ Божій даръ. Ибо ка́къ въ Испанію, въ Галлію, въ Римъ и въ Африку дошелъ бы слухъ о человѣкѣ, который скрывался и жилъ въ горѣ, если бы не Богъ содѣлывалъ повсюду извѣстными рабовъ Своихъ, что̀ и Антонію обѣщалъ Онъ еще вначалѣ? Хотя сами они дѣлаютъ все тайно и желаютъ быть сокрытыми, но Господь дѣлаетъ ихъ видимыми для всѣхъ, подобно свѣтильникамъ, чтобы, слыша о нихъ, знали, какъ могутъ заповѣди приводить къ преспѣянію, и возревновали идти путемъ добродѣтели.

Поэтому прочтите сіе жизнеописаніе и другимъ братіямъ; пусть узнаютъ, какова должна быть жизнь иноческая, и пусть убѣдятся, что Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ прославляетъ прославляющихъ Его, и служащихъ Ему до конца не только вводитъ въ Небесное Царствіе, но и здѣсь, сколько бы ни утаивались и ни старались пребывать въ уеди-

неніи, содѣлываетъ повсюду извѣстными и славными, ради добродѣтели ихъ и ради пользы другихъ. Если же потребуетъ нужда, прочтите сіе и язычникамъ: пусть и они такимъ образомъ познаютъ, что не только Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть Богъ и Сынъ Божій, но и искренне служащіе Ему и благочестиво вѣрущіе въ Него христіане, тѣхъ самыхъ бѣсовъ, которыхъ язычники почитаютъ богами, не только изобличаютъ, что они не боги, но, какъ обольстителей и растлителей человѣка, попираютъ и прогоняютъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

33) **Храмъ Божій и его священная важность для христіанъ.** Изд. 4-е Свящ. *Д. Булгаковскаго.* Спб. 1893 г. Ц. 10 к.

34) **Жизнь Господа нашего Іисуса Христа.** Опытъ историко-критическаго изложенія Евангельской исторіи. Съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйш. врем. Свящ. *Т. Буткевича.* Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1887 г. Ц. 4 р., въ изящн. коленк. перепл. 5 р.

35) **Иннокентій Борисовъ,** бывшій архіеп. Херсонскій. Свящ. *Т. Буткевича.* Спб., 1887 г. Ц. 2 р.

36) **Кругъ Поученій (110)** на всѣ воскресные и праздничные дни въ году и на седьмицы: Пасхальную, Первую поста и Страстную Прот. *Алексѣя Бѣлоцвѣтова.* Изд. 4-е, дополн. Св. Сѵнодъ, опредѣленіемъ отъ 1—20 мая 1881 г., одобрилъ для пріобр. въ церковн. библ. (Церк. Вѣст., № 31, 1881 г.). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ изящн коленк. перепл. 2 р. 25 к.

37) **Св. Іоаннъ Дамаскинъ.** Три защитительныхъ слова противъ порицающихъ святыя иконы или изображенія. Съ греческаго перевелъ *А. Бронзовъ.* Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

38) **Сборникъ краткихъ благоговѣйныхъ чтеній** на всѣ дни года. Графа *П. А. Валуева* Спб., 1885 г, ц. 4 р., въ переплетѣ 5 р.

39) **Новая скрижаль,** или объясненіе о церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ. *Веніамина,* архіеп. Нижег. Въ 4-хъ част., съ рисун., гравиров. на деревѣ В. Сѣряковымъ. Изд. 15-е. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

40) **Опытъ изученія Евангелія св. Іоанна Богослова.** *Георгія Властова.* Въ 2-хъ томахъ. Спб., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к., въ изящномъ коленк. пер. 4 р. 50 к.

41) **Священная лѣтопись первыхъ временъ** міра и человѣчества, какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ. *Георгія Властова.* Въ 3-хъ томахъ. Изд. второе, исправл. Всѣ три тома „Священ. лѣтопись" опредѣлен. Св. Сѵнода одобрены для пріобрѣт. въ фундаментальныя и ученич. библ. духовныхъ семин. Мин. Нар. Просв. реком. для фундаментальн. библ. средн. учебн. заведен. Реком. для всѣхъ церк. Спб., 1878 г. Ц. 8 р. 50 к.

42) **Практическія задачи дѣятельности сельскаго православнаго священника** *А. Громачевскаго.* Спб., 1890 г. Ц. 1 р.

43) **Дни Богослуженія православной каѳолической восточной Церкви.** Протоіерея *Г. С. Дебольскаго* 2 большихъ тома въ 6 частяхъ. Изд. 8-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р., въ роскошн. коленк. пер. 4 р. Ученымъ Комит. Мин. Народ. Просв. одобрены для ученич. библ. средн. и низш. учеб. заведеній.

44) **Попеченіе Православной Церкви о спасеніи міра,** выраженное въ ея Богослуженіи, объемлющемъ всю жизнь христіанина отъ рожденія до смерти, или объясненіе обрядовъ, требъ, таинствъ и Богослуженія православной Церкви. Прот. *Г. С. Дебольскаго.* Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 3-е. Одобрено Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для ученич. библ. средн. и низш. учебн. завед. Спб., 1885 Ц 2 р., въ изящ. коленк. пер. 3 р.

45) **Необходимость и важность христіанск.** повед. и послуш. православ. Церкви. Прот. *Г. С. Дебольскаго.* Изд. 2-е. Спб., 1885 г. Ц. 50 к.

46) **Краткое обозрѣніе Богослуженія православной Церкви.** Прот. *Г. С. Дебольскаго.* Съ рис. въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб., 1886 г. Ц 50 к.

47) **О говѣніи** по уставу православной Церкви. Прот. *Г. С. Дебольскаго* Изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

48) **Седмица говѣнія, исповѣди и причащенія** Прот. *Г. С. Дебольскаго.* Изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 20 к.

49) **О любви къ отечеству и трудѣ по слову Божію.** Спб., 1890 г. Ц. 25 к.

50) **Житія Святыхъ.** Составлено по Четьминеямъ и другимъ книгамъ *Софіею Дестунисъ.* Съ изображеніями святыхъ и праздниковъ академика Ѳ. Г. Солнцева. 12 книгъ Спб., 1892 г. Ц. 6 р. Одобрено Учебн. Комит. при Св. Сѵнодѣ для учен. библ. духовн. семинарій и учил. въ качествѣ назидательн. Чтенія для учащихся (27 іюля 1886 г., № 428). Одобрено Учен. Комитет. Минист. Нар. Просв. для учен. библ. учебн. зав. Минист. Нар. Просвѣщ. (20 мая 1887 г., № 7623). Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей циркулярно рекомендов. мѣстнымъ начальствамъ учебн. и восп. зав. вѣд. Импер. Маріи для библіот. ввѣренныхъ имъ зав. (24 февраля 1887 г., № 2995).

51) **Житія Святыхъ,** ежедневное чтеніе для народа и для церковно-приходскихъ школъ. Со включеніемъ: 1) Мѣсяцеслова, 2) Объясненія праздниковъ и 3) Указанія дней особеннаго чествованія Божіей Матери. Соч. *С. Дестунисъ.* Съ 120 изображеніями святыхъ. 12 кн. Спб., Ц. 1 р. 80 к.

52) **Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе божественной литургіи.** Основано на священномъ писаніи, правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и на писаніяхъ свв. отцовъ Церкви. Сост. *Иваномъ*

Дмитревскимъ. Вновь пересмотрѣнное и испр. изд., съ рис. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1884 г. Ц. 2 р. 50 к., въ изящн. пер. 3 р. 50 к.

53) **Нагорная бесѣда Господа нашего Іисуса Христа.** Съ толкованіемъ, общепонятно изложеннымъ. Инспект. Черниговск. Дух. Сем. *Ѳ. Дмитревскаго*. Спб., 1893 г. Ц. 20 к.

54) **Руководство къ изъяснительному чтенію Апостольскихъ посланій и Апокалипсиса.** Сост *А. Ивановъ*. Изд. 4-е, исправл. Одобрено Учебн. Комитет. при Св. Сунодѣ для употр. въ семин. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

55) **Сочиненія епископа Игнатія Брянчанинова.** Съ прил. портр. автора. Изд. 2-е, испр. и дополн. 6 т. Спб., 1886—1891 г. Ц. 13 р., въ коленк. перепл. 19 р.

56) **Отечникъ.** Избранныя изреченія святыхъ иноковъ и повѣсти изъ жизни ихъ, собранныя епископ. *Игнатіемъ* (Брянчаниновымъ). Спб., 1891 г. Ц. 3 р. Въ коленк. перепл. съ золот. тиснен. 4 р.

57) **Слово о смерти.** Епископа *Игнатія* (Брянчанинова). Спб., 1886 г. Ц. 1 р. 25 к. Въ коленк. переплетѣ 2 р.

58) **О терпѣніи скорбей.** Ученіе свв. отцовъ, собранное епископомъ *Игнатіемъ* (Брянчаниновымъ). Изд. 3-е. Спб., 1883 г. Ц. 50 к. Учен Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для учен.библ.средн. и низш. учебныхъ заведеній.

59) **Благочестивыя размышленія правосл. христ. о своей душѣ.** На каждый день мѣс. Съ изреч., заимствован. изъ св. пис., св. отцевъ и свят. Церкви и древнихъ философ. Сост. *П. Игнатьевъ* Спб., 1890 г. Ц. 30 к., въ изящн. перепл. 75 к.

60) **Избранныя изъ житій святыхъ чудеса и видѣнія, какъ доказательства различн. истинъ христіанской православн. вѣры.** Матеріалъ для пастырей при составл. поученій, и назидательное чтеніе для всѣхъ правосл христ. Сост. прот. *Ѳ. Л.* Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ изящн. коленк. перепл. 1 р. 75 к.

61) **Православно-Церковный календарь на 1894 г.** съ изложен. кратк. свѣд. о жизни и подвигахъ святыхъ, ежедн. воспом. Прав. Церк., исторіи праздниковъ, и указаніемъ особенностей Богослуженія въ нѣкоторые праздничные и великопостные дни. Съ приложеніемъ стѣннаго календаря. Спб. Ц. 30 к.

62) **Св. Іоанна Златоустаго о дѣвствѣ.** Перев. *Маріи В—вой*. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

63) **Поученія на великія праздники православной Церкви и на 1-ю недѣлю Вел. поста.** Сост. арх. *Іосифомъ*. Спб., 1881 г. Ц. 1 р.

64) **Мессіада.** Божественная поэма, соч. *Клопштока*. Перев. стихами *С. И. Писаревъ*. Въ 3-хъ частяхъ, съ біографическ. очеркомъ и портр. автора. 2 тома. Спб., 1868 г. Ц. 4 р.

65) **Ковальницкій прот. Сочиненія и переводы:** а) Взглядъ на ученіе соціалистовъ объ общеніи имуществъ. Слово. Ц. 5 к.

б) Голосъ природы о величіи Божіемъ и слабости человѣка. Изд 3-е. Ц. 5 к.

в) Евангельская женщина, обличенная въ грѣхѣ людьми и помилов. Спасителемъ. Ц. 5 к.

г) Жена—христіанка. Слово. Изд. 2-е Ц. 5 к.

д) Исповѣдь предъ духовникомъ не лишнее ли дѣло? Ц. 25 к.

е) Іерусалимъ вечеромъ и священникъ на Голгоѳѣ у креста Господня. Изд 3-е. Ц. 10 к.

ж) Материнская любовь у животныхъ. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

з) Много ли знаетъ человѣкъ о вселенной. Перев. съ нѣм. Ц. 20 к.

и) Обращеніе изъ невѣрія въ христіанство философа Августина. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц 10 к.

і) О величіи Божіемъ на небѣ. Слово. Изд. 2-е. Ц 10 к.

к) О постѣ на основаніи вѣры и науки. Слово. Изд 2-е. Ц. 10 к.

л) О таинствѣ причащенія Тѣла и Крови Спасителя Ц. 5 к.

м) Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ Философско-богословское размышленіе. Съ нѣм. Ц. 10 к

н) Послѣдніе дни жизни преступника, осужденнаго на смертную казнь. Ц. 20 к.

о) Послѣдніе дни жизни Пилата. Съ нѣм. Изд. 3-е. Ц 10 к.

п) Преп. Марія Египетская, какъ образецъ борьбы самой съ собой. Изд. 3-е. Ц. 5 к.

р) Проповѣдь Іисуса Христа, какъ доказательство Его божественности Ц. 10 к.

с) Примѣры святости христіанъ, бывшихъ ремесленниками. Изд. 3-е. Ц. 20 к.

т) Примѣры святости христіанъ бывшихъ врачами. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

у) Причины невѣрія въ наше время. Слово. Изд. 2-е. Ц. 10 к

ф) Рождество Іисуса Христа, какъ доказательство Его божественности. Ц. 10 к.

